

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 09.00.01 Онтология и теория познания
- 09.00.11 Социальная философия
- 09.00.03 История философии
- 09.00.13 Философская антропология, философия культуры
- 19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии
- 22.00.01 Теория, методология и история социологии
- 22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 22.00.08 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписной индекс журнала
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
в Объединенном каталоге
«Пресса России» — 41011

Адрес редакционной коллегии
614990, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© ПГНИУ, 2021

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Олег Александрович Барз (докт. филос. наук, доцент, акад. МАИА, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь).

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Лева Асканазович Мусалян (докт. филос. наук, доцент, зав. кафедрой философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва).

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург).

Александр Владимирович Перцев (докт. филос. наук, профессор, акад. РАЕН, профессор кафедры истории философии и философии образования, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва).

Виктор Дмитриевич Балин (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Елена Васильевна Левченко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург).

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров).

Александр Октабринович Прохоров (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань).

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Зинаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Евгения Анатольевна Когай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск).

Наталья Александровна Лебедева-Несеяра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь).

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург).

Галина Ивановна Осадчая (докт. социол. наук, профессор, акад. РАСН, чл.-кор. РАЕН, зав. Отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС, Институт демографических исследований РАН, Москва).

Татьяна Николаевна Юдина (докт. социол. наук, профессор, акад. РАСН, профессор факультета социологии, Российский социальный государственный университет, Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широканов (докт. филос. наук, профессор, акад. НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строканов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта-Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США).

Дьёрдь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия).

Джорджисо Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания).

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Майкл Э. Рьюз (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США).

Пол Эйкен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 09.00.01 Ontology and theory of knowledge
- 09.00.11 Social philosophy
- 09.00.03 History of philosophy
- 09.00.13 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 19.00.01 General psychology, personality
psychology, history of psychology
- 22.00.01 Theory, methodology and history of
sociology
- 22.00.04 Social structure, social institutions
and processes
- 22.00.08 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).

The Mass Media Registration Certificate
ПИ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription index
for the «Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
in the United Catalogue
«The Press of Russia» — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
Bukirev st., build. 15, Perm,
Perm Krai, Russia, 614990.
Tel. +7(342) 2396-305.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,

fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://www.philsoc.psu.ru/vestnik>

© Perm State University, 2021

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Oleg A. Barg (Doctor of Philosophy, Academician of International Association for Impact Assessment, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Culture and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm).

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Head the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm).

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm).

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg).

Alexander V. Pertsev (Doctor of Philosophy, Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the Department of History of Philosophy and Philosophy of Education, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow).

Viktor D. Balin (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Medical Psychology and Psychophysiology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Elena V. Levchenko (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg).

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov).

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Head of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan).

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm).

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk).

Natalya A. Lebedeva-Neseyeva (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm).

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg).

Galina I. Osadchaya (Doctor of Sociology, Academician of Russian Academy of Social Sciences, Corresponding member of Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Research of Social-Demographic Processes in EAEU, Institute of Demographic Research of Russian Academy of Sciences, Moscow).

Tatyana N. Yudina (Doctor of Sociology, Academician of Russian Academy of Social Sciences, Professor of the Faculty of Sociology, Russian State Social University, Moscow).

EDITORIAL BOARD

Dmitriy I. Shirokanov (Doctor of Philosophy, Academician of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus).

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA).

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary).

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain).

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Michael E. Ruse (Ph.D., Lucyle T. Werkmeister Professor, Director of the History and Philosophy of Science Program, Florida State University, Tallahassee, FL, USA).

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Китайская философия в межличностных отношениях <i>Лю Ю., Зуб А.Т.</i>	149	Chinese philosophy in interpersonal relations <i>Liu Youren, Anatoly T. Zub</i>
Философия Фридриха Ницше: рецепция и интерпретация Н.А. Бердяева <i>Шумской А.В.</i>	166	The philosophy of Friedrich Nietzsche: Nikolai Berdyaev's reception and interpretation <i>Andrey V. Shumskoy</i>
Неклассический субъект видения. Часть I <i>Комаров С.В., Лумпова М.А.</i>	179	Non-classical subject of vision. Part I <i>Sergey V. Komarov, Maria A. Lumpova</i>
Человекообразные системы информационного общества и риски регресса общественных отношений <i>Оконская Н.К., Внутских А.Ю., Брылина И.В.</i>	191	Human-dimension systems of information society and risks of social relations regress <i>Natalia K. Okonskaya, Alexander Yu. Vnutskikh, Irina V. Brylina</i>
Приватность и публичность как социально- пространственные категории <i>Чеснокова Л.В.</i>	202	Privacy and publicity as socio-spatial categories <i>Lesya V. Chesnokova</i>
Феномен трансгендерности и современная концепция андрогинии: культурфилософский анализ <i>Изрина С.О.</i>	212	Phenomenon of transgenderism and the modern concept of androgyny: philosophical and cultural analysis <i>Svetlana O. Izrina</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Темная Тетрада личности: обзор современных исследований <i>Дериш Ф.В.</i>	222	The Dark Tetrad of personality: review of recent research <i>Fedor V. Derish</i>
Отношение ко времени и своему возрасту во взаимосвязи с психологическим благополучием и самооценкой здоровья на этапе позднего онтогенеза <i>Павлова Н.С.</i>	236	Attitude to time and age in relation to psychological well-being and health self-assessment at the late ontogenesis stage <i>Nadezhda S. Pavlova</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Цифровая социология для изучения цифрового общества <i>Добринская Д.Е.</i>	250	Digital sociology for exploring digital society <i>Daria E. Dobrinskaya</i>
--	-----	--

Значение классических и современных социологических концепций для анализа факторов цифрового неравенства <i>Костина Н.Б., Чижов А.А.</i>	260	The role of classic and modern concepts for the analysis of the digital divide factors <i>Natalia B. Kostina, Alexander A. Chizhov</i>
Реабилитационная среда инвалида: концептуализация понятия в социологии <i>Григорьева М.И.</i>	270	Rehabilitation environment for the disabled: conceptualization of the concept in sociology <i>Milana I. Grigoreva</i>
Информация для авторов	282	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141:[221+24]

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-149-165

**КИТАЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ
В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ***Лю Южэнь, Зуб Анатолий Тимофеевич**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Проведен анализ различий между философскими традициями Запада и Востока. Среди основ китайской философии отдельно раскрываются главные категории буддизма, даосизма и конфуцианства. Понимание этих различий дает нам ключ к нескольким загадкам развития китайского общества и помогает осознать, как традиционная китайская философия влияет на межличностные отношения в современном Китае. В частности, в статье раскрыто понятие древнекитайской этики как основы для религиозных и научных представлений традиционного и современного китайского общества. Показано, что человекоцентричная китайская мораль, ориентированная вовне человеческого опыта, определяет взаимоотношение людей с внешним миром. Проводится также сравнение христианской и китайской этики. Поскольку люди являются одним из самых важных факторов управления, то имеет смысл понять, как ведут себя люди в разных странах. Исследование проводилось с помощью методов сравнительного анализа и изучения документов. Размышляя о межличностных отношениях через древнекитайские философские взгляды, авторы пытаются объяснить проблему Нидэма (Великий вопрос) и оценивать современное значение философии науки, используя философскую истину современных межличностных отношений. С этой точки зрения интерпретации, содержащиеся в статье, представляют интерес и новизну. В контексте исследования проблемы Нидэма сравниваются социально-политические и религиозные традиции в Китае и Европе. Обсуждается также загадка гуаньси — основа социальных и деловых отношений, которые имеют «квазиродственную» доверительную природу. Кроме того, через раскрытие особенностей современных деловых отношений идет осмысление загадки мяньцзы, которая определяет понимание репутации и человеческого достоинства. Человек является первой из мотиваций в науке, а также одним из важнейших факторов влияния в современном менеджменте. С философских позиций авторы пытаются исследовать особенности человечности в разных странах, чтобы объяснить поведение людей. Проведенное исследование способствует также изучению роли человеческого фактора в управлении.

Ключевые слова: философия, китайская философия, межличностное отношение, наука современного типа, загадка гуаньси, загадка мяньцзы, самосовершенствование, изменчивость, понимание судьбы.

CHINESE PHILOSOPHY IN INTERPERSONAL RELATIONS*Liu Youren, Anatoly T. Zub**Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

The article analyzes the differences between the philosophical traditions of the West and the East. Among the foundations of Chinese philosophy, the main categories of Buddhism, Taoism and Confucianism are differentiated and separately presented. The understanding of this difference gives us the key to several mysteries in the development of Chinese society and to the understanding of how traditional Chinese phi-

losophy affects interpersonal relations in modern China. In particular, the article discusses the concept of ancient Chinese ethics as the basis for religious and scientific views of traditional and modern Chinese society. In addition, the article indicates that the human-centered Chinese morality, oriented outside of human experience, determines the relationship between people and the outside world. The paper also provides a comparison of Christian and Chinese ethics. Since people are one of the most important factors of governance, it makes sense to understand how differently people behave in different countries. The study was conducted with the use of comparative analysis and document research methods. Reflecting on interpersonal relations through ancient Chinese philosophical thoughts, the authors try to explain the problem of Needham (The Great Question) and interpret the modern meaning of the philosophy of science using the philosophical truth of modern interpersonal relations. From this point of view, the thoughts contained in the article are of interest and novelty. In the context of researching Needham's problem, the authors compare socio-political and religious traditions in China and Europe. The paper also discusses the guanxi mystery — the basis of social and business relationships that have a «quasi-family» trusting nature. In addition, when discussing the peculiarities of modern business relations, the text unfolds the mystery of mianzi, which determines the understanding of reputation and human dignity. From the point of view of philosophy, human is the first of the motivations in science, as well as one of the most important factors of influence in modern management, the authors try to investigate the characteristics of humanity of different countries in order to explain the behavior of people. The study also provides a basis for studying the role of the human factor in governance.

Keywords: philosophy, Chinese philosophy, interpersonal attitude, modern-type science, guanxi mystery, mianzu mystery, self-improvement, variability, understanding of fate.

*Шить сарафаны и легкие платья из ситца.
Не увязать в философии как таковой.
В общем, начать к этой жизни легко относиться —
Так как ее все равно не понять головой.*

Вера Полозкова

Введение: китайская интерпретация философии

Термин «философия» происходит от составного греческого слова Φιλοσοφία, что дословно означает «увлечение мудростью».

Философия в целом как учение о фундаментальных основаниях бытия воспринимается в китайской культуре с некоторой опаской и зачастую получает эпитеты «высокая и глубокая», «трудная для понимания» (один из авторов публикации как частное лицо разделяет это мнение); в повседневном общении общефилософские (например, онтологические) вопросы обсуждать обычно не принято.

Древнегреческий философ Аристотель в своем трактате «Физика» писал: «Движение — реализация того, что в потенции уже есть. Небытие, стало быть, есть форма перехода от потенциального к актуальному». Иными словами, любое изменение происходит за счет реализации уже существующего потенциала. Используя этот подход, можно, например, разрешить

парадокс о том, что было первым — яйцо или курица. Следуя образу мысли Аристотеля, мы можем допустить, что первой была курица: как иначе мы узнали бы о том, что яйцо является яйцом? Именно в наличии множества изощренных подходов к разрешению сложных проблем и заключена великая мощь философии западного образца.

В Китай же термин «философия» пришел не из Греции, а из Японии. В 1874 г. японский философ и просветитель Ниси Аманэ (кит. и яп. 西周, яп. ромадзи Nishi Amane, пиньинь Xī Zhōu, палл. Си Чжоу) ввел этот термин (как и ряд других понятий из этой области) в японский язык. До 1896 г. реформатор и философ Кан Ювэй (кит. trad. 康有為, упр. 康有为, пиньинь Kāng Yǒuwéi) успел укоренить этот иероглифический перевод в Китае.

Философия — 哲學 (кит. trad. 哲學, пиньинь zhéxué, палл. чжэсюэ).

Это составное слово содержит два элемента:

1. 学问 (кит. trad. 學問, пиньинь xuéwèn, палл. сюэвэнь) — наука; знания; образованность, ученость, эрудиция.

2. 哲人 (пиньинь zhérén, палл. чжэжэнь) — мудрец; философ, мыслитель, человек выдающегося ума, софист.

Говоря о китайской философии, можно вспомнить о таких философах, как Конфуций

(кит. 孔子, пиньинь Kǒngzǐ, палл. Кун-цзы; реже кит. 孔夫子, пиньинь Kǒngfūzǐ, палл. Кун Фу-цзы; латинизировано как Confucius), Лао-цзы (кит. 老子, пиньинь: Lǎozǐ), Чжуан-цзы (кит. упр. 庄子, кит. trad. 莊子, пиньинь Zhuāngzi), Мо-цзы (кит. 墨子, пиньинь Mòzi), Хань Фэй (кит. упр. 韩非, кит. trad. 韓非, пиньинь Hán Fēi) и т.д.

Однако фактически философские исследования в Китае начались гораздо раньше — около трех тысяч лет назад, в эпоху Чжоу (кит. 周朝, пиньинь Zhōu Cháo, палл. Чжоу Чао; 1046 до н.э. — 221 до н.э.). Выдающимся результатом этой работы стала «Книга перемен» (кит. упр. 易经, кит. trad. 易經, пиньинь: Yì Jīng, палл. И Цзин), в которой неизвестные авторы пытались постичь основной закон природы. Они полагали, что все сущее имеет Инь и Ян (кит. упр. 阴阳, кит. trad. 陰陽, пиньинь: yīnyáng, палл. иньян) — темное и светлое начала. Данная концепция подчеркивает важность внутренних противоречий в единстве развития вещи и представляется важным этапом в истории развития китайской диалектики. Можно считать данное учение материалистическим: ведь оно объясняет, что мир является вещественным, состоит из вещества; вещество, в свою очередь, претерпевает трансформации, переходящие в качественное развитие, которое, в свою очередь, следует закону развития, который Лао-цзы сформулировал в книге «Дао дэ цзин» (кит. упр. 道德经, кит. trad. 道德經, пиньинь: Dào Dé Jīng, рус. «Книга пути и достоинства», «Трактат о пути и доблести»):

«Дао, которое может быть выражено словами, не есть постоянное дао» — 道可道 非常道 (пиньинь dào kě dào fēicháng dào, палл. дао кэ дао фэйчан дао, дословно — путь, который может вести, очень изменчив).

Это выражение чрезвычайно трудно для понимания, и каждый китаец интерпретирует его по-своему. Можно сказать, что истина мира нуждается в постоянном пересмотре и улучшении. Первое дао (кит. 道, пиньинь: dào, буквально — путь) относится к происхождению и сущности Вселенной и распространяется на основные положения, принципы, истины, законы и пр. Второе дао — это глагол, который относится к объяснениям и выражениям (букваль-

но — проистекать, выражаться, вести за собой). Дао можно высказать, но оно не является постоянным. Дао — естественный путь вещей и одновременно путь морали, который нужно пройти человеку. Дао могут постичь нравственные люди, что приведет их к совершенству. Путь в образе дао или неба регулирует поступки людей. Дао, совокупность всех вещей: это процесс, требующий языка «изменений» и «настойчивости».

Тем не менее считается, что классическая китайская философия начинается с Конфуция и его рассуждений об истории династий Ся (кит. 夏朝, пиньинь Xià Cháo, палл. Ся Чао; 2070 до н.э. — 1600 до н.э.), Шан (кит. 商朝, пиньинь Shāng Cháo, палл. Шан Чао; 1600 до н.э. — 1046 до н.э.) и Чжоу. Значительный вклад в ее развитие внесли также даосизм и буддизм. Эти три ведущие философские традиции имеют как сходные черты, так и различия. Объединяла их общая цель — поиск пути для преодоления упадка культуры эпохи Чжоу.

Конфуций в основном исследовал вопросы, которые в западной традиции относят к областям этики и аксиологии: ценность жизни и ценность морали, человечность и доброта, возвращение добродетели и утверждение нравственного творчества как цели каждой личности. Он первым из китайских философов сформулировал идею о состоянии «чистой совести» человека, обратился «...к его честности, добродетели, мужеству, человеколюбию, доверию как закону человеческого общежития».

Применительно к теме статьи нам интересны «пять постоянств» конфуцианского канона 五常 (пиньинь wǔcháng, палл. учан) — пять основных моральных норм:

— 仁 (пиньинь rén, палл. жэнь) человечность, гуманность как высшая моральная норма; подразумевает благожелательность, милосердие, дружбу, взаимопомощь, сострадание;

— 义 (кит. trad. 義, пиньинь yì, палл. и) справедливость; подразумевает благородство и чувство долга, необходимость делать, что должно, поступая разумно и справедливо, является следствием человечности;

— 礼 (кит. trad. 禮, пиньинь lǐ, палл. ли) ритуал; подразумевает соблюдение этикета и приличий, вежливость в общении, регламентирует

традиции дарения и поклонения, является внешним проявлением человечности;

– 信 (пиньинь xìn, палл. синь) искренность; подразумевает взаимную честность и доверие в отношениях, а также верность и надежность;

– 智 (пиньинь zhì, палл. чжи) знания, иначе переводится как разум; включает в себя также находчивость, остроумие и иные интеллектуальные способности.

Философы-даосы, полемизируя с последователями Конфуция, наоборот, провозглашали бесконечную свободу внутреннего совершенствования человека и полагали, что навязанные извне моральные нормы лишь мешают внутреннему развитию личности, приводят к лицемерию и усугубляют нравственные и социальные проблемы.

Истинный даос практикует «недеяние» (кит. упр. 无为, кит. trad. 無為, пиньинь: wúwéi, палл. у-вэй), иначе «созерцательную пассивность», «спонтанность». Недеяние не есть бездействие. Этот термин обозначает внутреннее состояние практикующего дао, состояние осознанной естественности, внутренней самореализации, которое не может быть достигнуто принуждением или сознательным усилием, а возникает спонтанно в результате духовной практики и приводит в конечном итоге к более результативной деятельности: «Дао никогда ничего не делает, но [при этом] не бывает ничего несделанного». В. Степин в работе «Философия науки» пишет, что категории «вэй» и «у-вэй» (приложение силы и недеяние) появились как противопоставление силы ненасильственному действию [Степин В.С., 2006, с. 371]. Автор при этом уточняет, что принцип «у-вэй», отвергает способ действия, основанный на постоянном силовом вмешательстве в протекание природных процессов. Принцип «у-вэй» помогает почувствовать естественные ритмы природного мира и действовать в согласии с ними. Акцент делается на том, что только «не осведомленные в истинных законах бытия» понимают принцип «у-вэй» как безропотность. У людей с развитым дао «недеяние» означало ответственность природе вещей. Таким образом, взаимодействие человека с миром и обществом происходит так, что человек не является чем-то внешним, а встраивается в социальную среду или корпоративную систему.

Буддизм ввел в китайскую философию понятия дхармы и взаимозависимого возникновения. Каждое явление или состояние (дхарма) мимолетно, мгновенно, является причиной и условием для возникновения других явлений и одновременно следствием неисчислимого множества явлений-причин. В силу этого в буддизме мир в целом бесконечно изменчив, непостижим и непредсказуем.

В то время как развитие западной философии, взявшей на вооружение принцип причинности, привело к развитию науки, открытию законов природы и материализму, буддийская философия полагает, что мир непостижим, а его образ, воспринимаемый человеком, иллюзорен. Истинный буддист не стремится исследовать этот мир, а старательно пытается отрицать реальность, чтобы сбросить бремя иллюзии.

Три рассмотренные философские системы, сосуществуя в Китае на протяжении долгих столетий, взаимно обогащались, породив в результате уникальный результат — некое обобщенное этическое руководство, которое давно проникло в практику повседневного общения (в том числе делового) и доступно для понимания любому члену китайского общества. В то же время механизм межличностных отношений в Китае зачастую малопонятен иностранцу.

Рассмотрению некоторых аспектов и философских оснований этого механизма и посвящена данная статья.

Основное различие между философскими традициями Запада и Востока заключено в расстановке приоритетов — что именно является важнейшим предметом для исследования.

Для западной философии с самого начала ее развития, еще с времен Древней Греции, приоритетом было изучение окружающего мира, что можно обозначить как «взгляд вовне». Из классической греческой философии развились онтология, космология и метафизика, параллельно были заложены методологические основания для развития науки. Генри Роузмонт-младший и Роджер Т. Эймс в предисловии к переводу книги «Аналекты Конфуция» отметили, что в западной мысли и языках преобладает субстанциальный взгляд на реальность, что противопоставляется событийному взгляду на реальность, отраженному в китайском языке и мышлении Mesle [Mesle C.R., 2008].

Философская мысль традиционного Китая разработала оригинальную систему категорий, которые являются основой философского языка и в современном Китае. Эта специфическая система категорий до сих пор влияет на философские и социально-политические концепции [Кобзев А.И., 2001]. В китайской философской традиции приоритетным объектом является человек. Она сконцентрировалась на поиске нравственных основ жизни и обосновании морали, не задаваясь при этом вопросами общего мироустройства или природы божественного и не прибегая к их помощи. Для нее характерен «взгляд вглубь». По мнению восточных мудрецов, знания нужны не для исследования мира в корыстных целях, а для достижения гармонии с ним. Представитель философии неоконфуцианства Моу Цзун-сань в своей работе «Сущность сердца (духа) и сущность [человеческой] природы» отмечает, что мораль в конфуцианстве обладает безграничным проникновением, что практически становится религией. Китайская философия также не противопоставляла себя религии [Кобзев А.И., 2006, с. 127].

Понимание этого различия дает нам ключ к нескольким загадкам развития китайского общества. Рассмотрим некоторые из них.

Почему в Китае не возникла наука современного (западного) типа? (Needham's Grand Question — проблема Нидэма, или Великий вопрос)

Прежде всего отметим, что «наука» — science — в западной традиции подразумевает преимущественно естествознание плюс некоторые области, для которых разработан математический аппарат. (Один из соавторов знаком с неким аспирантом, в частной беседе высказавшим мнение, что гуманитарные науки, строго говоря, науками не являются. Предположительно, это мнение, хотя и не афишируется, до сих пор является достаточно распространенным в западном обществе.) Китайское понятие науки шире — 博物学 (кит. trad. 博物學, пиньинь bówù xué, палл. боу сюэ), что можно перевести как «натуральная история». Этот нюанс следует учесть, чтобы в дальнейшем не возникло нестыковок.

Джозеф Нидэм — британский биохимик, синолог, науковед Кембриджского университета. Под «проблемой Нидема», как правило,

понимают выявление причин научного отставания Китая от Европы в период развития капитализма. Средневековая китайская наука формировалась в социально-экономических условиях, кардинально отличных от европейских. В целом науковедческая загадка Нидэма состоит из таких ключевых вопросов: почему современная наука возникла в Западной Европе и не возникла в Китае и по каким причинам в течение почти 2000 тыс. лет до начала научной революции в Западной Европе китайская наука и технология опережала первую [Современные историко-научные исследования..., 1987].

У авторов статьи пока нет ответа на вопрос Нидэма, хотя на размышления над ним ушло немало времени. Но можно попытаться ответить на несколько иначе поставленный вопрос: в силу каких причин современная наука возникла на Западе?

Весьма парадоксально мысливший британский философ и математик Альфред Уайтхед (Alfred North Whitehead) указал на три неочевидных источника современной западноевропейской науки: греческая трагедия, римское право и средневековая вера [Seibt J., 2003].

Почему именно греческая трагедия? Ученый утверждал, что она «воспитывает научный дух», поскольку ее главный герой — неотвратимая судьба, беспощадный рок, непреодолимый, как законы физики. Действие закона такого рода совершенно не зависит от воли человека. Осознание этого могло сформировать соответствующее мировоззрение, где миропорядок самодостаточен и жесток, а роль индивида в нем принижена.

Римское право также послужило основой для рациональности в мировоззрении. Эта система права в первую очередь формулирует ряд базовых — абстрактных — принципов власти, почерпнутых из учения стоиков. И лишь затем объединяет их и формулирует законы применительно к конкретным потребностям реального общества. Чем не научный подход?

В средневековой вере, при ближайшем рассмотрении, также обнаруживаем основы рациональности: люди верили, что любая вещь, во-первых, материальна, а во-вторых, вплоть до мелочей подконтрольна божеству и при этом встроена в общий миропорядок. Причем ми-

ропорядок этот, будучи создан божеством, по определению совершенен и целесообразен. В результате интерес к устройству конкретных вещей и изучение природы как божественного творения приводят, с одной стороны, к рациональному подтверждению веры, а с другой — к развитию науки.

Особенности западной теологии, по мнению авторов этой статьи, оказались благодатной почвой и необходимым условием для формирования науки европейского типа.

Дело в том, что природа божественного в религиях Востока бесконечно далека от природы человека. Есть Небо и есть Земля (кит. 天地, пиньинь: tiāndì, палл. тяньди). Их законы различны и несопоставимы. Божества всемогущи и не совершают ошибок, а законы Неба не подлежат даже обсуждению — в силу априорной непостижимости. Азиатские боги могут сотворить с земным миром что угодно и в любой момент, предсказать их действия невозможно и повлиять на них нельзя. В силу этого представления изучение общих законов мироустройства теряет какой-либо практический смысл.

В теологиях Запада (неважно, моно- или политеистических) человек создан по образу и подобию божества. Греческие боги могли любить, ненавидеть и совершать роковые ошибки. Бог Израиля говорил с избранным народом. Западные божества близки к человеку, логика их действий может быть постигнута человеческим разумом (пусть и не всегда успешно) и в любом случае открыта для обсуждения. Западные боги способны услышать голос человека и ответить ему. Задача человека в таких координатах — постичь божественный замысел и следовать ему. А поскольку в западных теологиях боги, как правило, являются и демиургами мира людей, для постижения божественного замысла следует изучать божественное творение — этот мир. Именно отсюда проистекает упорный поиск общего закона в многообразных частных явлениях окружающей действительности, что и является основой научного подхода западного образца.

Западная цивилизация уходит корнями в глубокие пласты древних культур Средиземноморья. Западная философия многие века переплавляла в себе идеи философских школ Древней Греции с монотеизмом Древней Иудеи. Но даже у столь различных источников

есть существенная общая черта: эти идеологии порождены народами, не связанными жизненной необходимостью с трудоемким оседлым земледелием. Это философии народов, занимавшихся в основном торговлей и ремеслом, мореплаванием и охотой, кочевым скотоводством. К примеру, древние греки, жившие в самой гористой и бесплодной части Балкан, вынуждены были закупать зерно за морем и без этой торговли выжить не могли. Торговля и мореплавание, кочевой образ жизни приводят к частым и необходимым деловым контактам с чужаками, имеющими иной язык, обычаи и религию. Основой таких отношений не могла быть внутриплеменная этика, основанная на родстве, — ею стал договор; договорные отношения имеют с тех пор высокий статус в западной культуре. Даже Библия считается договором между Богом и человеком.

В цивилизации, основанной на договорных отношениях, стороны договора обязаны соблюдать правила и нести ответственность за их нарушение. Человек, который может создавать свои собственные правила и соблюдать их, должен быть независимым — т.е. свободным — человеком. Именно в силу этого свобода стала для западного общества фундаментальной ценностью. В западной цивилизации несвободный человек — недочеловек, он не может быть признан дееспособным.

С другой стороны, свобода человека может быть ограничена не только другими людьми или обществом в целом, но и собственным невежеством и предрассудками, а также объективными условиями — географическими или климатическими например. Древнегреческие философы первыми указали, что путь к преодолению несвободы такого рода лежит через познание законов окружающего мира, связав таким образом стремление к познанию мироустройства со стремлением к фундаментальной ценности — свободе. С тех пор в европейской традиции стремление к науке — это стремление к свободе, а наука, познание мира — единственный путь к свободе. Много веков спустя эту идею оформил в знаменитый лаконичный тезис Бенедикт Спиноза: «Свобода есть осознанная необходимость».

Путь научного знания в Европе был долг и непрямой, но, пройдя горнило средневековой схоластики и смену парадигмы в эпоху

Возрождения, провозгласившей двигателем судьбы человеческую волю взамен божественного провидения, стремление к познанию вышло в эпоху Нового времени на новый качественный уровень — оформилось в науку современного типа, основанную на эксперименте, разработавшую мощный математический аппарат, обладающую колоссальной предсказательной способностью и ставшую с XIX в. главной движущей силой западной цивилизации, преобразив наш мир до неузнаваемости.

По мнению Нидэма, научная революция в Европе обособила научную истину от этики, отчего мир стал более опасным. В восточных науках целью была взаимосвязь отношений истины и нравственности. Безусловно, ученые Древнего Китая тоже стремились к знаниям, но это стремление не стало приоритетным. Из третьего текста конфуцианского Четверокнижия «Да сюэ» (кит. упр. 大学, кит. трад. 大學, пиньинь dà xué, рус. «Великое учение»), который торжественно жаловали кандидатам, сдавшим экзамен на высшую ученую степень цзиньши (кит. упр. 进士, кит. трад. 進士, пиньинь jìnshì), можно почерпнуть иерархию ценностей, которыми должен руководствоваться в своей последующей деятельности ученый муж. Вот «восемь основоположений» из этого текста, представленные в порядке возрастания ценности:

– 格物 (пиньинь géwù, палл. гэу) — выведение (постижение природы) вещей, правильная классификация вещей и явлений внешнего мира;

– 致知 (пиньинь zhìzhī, палл. чжичжи) — доведение знания до конца (до реализации);

– 诚意 (кит. трад. 誠意, пиньинь chéngyì, палл. чэньи) — обретение искренности помыслов;

– 正心 (пиньинь zhèngxīn, палл. чжэнсинь) — прямота (исправление) сердца, самоисправление;

– 修身 (пиньинь xiūshēn, палл. сюшэнь) — (нравственное и телесное) самосовершенствование;

– 齐家 (кит. трад. 齊家, пиньинь qíjiā, палл. цижя) — выравнивание (наведение порядка) в семье, в доме;

– 治国 (кит. трад. 治國, пиньинь zhìguó, палл. чжигу) — приведение в порядок государства, правильное управление страной;

– 平天下 (пиньинь píng tiānxià, палл. пинтянься) — умиротворение Поднебесной.

Как видим, задачи познания (первые два пункта списка) находятся на базовом уровне и высшей целью не признаются.

В новом Китае можем наблюдать ту же картину. Например, современная образовательная политика ориентирована на всестороннее развитие талантов при одновременном развитии морали и интеллекта. Мораль, заметим, указана раньше интеллекта.

Резюмируя, китаец видит высшую цель в жэнь (человеколюбии, гуманности, гармонии), житель Запада видит ее в свободе. Различие целей неизбежно ведет к различию путей развития. Цивилизации Востока и Запада — как деревья разных пород, возросшие на разных почвах, вдалеке друг от друга, к примеру, яблоня и персик. Различные деревья неизбежно приносят различные плоды.

С учетом изложенного наука западного типа видится авторам статьи удивительным и уникальным явлением, исторически сложившимся в Европе вследствие цепочки невозможных условий. Главный ответ Нидэма на свой вопрос: если бы аналогичные западным социально-экономические изменения самостоятельно произошли в свое время в Китае, то и там научная революция преодолела бы все идеологические и общекультурные препятствия [Современные историко-научные исследования..., 1987]. Он считает также, что китайская наука является самодостаточной теоретической системой.

Загадка гуаньси (кит. упр. 关系, кит. трад. 關係, пиньинь: guānxi, буквально — отношение, взаимозависимость, корреляция): как возник особый тип межличностных связей в Китае

Выше уже упоминалось, что основы западной цивилизации, построенной на договорных отношениях, заложены в древности купцами и мореходами, имевшими постоянные контакты с незнакомцами. В земледельческом Китае все сложилось иначе: исторически это цивилизация оседлых деревенских жителей, живущих

большими семьями; здесь все друг друга знали, контактов с незнакомцами почти не случилось. Для ведения дел здесь не нужен был договор — достаточно было кровного родства, семейных отношений. Человеку для того, чтобы быть дееспособным, здесь не нужна была свобода в европейском понимании — достаточно было быть «своим», т.е. членом семьи (клана), родственником или односельчанином, которого знают и поэтому доверяют.

В традиционной китайской культуре все отношения рассматриваются как копия родственных отношений, будь то отношения между государем и подданными (в этом смысле император — отец нации), чиновником и простым крестьянином, учеником и учителем. Этот принцип выражен в трактате «Лунь Юй» (кит. упр. 论语, кит. trad. 論語, пиньинь: lún yǔ, рус. «Беседы и суждения», «Аналекты Конфуция») следующим образом: «Государь должен быть государем, сановник — сановником, отец — отцом, сын — сыном» (кит. 君君臣臣父父子子, пиньинь jūn jūn chén chén fù fù zǐ zǐ, палл. цзюнь цзюнь чэнь чэнь фу фу цзы цзы).

При этом каждая из сторон этих отношений имеет как права, так и обязанности по отношению к другой стороне, что создает необходимый баланс.

Семейные отношения в Китае на протяжении более чем двух тысячелетий строго подчинены конфуцианским «пяти постоянствам», где основное — жэнь (человеколюбие, любовь), которое регулируется двумя другими «постоянствами» — справедливостью (и) и ритуалом (ли). Основные положения конфуцианской морали китаец впитывает еще в детстве, причем не теоретически, а в быту, из своего обычного окружения, и воспринимает как нечто естественное и правильное. Он с ранних лет привыкает, что не может быть расчетливым, эгоистичным, постоянно утверждать свою правоту с родителями и близкими родственниками: жесткая позиция приводит лишь к вражде и хаосу, ведь у каждого человека есть свое мнение и свои права. Таким вот опосредованным образом философия указывает человеку путь к согласию внутри семьи — любовь и справедливость, поддерживаемые и регулируемые ритуалом. Разумный член семьи забо-

тится о чувствах родных, оказывает поддержку, соблюдает справедливость, стремится к доверию и гармонии в отношениях. На этой основе развивались и деловые отношения, так как первоначально экономические предприятия не выходили за рамки семьи.

С развитием цивилизации и ростом городов деловые контакты неизбежно становились шире семейных. Выход виделся только один: раз возникла необходимость вести дела с чужаком, надо вначале включить его в число «своих» — установить с ним доверительные отношения, подобные отношениям с родственниками. Или, если это невозможно, не вести с ним дел вообще. Именно здесь видятся истоки возникновения гуаньси — этого специфического стремления китайцев к налаживанию доверительных и, что очень важно, эмоционально окрашенных, квазиродственных отношений с коллегами по работе и деловыми партнерами. Когда такие отношения удается наладить, устанавливается взаимное доверие и только тогда в этой благоприятной, практически семейной, понятной среде китайцы могут по-настоящему эффективно вести дела.

В мире бизнеса и менеджмента в современном Китае отношения гуаньси не потеряли своего значения. Западные исследователи сравнивают их с похожими явлениями других культур (связи, блат, network, trust в концепции social capital и т.п.) и признают, что гуаньси этими понятиями не исчерпываются.

Гуаньси имеют сходство с эффектом ряби на воде, расходящейся от брошенного в воду камешка. Каждый дееспособный китаец полагает себя центром, откуда расходится такая «рябь» — некое «волновое поле» родства, близких знакомств, надежных деловых отношений в различных сферах, взаимных неформальных обязательств и просто хороших, эмоционально теплых, доверительных личных отношений, на установление и поддержание которых затрачено немало сил и ресурсов. Это и есть его гуаньси. Эти «поля» у разных людей имеют различный «радиус действия» (диапазон знакомств) и «амплитуду» (влиятельность знакомых) — чем они больше, тем сильнее гуаньси данного человека и тем сам он влиятельнее в китайском обществе.

В Китае, даже если приходится действовать в сфере, хорошо урегулированной законода-

тельно, люди все равно предпочтут достигать целей через гуаньси, неважно, идет ли речь о получении кредита или информации, о заключении выгодной сделки или скидке, о найме сотрудника на ключевой пост или поиске хорошей работы. Надежным межличностным отношениям в Китае традиционно доверяют сильнее, чем договору и закону.

Вышесказанное приобрело особое значение в наши дни в связи с китайско-американской «торговой войной». В США заявляют, что экономика Китая «не является реальной рыночной экономикой», а бизнес-модель Китая «не следует правилам». Это, конечно, не так: столь крупная экономика не могла бы вырасти до сегодняшних размеров, играя «не по правилам». Разумеется, любое крупное предприятие вынуждено устанавливать свой строгий внутренний порядок ведения дел, этого требуют задачи роста и развития. С другой стороны, этот порядок может не совпадать с тем, к которому привык иностранный партнер по бизнесу. Поясним. Допустим, крупное предприятие ведет переговоры с компанией-покупателем из США. Какие бы требования по продукции ни выдвинул потенциальный партнер, китайский менеджер по традиции (мы ее рассмотрим далее, в разделе о мяньцзы) не может отказать — он обязан ответить «мы сделаем» и только потом он будет изыскивать способ ускорить разработку продукта или искать предприятие-поставщика, которое может выполнить заказ. Покупатель из США, не понимая специфики китайской бизнес-культуры, может счесть такой способ ведения дел обманом. Еще пример: в сфере кредитования в США бизнес — это бизнес, личные отношения не играют в нем роли. В Китае, имея хорошие гуаньси, можно договориться о выгодном проценте или серьезной скидке, чего часто не учитывают иностранные партнеры. Но это не «игра не по правилам» — это игра по другим правилам, глубоко укорененным в национальной традиции.

Да, разумеется, традиции выстраивания межличностных отношений внедрены в организацию китайских предприятий и это не может быть иначе. Они делают эффективнее процесс управления и гарантируют конфуцианский принцип справедливости (и) в отношениях между сотрудниками. Конечно, любой

инструмент или метод управления — это обоюдоострый меч в руках менеджера: он может как решать проблемы, так и создавать новые проблемы. Управление, имеющее в составе корпоративной культуры гуаньси и взаимное доверие, — это непростой процесс, особенно если речь идет о крупном государственном предприятии. Разумеется, в нем должна присутствовать и строгая исполнительная иерархия, «культура исполнения», уравнивающая «культуру отношений».

Тем не менее поддержание «культуры отношений» является важной составляющей менеджмента, поскольку человек — социальное существо, практически немыслимое вне социальной группы. Западный человек в большей степени индивидуалистичен, но даже западные менеджеры озабочены поддержанием правильного «климата» внутри коллектива, так как сплоченная группа людей всегда работает намного эффективнее.

Загадка мяньцзы (кит. 面子, пиньинь: miànzi, буквально — лицо; доброе имя, престиж, репутация, достоинство, внешность, видимость, показная сторона, поверхность), или как национальная философская традиция сформировала взгляд китайцев на человеческое достоинство

Рут Бенедикт, исследовательница в области культурной антропологии, в знаменитой книге «Хризантема и меч», рассуждая об этосах цивилизаций Востока и Запада, характеризует их как «культуру стыда» и «культуру вины» (в другом переводе — культура греха) [Бенедикт Р., 2016]. Монография посвящена Японии, но категорию «культура стыда» можно отнести и к Китаю.

«Культура вины» порождена христианской этикой. Для христианина мерилом морали является Бог, он абсолютно непогрешим и к тому же всеведущ; человек же вследствие первородного греха априори несовершенен, слаб, одержим страстями и склонен к греху. При этом за свои неблагоприятные поступки он отвечает прежде всего перед Богом, а не перед людьми, которые, согласно его религии, грешны не менее, чем он сам. Такое общество (сообщество априорных грешников) само по себе не может гарантировать соблюдения контрак-

тов, в нем требуется внешний регулятор (единый для всех закон — правовая система типа римского права) и внешний гарант его исполнения (правоохранительная система).

Иная ситуация возникла в культурах, характерных для земледельческого Юго-Востока, — «культурах стыда». Здесь не было необходимости в обосновании этики волей Небес (кит. 天, пиньинь: tiān, палл. тянь, буквально — небосвод, небеса, небо как место пребывания бога, бог, божество, незыблемое начало, верховная власть, непререкаемый авторитет): в силу стабильности окружения индивида (что закономерно присуще земледельческим обществам) этическим мерилom стало усредненное мнение всего окружающего сообщества (это семья, односельчане, круг знакомых; в современном варианте это профессиональное и деловое окружение индивида, а для публичных фигур — вся публичная сфера). Как указано выше, китайское общество немыслимо без крепких межличностных связей, в таком обществе адаптация важнее личных качеств индивида, а одобрение и поддержка со стороны сообщества имеют решающую важность для выживания в нем. Нормы правильного — одобренного обществом — поведения прививаются китайцам с самого раннего детства (как на Западе правила приличий и элементарной вежливости), в результате такого воспитания поступок «не по правилам», т.е. не одобряемый окружающими, воспринимается как постыдный — буквально на уровне рефлекса.

В таком обществе не нужен закон, регулирующий отношения частных лиц. Общество диктует моральный абсолют, и отклонение от него становится немыслимым, неприемлемым, невыносимо постыдным для его членов. А от нарушителя норм, поступающего «не по правилам», общество отвернется — у него не останется шансов выжить. Основан указанный абсолют на все той же традиционной этике, над которой совместно потрудились китайские философские школы древности: общественное мнение строго следит, насколько индивид следует установленным ими канонам и ритуалам.

Здесь следует объяснить, что в Китае неукоснительное следование всему многообразию традиционных правил и предписаний —

дело тонкое и непростое, своего рода искусство, а цена ошибки в нем бывает очень высока.

Конфуцианство делит все многообразие отношений между людьми на пять типов, улунь (кит. упр. 五伦, кит. трад. 五倫, пиньинь: wǔlún, буквально — пять отношений): отец — сын, старший брат — младший брат, муж — жена, старший по возрасту — младший по возрасту, правитель — подданный.

Этим типам соответствуют «пять основ благородного поведения»:

– Доброе отношение отца к сыну и почтительное отношение сына к отцу.

– Мягкое отношение старшего брата к младшим и уважительное отношение младших братьев к старшему.

– Справедливое отношение мужа к жене и послушание жены мужу.

– Благожелательное отношение старших по возрасту к младшим и почтительное отношение младших к старшим.

– Великодушное отношение правителей к министрам и подданным и верность министров и подданных своим правителям.

Конфуций и его последователи полагали, что подчинение жизни каждого индивида этим нормам с неизбежностью приведет к установлению гармонии во всех типах отношений, исчезновению любого рода конфликтов, включая войны. Несоблюдение этих правил, наоборот, есть путь ко всеобщему хаосу. Поэтому долгом отца полагалось воспитание детей в духе этих норм, чтобы каждый из них мог впоследствии занять «подобающее место» — определенное положение в рассмотренной системе отношений — и знать многочисленные обязанности, налагаемые этим положением.

Помимо указанных пяти правил отношения улунь регулируются еще двумя важными принципами, в явном виде описанными в трактате «Ли Цзи» (кит. упр. 礼记, кит. трад. 禮記, пиньинь: Lǐ Jì, рус. «Записки о правилах благопристойности», «Книга ритуалов», «Книга установлений», «Книга обрядов»):

– иерархией (кит. 尊尊, пиньинь: zūn zūn, палл. цзунь цзунь, буквально — отношения уважения, почитания), призванной учитывать личный статус человека, с которым строятся отношения, и необходимость оказания ему или принятия от него должных почестей;

– дистанцией (кит. 亲亲, пиньинь: qīn qīn, палл. цинь цинь, дословно — степень интимности, или близость, взаимоотношений).

То есть в китайском этикете, строя отношения с конкретным человеком, следует в первую очередь выяснить, кто из вас двоих имеет более высокий личный статус (кто достоин большего уважения), а затем учесть разделяющую вас дистанцию — например, близость вашего родства, которая определяет возможность получения или оказания поддержки и ее величину.

В некотором смысле мир отношений для китайца анизотропен и двумерен: в нем горизонтالي соответствует степень родства с окружающими, а вертикали — вертикаль социальной иерархии. Обе «координаты» постоянно мониторятся во избежание ошибок: оплошность в этикете, в понимании китайца, постыдна и недопустима.

Этические принципы, которыми регулируются отношения на этом «анизотропном поле», изложены в трактате «Чжун юн» (кит. 中庸, пиньинь: Zhōng Yōng, рус. «Срединное и неизменное», «Учение о середине»), входящем в конфуцианское Четверокнижие. На протяжении шести столетий китайские школьники заучивали этот текст наизусть — уже по одному этому можно судить, насколько важным он считался. Приведем цитату оттуда: «Следовать правильному пути можно, [лишь] опираясь на человеколюбие. Человеколюбие — это [любовь к] людям; высшим [его проявлением] является любовь к близким. Долг — это соответствие [поступков тому, как должно быть]. Высшим [его проявлением] является проявление почтительности к мудрым. Существует различие в любви к близким и градация проявления почтительности к мудрым. В этом и состоит причина появления ритуала» [Конфуцианский трактат «Чжун юн», 2003].

Фрагмент трактует идею о соотношении главной внутренней добродетели (жэнь, любви к ближнему) и ее внешнего проявления — вежливости, почтительности, уместности поведения. Чем более человек исполнен жэнь, тем более почтительного отношения он заслуживает и тем учтивее он сам с окружающими. Конфуцианский идеал мироустройства — мир, где каждый «следует правильному пути», т.е.

во всем руководствуется жэнь: любит и почитает родителей, уважает братьев, проявляет «почтительность к мудрым» и т.д. При этом почтительность приравнена к долгу — это важно: именно из этого требования рождается ритуал, регламентирующий уместные проявления почтительности в каждом конкретном случае.

Отношения «по горизонтали» (родственные) регулируются прежде всего принципом жэнь и ранжируются в соответствии с дистанцией, «близостью». Отношения «по вертикали» (деловые, например) выстраиваются в соответствии с иерархией, «честью» и регулируются конфуцианским «постоянством» и — справедливостью, благородством. В этом смысле конкретный применяемый ритуал ли является продуктом классификации людей сообразно их «близости» и «чести».

Типичная ситуация: некто обратился к вам с просьбой о помощи, вы выше просителя по статусу. Тогда именно вы определяете для себя степень близости отношений с просителем — соответственно, ту меру жэнь (доброжелательности), которой эта близость соответствует, и затем действуете в соответствии с жэнь. Заметим, что конфуцианство не определяет жэнь как одинаковое отношение ко всем. Всегда подразумевается ранжирование в соответствии со степенью родства, дистанцией, «близостью». Для близких родственников это всегда эмоциональные отношения, для дальних они становятся все более и более формальными. При очень дальней дистанции основным становится второе конфуцианское «постоянство» — и, справедливость. Учитывая дистанцию, вступающий в отношения должен выбрать, к чему склоняться, чем в большей степени руководствоваться, — жэнь или и. В промежуточных случаях должно взвесить все плюсы и минусы и надлежащим образом сочетать оба «постоянства» — это и значит соответствовать ритуалу (ли).

В этической системе «доброжелательность — справедливость — ритуал» (жэнь — и — ли) конфуцианство придает наибольшее значение ритуалу (ли). В процессе общения каждый китаец постоянно держит в уме цель неукоснительно соблюсти ли: он непременно должен пользоваться уважением окружающих и одновременно выражать им должное уважение.

Нарушение ли (даже невольное) будет расценено как грубость и бестактность, а то и как намеренное оскорбление и, безусловно, потребует извинений.

Однако и тут надо оговориться, что извинения в западной культуре — это не то же самое, что извинения в восточной. И смысл этого акта, и ритуал принесения извинений в двух культурах будут различны.

Русский человек (культура вины), совершив ошибку или обидев друга, скажет: «Извини, виноват». Эта формула означает, что человек осознал ошибку и сожалеет о ней; это, в сущности, форма покаяния: человек покаялся в грехе — человек прощен. Он может извиниться, будучи наедине с обиженным, а может и публично — в любом случае признание им вины снимает с него эту вину и возвращает ему уважение окружающих.

Иначе в Китае. Здесь главное — не нарушить этикет, не сломать сложную систему иерархии, в которую встроен каждый китаец. По мнению китайцев, «вежливость — это настоящая доброта, выраженная любезно» [Smith A.H., 2003, p. 67]. Китайцы, которые не знают надлежащего церемониального ответа на любое действие, — посмешище для всех, ведь это является частью социальной игры. Незнание элементов церемониальной вежливости считается китайцами как проявление пренебрежительного безразличия, а значит, и невежество. Он тоже может, совершив ошибку, сознавать ее и сожалеть о ней, но обществу это неважно. Гораздо важнее, чтобы выстроенная иерархия оставалась стабильной, чтобы он не потерял в ней «должного места», а для этого все положенные ритуалы должны быть соблюдены.

Понятно, что в иерархической системе, поддерживаемой исключительно ритуалом, все личное в человеке отходит на второй план; окружающие, в сущности, видят не человека, а функцию и маску, не личность, а то, чем она обязана быть. Можно сказать, что иерархия выстроена не из людей, а из их аватар, из образов, которые они обязаны себе создать, чтобы занимать «должное место» и считаться дееспособными единицами. В Китае для аватар такого рода есть специальное название — мяньцзы. Другими словами, китайское традиционное

общество построено не из людей, а из их мяньцзы.

Мяньцзы — публичное «лицо» китайца. Это суммарная и усредненная оценка обществом того, насколько человек соответствует социальным нормам и насколько поэтому (и только поэтому) он достоин уважения. Другими словами, мяньцзы — ценность человека в глазах китайского общества, мера его дееспособности и та степень уважения, на которую он может рассчитывать.

Подчеркнем, что это не оценка личности, ее внутреннего содержания, ее потенциала, и ни в коем случае не самооценка. Слово «мяньцзы» в китайском языке вообще означает внешнюю, лицевую, а главное, видимую всем поверхность предмета, что-то, доступное внешнему наблюдателю (для обозначения лица человека как части тела в китайском есть другое слово). Применительно к человеку мяньцзы — общественная оценка только лишь того, что могут видеть и знать о нем другие люди. В этом смысле мяньцзы может играть роль и маски и защиты, недаром в Китае говорят 人要臉、樹要皮 (кит. трад. 人要臉、樹要皮, пиньинь rén yào liǎn, shù yào pí, палл. жэнь яо лян, шу яо пи) — «лицо для человека что кора для дерева» [Линь Юйтан, 2010].

Когда китаец нарушает или, допустим, делает замечание, которое может быть расценено как критика, или вынужден ответить на предложение отказом, или подносит чрезмерно дорогой подарок «не по чину», он совершает тем самым проступок против иерархии, а значит, и против задействованных в ней мяньцзы — своего и оппонента. Но ни в коем случае не против личности оппонента. То есть смысл нарушения радикально отличается от европейского. Поэтому радикально отличается и смысл извинения.

Китайская формула извинения 对不起 (кит. трад. 對不起, пиньинь duìbuqǐ, палл. дуйбуци) обычно переводится на русский как «я извиняюсь», но вернее было бы переводить «не взыщи» или, может быть, «мне жаль»: здесь нет подтекста «я виноват», это не покаяние, а лишь признание факта — да, иерархия нарушена, но это не преднамеренно, так получилось.

В таком акте извинения субъект не человек, а мяньцзы обеих сторон одновременно. Стандартный ответ на формулу «не взыщи» — 没关系 (кит. трад. 沒關係, пиньинь méiguānxi, палл. мэйгуаньси, где гуаньси — те самые «гуаньси», т.о. дословно — не [влияет] на [сложившиеся] связи), что обычно переводится «неважно», «ничего страшного»; смысл формулировки — не произошло ничего такого, что могло бы изменить сложившуюся иерархию или нанести урон мяньцзы, все осталось по-прежнему, нет проблем.

Как видим, в Китае даже стандартная формула вежливости может отражать национальное философское мышление.

Само появление атрибута мяньцзы можно считать прямым следствием строгости ритуала (ли), демографической плотности общества и его конфуцианской иерархичности, где каждый обязан занимать «должное место» и поддерживать иерархию: в такой ситуации действительно психологически проще разделить свою личность на «публичную» и «интимную» части и, соблюдая внешние правила, как-то защитить свой внутренний мир.

Китайцы стремятся иметь «большое лицо» мяньцзы. В сущности, традиционная этика Китая решает задачу адекватного ранжирования социальных ресурсов членов общества. Если у вас «большое лицо», вам оказывают почет, так как вы обладаете высоким социальным статусом и располагаете значительными социальными ресурсами. (Можно вспомнить пример из русской литературы — комедию «Ревизор» Гоголя: с точки зрения китайца, фабула комедии построена на фатальной ошибке чиновников в оценке мяньцзы Хлестакова, принявших этого мелкого служащего и безответственного болтуна за влиятельную фигуру.) Поэтому о мяньцзы следует неустанно печься, а потеря «лица» — событие столь же нежелательное, как для европейца — потеря свободы. Человек без мяньцзы, «потерявший лицо», выпадает из конфуцианской иерархии, а тем самым и из общества. Он не может считаться не только уважаемым и влиятельным, а попросту деспособным в китайском обществе. Человек без «лица» для общества как бы перестает существовать.

Процесс наработки мяньцзы также имеет отличия от западных путей повышения соци-

ального статуса. Для выставления кому-либо обществом высокой оценки не важно, что индивид реально думает или чувствует, насколько он талантлив и комфортно ли ему в установленных рамках, не важны его интересы, планы, намерения и мнение о самом себе — это все относится к внутреннему миру индивида и не учитывается сообществом. Не учитываются любые поступки индивида, не известные сообществу. Приоритет в оценке отдается внешним атрибутам — умению следовать сложнейшему конфуцианскому этикету в поддержании личных контактов, а также внешним проявлениям делового успеха: должностям, наградам, официальному признанию заслуг. Дополнительные «баллы» вносят богатство, личное обаяние и приятная внешность, умение поддержать беседу и хорошее образование; разумеется, оценка включает также наработанные гуаньси.

Мяньцзы, мощнейший регулятор отношений в общественной жизни Китая, значит куда больше, чем, допустим, «репутация» или «имидж» у европейцев. В деловой сфере к нему ближе понятие «социальный капитал»: как и он, мяньцзы вырабатывается годами. «Зарабатывая лицо», китаец усердно демонстрирует окружающим свои положительные качества, рассказывает о своих достижениях и гуаньси, но скрывает свои слабые стороны и таит неудачи. Этот процесс — своего рода «театр одного актера». Во время спектакля зрителям показывают лишь то, что им следует увидеть, а не предназначенное к показу прячут за кулисами.

Артур Смит, миссионер XIX в., проживший в Китае 22 года, в своей книге «Характер китайцев» даже высказал предположение, что китайцы так ценят «лицо» потому, что слишком любят смотреть театральные постановки и потому превращают свою жизнь в спектакль [Спешнев Н.А., 2011].

Да, со стороны жизнь китайца — это «жизнь как игра». Китаец постоянно «играет» разные регламентированные «роли» перед разными людьми: «муж» или «жена» — дома, «лидер компании» или «рядовой сотрудник» — на службе, «ребенок» — с родителями, «родитель» — с ребенком. Возможно, самое непростое здесь — соблюсти меру в игре. Недаром иероглиф 度 (степень, мера) — один из

самых сложных для понимания. Авторы полагают, что явление мяньцзы надо в целом расценивать как полезное для китайского общества, если соблюдать меру в стремлении зарабатывать и сохранять «лицо». И конечно же, тонкости приобретения «лица» — что, кому и как говорить, что, как и когда делать, при каких обстоятельствах вести себя так или иначе — все это сегодня, как и прежде, остается искусством.

Для публичных фигур мяньцзы также подразумевает «честь», но не совсем в том смысле, который вкладывали в это понятие во времена европейского рыцарства или русского офицерства.

В китайской культуре понятие мяньцзы имеет давнюю историю и оставило след в литературе. Это дает возможность сравнить его с европейским понятием чести. Во II в. до н.э. правитель Западного Чу (кит. 西楚, пиньинь Xī Chǔ, палл. Си Чу; 206 до н.э. – 202 до н.э.), по имени Сян Юй (кит. упр. 項羽, кит. trad. 項羽, пиньинь Xiàng Yǔ, носил имя Цзи, кит. 籍, пиньинь Jí, 232 до н.э. – 202 до н.э.), во время борьбы за основание новой императорской династии и объединение страны потерпел поражение на берегу реки Уцзян. Он мог переправиться через реку и спастись, но он сказал: «Я, Цзи, переправился через Янцзыцзян и ушел на запад с восемью тысячами юношей из района к востоку от Янцзы, а ныне ни один из них со мной не возвращается обратно. Пусть даже их отцы и старшие братья, живущие к востоку от реки, пожалеют меня и поставят правителем, какими глазами буду я смотреть на них? Пусть даже они ничего не скажут, разве мне, Цзи, не будет стыдно в душе?» [Сыма Цянь, 2003].

Для Сян Юя это была «потеря лица», неоправимая потеря воинской чести и чести правителя, а также невыносимый стыд — он покончил с собой. Сравним с эпизодом европейской истории. В 1525 г. король Франции Франциск I в сражении при Павии потерял более 10 000 солдат и сам попал в плен к испанцам. Из плена он написал письмо матери: «Потеряно все, кроме чести и жизни». В том историческом контексте с точки зрения европейской этики в случившемся не было ничего непоправимого, постыдного и о потере рыцарской чести речи не шло.

Еще пример: когда в июне 1900 г. вдовствующая императрица Цыси объявила заведомо безнадежную войну странам Альянса восьми держав, в Декларации о войне она апеллировала к необходимости защиты чести и достоинства китайцев, т.е. «лица» нации. С точки зрения сегодняшнего дня этот документ выглядит политической авантюрой, но с точки зрения традиционной китайской философии и сформированного ею общественного мнения принятое решение было естественным и обоснованным.

Заключение

Подведем итог: как традиционная китайская философия влияет на межличностные отношения в современном Китае?

1. Китайская философия сейчас, как и в древности, укоренена в повседневной жизни китайцев и в их мировоззрении. Традиционная философия близка к проблемам повседневной жизни, уделяет внимание мельчайшим деталям бытового поведения, это «мудрость на каждый день», близкая и понятная каждому китайцу. При этом древняя философская традиция в современном Китае, уже претерпевшем некоторую поверхностную вестернизацию, по-прежнему определяет базовые человеческие ценности, согласно ее канонам строятся межличностные отношения и определяется мера человеческого достоинства.

2. Идеи традиционной философии могут быть с пользой переосмыслены в современных условиях с целью улучшения межличностных отношений. В частности, может быть изучена роль и переосмыслена ценность ритуала (ли). Опираясь на ли, можно создавать для человека мнимые, игровые, ситуации, отличные от повседневных, где он сыграет другую «роль», посмотрит на отношения с иной точки зрения, сможет понять чувства других и достичь сопереживания. Это ключ к тому, чтобы помочь людям улучшить свои отношения, помочь им прийти к взаимопониманию и гармонии.

3. Современный человек, изучающий китайское философское наследие, становится лучшей версией себя — с ним происходит конфуцианское «самосовершенствование» (кит. 修身, пиньинь xiūshēn, палл. сюшэнь). Первым шагом в нем считается сознательное

усилие (это начальная стадия — преднамеренная практика).

В ежедневном поведении людей обычно преобладают привычки, модели, паттерны поведения, и такое механическое повторение, допустим, ежедневных приветствий и ответов на них не делает людей лучше. Китайская философия призывает людей прилагать усилия, чтобы меняться в сторону осознанности рутинных действий — например, вкладывать искреннюю сердечность в свое ежедневное приветствие. Практикуя осознанность, все нужно делать «с сердцем», тогда любое повседневное действие становится значимым, человек при этом совершенствует свою эмоциональную сферу, его духовность растет.

Вторая стадия этого процесса осуществляется посредством «недеяния». Это осознанная практика осуществления собственных действий на бессознательном уровне, направленная на наиболее гладкое — как по маслу — и наиболее результативное их выполнение и нацеленная на многообразие душевных переживаний. «Свобода» концертирующего пианиста, который выступает легко и непринужденно, является примером результата такой практики. Про это же пишет Чжуан-Цзы в своей знаменитой притче про повара Дина. В начале работы повар Дин видит перед собой только бычьей туши, которые необходимо разделать, но в процессе самосовершенствования он постигает важность внутренних пустот внутри них, через которые и начинает вести свой нож. Осознанность и концентрация, чередуемая с актами «недеяния», позволяют повару Дину мастерски выполнять свою работу, получая от нее глубокое удовлетворение, и сохранять рабочий инструмент в идеальном состоянии [Чжуан-цзы..., 1995].

4. В китайском философском наследии можно отыскать еще две ценнейшие идеи, весьма созвучные требованиям современности, — идеи «гибкости» (или изменчивости) и «понимания судьбы»; обе относятся к механизму принятия правильных решений ввиду непредвиденных либо противоречивых обстоятельств и непредсказуемости жизни в целом.

— Проявлять «гибкость» или «изменчивость» (кит. упр. 权变, кит. трад. 權變, пиньинь quánbiàn, палл. цюаньбянь) — это значит поместить себя в конкретный сценарий для

рассмотрения особенностей ситуации и выработать решение, учитывающее все конкретные мелочи. Конфуций полагал, что конкретное решение обязано учитывать ситуацию в целом, а не исходить из отдельно взятой этической заповеди (например, требования честности). Если при принятии решения исключить из рассмотрения человеческие эмоции как запутывающий фактор, принятое решение может оказаться бесполезным, потому что ни один этический закон не может полностью переформулировать весь спектр человеческих эмоций. Здесь подчеркнуто, что каждая ситуация уникальна и меняется. Если не понимать принципа гибкости и действовать по фиксированным нормам и правилам, принятие разумных решений может оказаться недостижимым. Решение должно зависеть и от понимания частностей, и от видения общей картины.

— «Понимание судьбы» (кит. 知命, пиньинь zhīmìng, палл. чжимин) — понимание велений судьбы означает осознание и принятие непредсказуемости жизни, открытость новому, а также активное создание условий для большей предсказуемости и позитивных перемен. «Дело человека — слушать судьбу». Китайцы знают свою историю и помнят, к чему приводят попытки оградить себя от внешних изменений непроницаемой стеной и таким образом уйти от вызовов современности. Люди всегда чувствовали свою незащищенность и слабость перед лицом непредсказуемых внешних обстоятельств, но вести себя при этом можно по-разному. Мудрый человек, даже преуспевая, будет осторожен, а в трудные времена не оставит надежды.

Мэн-цзы говорил:

«— Нет ничего такого, что не было бы велением природы, покорно повинуйтесь всему тому, что является правильным в ней. Из этого следует, что знающий веления природы не становится под высоченной стеной, готовой упасть.

Кто умирает, завершая свой путь к истине, тому досталось правильное веление природы, а кто умирает в колодках и кандалах, значит, тому не досталось правильного ее веления» [Мэн-цзы, 1999].

Перед лицом непредсказуемости жизни следует первым делом усовершенствовать ин-

струменты предвидения и постараться заранее предсказать возможные опасности, чтобы избежать их вовремя; а во-вторых, следует активно создавать условия для течения событий в желательном направлении, тогда дверь для новых возможностей останется открытой.

Резюмируя, можно констатировать, что в наши дни традиционная китайская философия продолжает выдвигать три основных требования в области межличностных отношений: (1) самосовершенствование; (2) изменчивость; (3) понимание судьбы.

Список литературы

Бенедикт Р. Хризантема и меч. Модели японской культуры. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 256 с.

Кобзев А.И. Категории и основные понятия китайской философии и культуры // Универсалии восточных культур. М.: Вост. лит., 2001. С. 220–243.

Кобзев А.И. Китайская этическая мысль // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: Философия / под ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. С. 126–129.

Конфуцианский трактат «Чжун юн»: Переводы и исследования / сост. А.Е. Лукьянов; пер. Д. Конисси, В.Г. Бутова, А.Е. Лукьянова, В.Б. Югай. М.: Вост. лит., 2003. 247 с.

Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и предисл. Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.

Мэн-цзы / пер. с кит. В.С. Колоколова; под ред. Л.Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 272 с.

Современные историко-научные исследования: Наука в традиционном Китае: реф. сб. / отв. ред. и сост. А.И. Кобзев. М.: ИНИОН РАН, 1987. 200 с.

Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2011. 336 с.

Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. М.: Гардарики, 2006. 384 с.

Сыма Цянь. Сян Юй Бэнь Цзи — Основные записи [О деяниях] Сян Юя // Сыма Цянь. Исторические записки (Ши Цзи). Т. 2 / пер. с кит. Р.В. Вяткина, В.С. Таскина; под общ. ред. Р.В. Вяткина. М.: Вост. лит., 2003. С. 117–156.

Чжуан-цзы. Ле-цзы / пер. с кит. В.В. Малявина. М.: Мысль, 1995. 440 с.

Mesle C.R. Process-Relational Philosophy. West Conshohocken, PA: Templeton Press, 2008. 138 p.

Seibt J. Process philosophy // Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta. 2003. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/> (accessed: 01.10.2020).

Smith A.H. Chinese Characteristics. Norwalk, CT: EastBridge, 2003. 342 p.

Получена: 19.11.2020. Доработана после рецензирования: 24.05.2021. Принята к публикации: 28.05.2021

References

Benedict, R. (2016). *Khrizantama i mech. Modeli yaponskoy kul'tury* [The chrysanthemum and the sword: Patterns of Japanese culture]. Moscow, Saint Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 256 p.

Kobzev, A.I. (ed.) (1987). *Sovremennnye istoriko-nauchnye issledovaniya: Nauka v traditsionnom Kitae* [Contemporary historical research: Science in traditional China]. Moscow: ISSS RAS Publ., 200 p.

Kobzev, A.I. (2001). [Categories and basic concepts of Chinese philosophy and culture]. *Universalii vostochnykh kul'tur* [The universals of Oriental cultures]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., pp. 220–243.

Kobzev, A.I. (2006). [Chinese ethical thought]. *Dukhovnaya kul'tura Kitaya: entsiklopediya v 5 t. T. 1: Filosofiya* [Spiritual culture of China: encyclopedia: in 5 vols. Vol. 1: Philosophy]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., pp. 126–129.

Luk'yanov, A.E. (ed.) (2003). *Konfutsianskiy traktat «Chzhyun»: Perevody i issledovaniya* [The Confucian treatise «Zhongyong»: Translation and research]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 247 p.

Malyavin, V.V. (ed.) (1999). *Chzhuan-Tszy. Le-Tszy* [Zhuangzi. Liezi]. Moscow: Mysl' Publ., 440 p.

Men'shikov, L.N. (ed.) (1999). *Men-tszy* [Mencius]. Saint Petersburg: Peterburgskoye vostokovedenie Publ., 272 p.

Mesle, C.R. (2008). *Process-relational philosophy*. West Conshohocken, PA: Templeton Press Publ., 138 p.

Seibt, J. (2003). Process philosophy. *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, ed. by E.N. Zalta. Available at: <https://plato.stanford.edu/entries/process-philosophy/> (accessed 01.10.2020).

Sima Qian (2003). [Xiang Yu Ben Ji. The Basic Annals of Xiang Yu]. *Syma Qian. Istoricheskie zapiski (Shi Tsi)*. T. 2 [Sima Qian. Records of the grand historian. Vol. 2]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., pp. 117–156.

Smith, A.H. (2010). *Chinese characteristics*. Norwalk, CT: EastBridge Publ., 342 p.

Speshnev, N.A. (2011). *Kitaytsy. Osobennosti natsional'noy psikhologii* [Chinese. Features of national psychology]. Saint Petersburg: Karo Publ., 336 p.

Stepin, V.S. (2006). *Filosofiya nauki. Obschie problem* [Philosophy of science. Common problems]. Moscow: Gardariki Publ., 384 p.

Yutang, L. (2010). *Kitaytsy: moya strana i moy narod* [My country and my people]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 335 p.

Received: 19.11.2020. Revised: 24.05.2021. Accepted: 28.05.2021

Об авторах

Лю Южэнь

аспирант факультета государственного управления

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: kasuo.king0607@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5633-8332>
ResearcherID: AAM-8301-2021

Зуб Анатолий Тимофеевич

доктор философских наук, профессор,
зам. декана факультета государственного управления

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ломоносовский пр., 27/4;
e-mail: ZubAT@spa.msu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8794-2399>
ResearcherID: B-4811-2019

About the authors

Liu Youren

Ph.D. Student of the Faculty of Public Administration

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: kasuo.king0607@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5633-8332>
ResearcherID: AAM-8301-2021

Anatoly T. Zub

Doctor of Philosophy, Professor,
Deputy Dean of the Faculty of Public Administration

Lomonosov Moscow State University,
27/4, Lomonosovsky av., Moscow, 119991, Russia;
e-mail: ZubAT@spa.msu.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8794-2399>
ResearcherID: B-4811-2019

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Лю Ю., Зуб А.Т. Китайская философия в межличностных отношениях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 149–165. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-149-165

For citation:

Liu Y., Zub A.T. [Chinese philosophy in interpersonal relations]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 149–165 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-149-165

УДК 1(091)

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178

ФИЛОСОФИЯ ФРИДРИХА НИЦШЕ: РЕЦЕПЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ Н.А. БЕРДЯЕВА

Шумской Андрей Викторович

Уральский государственный университет физической культуры (Челябинск)

Рассматривается проблема рецепции и интерпретации Н.А. Бердяевым философии Фридриха Ницше. Автор статьи предпринимает попытку реконструкции отношения Н.А. Бердяева к творческому наследию великого немецкого философа. Феномен Ницше был воспринят подавляющим большинством отечественных философов начала XX в. в религиозном контексте. Для Бердяева сама личность Ницше стала одним из импульсов для осмысления экзистенциальной диалектики судьбы человека в мировом историческом процессе. В философии Ницше Бердяева прежде всего пленила постановка им эсхатологической темы, с ее устремленностью к концу и пределу. Николай Бердяев называл Ницше величайшим явлением новой истории, диалектически завершившим гуманистическую антропологию Запада. Русский философ рассматривал Ницше как предтечу новой религиозной антропологии, религиозного пророка Запада, после духовного опыта которого возврат в старый европейский гуманизм уже невозможен. Бердяев был убежден в необходимости преодоления и внутреннего изживания духовного опыта Ницше, открывшего перспективу движения в новую антропологическую эпоху, в которой бытие человека должно быть оправдано творчеством. Бердяев рассматривал творчество как новое религиозное откровение христианства, не раскрытое святоотеческим преданием и историческим христианством. В творческих актах человек преодолевает объективацию как падшее состояние мира. В статье рассматриваются ключевые идеи философии Ницше сквозь призму религиозного экзистенциализма и персонализма Бердяева. Отношение Бердяева к Ницше было двойственным: с одной стороны, он высоко оценивал радикальную постановку немецким философом проблемы творчества личности, с другой — рассматривал антихристианскую концепцию сверхчеловека, ведущую к человекобожеству, как абсолютно неприемлемую для русской религиозной философии и христианства. Новое откровение Ницше о сверхчеловеке и воле к могуществу Бердяевым было оценено как ложное и демоническое, радикально расходящееся с основами христианской антропологии о человеке и религиозной этикой творчества.

Ключевые слова: Фридрих Ницше, Николай Бердяев, христианская антропология, гуманизм, экзистенциализм, персонализм, этика творчества, мораль, религиозная философия.

THE PHILOSOPHY OF FRIEDRICH NIETZSCHE: NIKOLAI BERDYAEV'S RECEPTION AND INTERPRETATION

Andrey V. Shumskoy

Ural State University of Physical Education (Chelyabinsk)

The article deals with the problem of Nikolai Berdyaev's reception and interpretation of the philosophy of Friedrich Nietzsche. We attempt to reconstruct Berdyaev's attitude to the creative heritage of the great German philosopher. The phenomenon of Nietzsche was mainly perceived by the Russian philosophy of the early 20th century in a religious context. For Berdyaev himself, the personality of Nietzsche became one of the starting points for comprehending the existential dialectic of human destiny in the world historical process. In Nietzsche's works, Berdyaev was first of all captivated by the eschatological theme the philosopher addressed, his striving for the end and the limit. Berdyaev called Nietzsche the greatest phenomenon of

modern history, dialectically completing the humanistic anthropology of the West. The Russian philosopher viewed Nietzsche as the forerunner of a new religious anthropology, a religious prophet of the West, making a return to the old European humanism no longer possible. Berdyaev was convinced of the need to overcome and internalize the spiritual experience of Nietzsche. The latter opens up the prospect of transition to a new anthropological era, in which human existence must be justified by creativity. Berdyaev viewed creativity as a new religious revelation of Christianity, not manifested in patristic tradition and historical Christianity. In creative acts, man overcomes objectification as a fallen state of the world. The article examines the key ideas of Nietzsche's philosophy through the prism of religious existentialism and personalism of Berdyaev. Berdyaev's attitude to Nietzsche was ambivalent: on the one hand, he highly appreciated how radically the German philosopher formulated the problem of a person's creativity; on the other hand, he viewed the anti-Christian concept of the superman, leading to human godhood, as absolutely unacceptable for Russian religious philosophy and Christianity. Berdyaev assessed the new revelation of Nietzsche about the superman and the will to power as false and demonic, radically contradicting the foundations of Christian anthropology about man and the religious ethics of creativity.

Keywords: Friedrich Nietzsche, Nikolai Berdyaev, Christian anthropology, humanism, existentialism, personalism, ethics of creativity, morality, religious philosophy.

Введение

К проблеме влияния Ницше на русскую философию начала XX в. уже не раз обращались в своих трудах отечественные ученые и философы, она и сегодня продолжает притягивать к себе внимание многих ницшеведов и исследователей, занимающихся русской философией Серебряного века. Бум увлечения философией Ницше в России приходится на начало 1900-х гг. Это время может быть названо «золотым веком» российской ницшеаны [Синеокая Ю.В., 2019, с. 19].

Советское ницшеведение в отличие от такового первой декады XX в. отличалось идеологической ангажированностью и отсутствием академических исследований. Имя немецкого философа в 1930–1940-е гг. становится нарицательным и упоминается исключительно в негативном контексте. Творческое наследие Ницше в годы правления Сталина трактовалось крайне тенденциозно и поверхностно, Ницше объявлялся предтечей фашизма и национал-социализма, идеологическим противником, теоретиком, идейно обосновавшим и подготовившим приход Муссолини и Гитлера к власти. Лишь во второй половине 1980-х гг. в нашей стране начался процесс реабилитации идейного наследия немецкого философа.

Интерес к творчеству великого философа, властителя дум отечественной интеллигенции Серебряного века, на закате советской истории пробудился с особой силой, как и в начале XX в. В 1990-е гг. Ницше заслуженно возвращается в отечественную философскую традицию. Рубеж XX–XXI вв. может быть назван

«серебряным веком» российской ницшеаны. С начала 1990-х гг. по настоящее время российское ницшеведение прошло большой путь от пафосного возвеличивания немецкого философа до сдержанного и критического отношения к его философскому наследию. В постсоветской России сменилась парадигма восприятия творчества немецкого философа. В нем стали видеть практика нового постклассического мышления, критика культуры, альтернативного типа философа и филолога, мастера слова [Синеокая Ю.В., 2001, с. 27]. Сегодня российское ницшеведение подошло к той черте, когда необходимо взвешенно и по возможности объективно оценить потенциал его концепций и идей применительно к антропологическим и социальным моделям развития будущего, всесторонне раскрыть его место в мировом философском процессе, осмыслить значение и влияние его идей на отечественную культуру и философию XX и XXI вв.

Рецепция и интерпретация творческого наследия Ницше в России имеет давнюю историю. Проникновение творчества Ницше в отечественную культурную традицию шло через внутреннюю полемику, опровержение и неприятие ряда положений его философии [Синеокая Ю.В., Полякова Е.А., 2017, с. 18]. Феномен Фридриха Ницше был воспринят подавляющим большинством отечественных философов начала XX в. в религиозном контексте. Это было созвучно умунастроению эпохи. В России первостепенное внимание было уделено ницшеанской идее сверхчеловека, получившей религиозно-метафизическую окраску [Синеокая Ю.В., 1999, с. 59]. Влияние Ницше

на мыслителей Серебряного века было колоссальным. Так, некоторые отечественные исследователи определяют дух эпохи Серебряного века в России как «постнищевское христианство» [Бонецкая Н.К., 2013, с. 133]. Например, исследователь культуры и философии Серебряного века Н.К. Бонецкая выдвигает суждение о том, что концепция эсхатологического христианства Николая Бердяева является версией именно постнищевского христианства, претендующей на преодоление изъянов христианства исторического [Бонецкая Н.К., 2009, с. 87]. В связи с этим представляется важным обратиться к философской интерпретации творческого наследия Ницше Н.А. Бердяевым, выдающимся религиозным философом России, оставившим значительный след не только в отечественной философской традиции, но и мировой. Отношение Н.А. Бердяева к основным идеям и концепциям Ницше, на взгляд автора, является репрезентативным, так как Николай Александрович был одним из ведущих в России и мире представителей христианского персонализма и экзистенциализма. Реконструкция его позиции позволит лучше понять специфику той призм, сквозь которую русская религиозная философия Серебряного века воспринимала и осмысляла наследие одного из выдающихся представителей постклассической европейской философии.

Молодой Н. Бердяев и философия Ницше

В своей дебютной работе «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии» Николай Бердяев выступил приверженцем и защитником марксистского мировоззрения, но с очень существенной поправкой — стремлением сочетать социальную доктрину марксизма с критической философией Канта. Это было не случайно. Уже в своей первой работе Бердяев преподносит себя как оппонента ортодоксального марксизма, особенно его общеплатформенной — диалектического материализма. Кантовские мотивы облагораживали и возвышали, как ему казалось, социальную доктрину марксизма, вносили в нее индивидуалистическую и нравственную струю. Тем не менее полностью встать на позицию индивидуалистического мировоззрения Николай Александрович также не мог. Индивидуализм в качестве философской доктрины представлялся ему своеобразным партикуляризмом, оторванным

от связи с всеобщим и универсальным; в свою очередь, универсализм рассматривался им как прогрессивное философское мировоззрение, которое вполне могло включать в себя индивидуалистическое умонастроение как частный случай. Молодой Бердяев упрекал индивидуалистов в том, что они не понимают тайны исторического процесса, впадают в величайшую иллюзию, выдвигая принцип верховенства личности и противопоставляя ее обществу и социальному процессу [Бердяев Н.А., 2008, с. 187]. В зрелые же годы своего творчества русский философ считал универсализм и партикуляризм одинаково ложными направлениями, порожденными рационалистической ограниченностью мышления, подчиненного объективации [Бердяев Н.А., 2007, с. 354].

Среди ярких индивидуалистов XIX столетия Николай Бердяев выделяет Ницше как блестящего выразителя настроения, которое он называет художественно-аристократическим индивидуализмом. Отношение к Ницше в ту пору у молодого Бердяева было двойственным: с одной стороны, Ф. Ницше представлялся ему совершенно наивным мыслителем в области социальной философии, с другой — Бердяев как приверженец социалистического умонастроения всецело поддерживал Ницше в его беспощадной критике буржуазного общества, уничтожающего всякую индивидуальность [Бердяев Н.А., 2007, с. 187].

Николай Александрович уже тогда признавался в симпатии к Фридриху Ницше как гениальному выразителю индивидуалистического настроения, поэту сильной человеческой личности [Бердяев Н.А., 2007, с. 189]. Тема индивидуальности и личности становится для Бердяева центральной, она звучит рефреном на протяжении всего его творчества. Не случайно свою философию в зрелые годы он определяет как персоналистическую метафизику, философию экзистенциалистского типа, укорененную в христианской антропологии, христианский социалистический персонализм (идея коммюнитарности).

После кратковременного увлечения критическим марксизмом в творчестве Бердяева намечается мировоззренческий переход к метафизическому идеализму. В статье «Борьба за идеализм», написанной в 1902 г., он открыто выступил защитником идеалистической философии, при этом сохраняя почтение к социаль-

ным мотивам и идеям марксизма. В молодые годы Бердяев испытал очень сильное влияние Л. Толстого, А. Шопенгауэра, И. Канта, К. Маркса, Фихте, а среди литературоведов и поэтов — Ибсена и Метерлинка. Встреча же с Ницше в ту пору стала для него судьбоносной, читать произведения немецкого философа он стал уже в то время, когда имя Ницше еще не было популярным в культурных кругах российской интеллигенции. Ницше был тогда для него одним из полюсов его природы, другим полюсом он называл Л. Толстого. В ранние годы его творчества был даже период, когда Ницше победил в нем Л. Толстого и К. Маркса, однако это была лишь временная и неокончательная победа [Бердяев Н.А., 2007b, с. 433]. Чем более в Бердяеве нарастал персонализм, тем быстрее он отходил от Ницше и Маркса. Проблема личности, которая стала для Бердяева одной из центральных идей его персоналистической философии, была остро и гениально поставлена в XIX в. такими мыслителями, как Достоевский, Кьеркегор, Ибсен и Ницше. Именно эти мыслители, по оценке Бердяева, еще в прошлом столетии восстали против засилья «общего», против рациональной философии. Отмечая важную роль Ницше в постановке проблемы личности, Бердяев указывал на парадоксальность и противоречивость решения данной проблемы немецким философом, которое свелось к разрушению человеческого начала и его преодолению [Бердяев Н.А., 2007b, с. 470]. Для самого Бердяева феномен Ницше стал одним из отправных пунктов осмысления экзистенциальной диалектики судьбы человека. В Ницше его пленили поставленные немецким философом эсхатологические вопросы.

Философия Ницше сквозь призму христианского экзистенциализма и персонализма Бердяева

Русская религиозная философия начала XX в. воспринимала Ницше как явление преимущественно религиозное, профетическое. Многие мыслители Серебряного века приписывали личности немецкого философа черты гениального религиозного пророка, провозвестника новых религиозных ценностей, новой морали. Именно в таком ключе Бердяев на этапе своего обращения к религиозному реализму и мистике интерпретировал Ницше, называя его «благочестивым демонистом» [Бердяев Н.А., 1999,

с. 83]. Демонизм Ницше рассматривался им как совершенно новое явление в европейской культуре, своеобразный религиозный опыт в условиях кризиса и декаданса европейской культуры и вырождения исторического христианства. Ницше для нового поколения мыслителей, философов и богословов становится столь сложной религиозной проблемой, разрешение которой требовало новой творческой мысли и опыта; его экзистенциальный религиозный опыт уже невозможно было осмыслять и интерпретировать в рамках старой теологической мысли и святоотеческого предания. В явлении Ницше Бердяев открывает определенный тип благочестивого богоборца, в личности которого выражалась неумная тоска по вечности, утерянной человечеством. Религиозное сознание Ницше уже в ту пору Бердяев оценивал как ложное и затемненное, не просветленное Божественной благодатью. В творчестве немецкого философа он усматривал раздвоенность и противоречие: с одной стороны, благородство и аристократизм, с другой стороны, демонизм, ведущий к бунту и морали рабов Божьих; «...дети Божьи любят Бога, а не восстают против него», — отмечал Николай Бердяев [Бердяев Н.А., 1999, с. 85]. Вместе с тем уже в зрелые годы Николай Александрович пришел к выводу, что Ницше служил делу христианского возрождения, он не совершал хулы на Духа; Бог любит таких богоборцов и христороборцев [Бердяев Н.А., 1929, с. 100–101].

Возможность наступления новой религиозной эпохи Бердяев еще в начале своего творческого пути связывал с необходимостью глубокого осмысления и претворения новой истории Запада: эпохи Возрождения, в которой рождается новый человек, восстания разума, Декларации прав человека и гражданина, современного социализма и анархизма, бунта Ивана Карамазова и Ницше [Бердяев Н.А., 2002, с. 361]. Николай Александрович полагал, что начало XX в. было ознаменовано религиозным ренессансом в России, обусловленным расширением исторического, мистического и религиозного опыта. Русский философ писал: «Мы можем вместить уже большую полноту откровения, чем предшествующие религиозные эпохи» [Бердяев Н.А., 2002, с. 361].

Говоря о творческом пути Ницше, Бердяев указывал на идентичный религиозный опыт одного из героев произведений Ф.М. Достоев-

ского — Ставрогина, который также шел через богоотступничество [Бердяев Н.А., 2004, с. 13]. Общность их духовного опыта заключалась в их религиозной слепоте, ограниченности религиозного опыта, непонимании откровения творчества как божественного призвания человека, которое составляет сокровенную сущность личности, ее подобие Богу. Бердяев был убежден, что в самом христианстве еще только предстоит раскрыть всю полноту христианского откровения. В работе «Смысл творчества» он придает огромное значение идее оправдания человеческого бытия творчеством; творчество рассматривается им как путь дальнейшего религиозного движения человека к новому мировому эону, богочеловечеству, эпохе Духа Святого, преодолению власти царства объективации и необходимости, восьмому дню творения. Именно своими творческими актами человек приближает к себе наступление нового космического эона, в котором будет преодолен и преобразован не только падший мир, но и восстановлена и преобразована целостность и природа человека. Святоотеческая аскетическая практика, изобличавшая грех и боровшаяся против него, на протяжении многих веков сильно ограничивала творческое дерзновение человека, препятствовала раскрытию откровения творчества.

Русский философ исходил из того, что богоборчество Ницше проистекало из религиозной муки по творчеству. Ницше стоял перед ложной дилеммой: вера в Бога и старая аскетическая религиозность, ведущая борьбу с грехом, или индивидуальное героическое творческое восхождение к горным вершинам человеческого духа. Именно в явлении Ницше эта проблема достигает своей последней остроты и трагизма. Ницше знал лишь этику закона и искупления, которыми ограничивал сущность христианства, не понимал, что за этикой закона и искупления стоит этика творчества, которая должна быть раскрыта самим человеком. Будучи человеком, страстно жаждавшим творческого подъема, он всеми силами возненавидел христианский опыт жизни и дошел до ненависти к идее Бога как помехи, стоящей на пути к творчеству [Бердяев Н.А., 2004, с. 13]. В этом, по мнению Бердяева, состояла подлинная трагедия Ницше.

Фигура Ницше для Бердяева была переходной и рубежной. Его философия была насквозь эсхатологична, устремлена к концу и пределу. Ницше стоит на мировом перевале вхождения

человечества к религиозной эпохе творчества [Бердяев Н.А., 2004, с. 97]. Классические европейские достижения в области философии, морали и искусства полностью себя изжили и не могли удовлетворить духовные запросы нового поколения мыслителей, к коим относился Ницше. Старая европейская культура и мораль рассматривались Ницше как препоны на пути к новой жизни и новой морали, христианство как ценностный базис классической европейской культуры себя изжило и пришло к упадку. Разделяя тревожные мысли и опасения Ницше по поводу декаданса европейской культуры и цивилизации, Бердяев вместе с тем рассматривал антихристианскую духовную проекцию Ницше лишь как переходное состояние новой нарождающейся души человека, которая проходит через бездны, неведомые старой святости. Николай Александрович был убежден в необходимости преодоления и внутреннего изживания духовного опыта Ницше. Путь к откровению творчества человека возможен только, если Ницше будет пережит и изжит [Бердяев Н.А., 2004, с. 283].

Фридриха Ницше Николай Бердяев называет величайшим явлением новой истории. Через него диалектически к своему логическому концу подошла гуманистическая антропология Запада. Ницше становится искупительной жертвой новоевропейского безбожного гуманизма. Бердяев полагает, что после духовного опыта Ницше с его устремленностью к сверхчеловеческому, к тому, что превышает человеческое, возврат к прежней гуманистической антропологии уже невозможен [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. Гуманистический кризис, охвативший западную культуру, не мог не привести к идее сверхчеловека и сверхчеловеческого. Путь, по которому Ницше наметил движение к сверхчеловеку, Бердяев называл безблагодатным. Так он отзывается о самой, пожалуй, очаровавшей отечественную интеллигенцию начала века книге немецкого философа — «Так говорил Заратустра». Для Бердяева это был величайший памятник духовной культуры Запада, написанный человеком, который попытался взойти на духовную высоту исключительно с помощью собственных сил, без божьей благодати. Бердяев писал, что никогда человек, предоставленный самому себе, не поднимался выше, чем ницшеанский Заратустра [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. Антихристианский настрой немецкого философа

фа, эсхатологический радикализм его мышления не могли не привести к идее сверхчеловека; исход диалектического развития безбожного гуманизма вполне предугадывается развитием европейской культуры и вырождением исторического христианства на Западе. Таким образом, гуманизм в Ницше побеждается не сверху, а снизу, не благотно, а собственными силами человека.

Бердяев рассматривал Ницше как предтечу новой религиозной антропологии, которая должна была диалектически наступить после безбожного гуманизма. Ницше выступает как важнейшее явление движения человечества к новой христианской антропологии, этике творчества нового бытия. Дело Ницше было великим подвигом в европейской культуре, так как именно он, остро переживая декаданс эпохи, взял на себя ответственность радикально переоценить европейскую мораль и преодолеть царство мещанского буржуазного срединного гуманизма, сдерживавшего движение человечества к более высокому духовному состоянию. Бердяев называет Ницше религиозным пророком Запада, но инстинктивно искавшим выход из глубокого антропологического кризиса, охватившего европейское человечество. Ницшеанский Заратустра проповедует любовь к творчеству, подъем в горы, изобличает моральное лицемерие последних людей, стремящихся исключительно к счастью; это не могло не подкупать Бердяева и определяло его высокую оценку Ницше как религиозного провозвестника и пророка, вещавшего о новом будущем человечества. Согласно Бердяеву, нельзя не разделять муку Ницше, так как она насквозь религиозна и благородна [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]; русский философ призывал разделить судьбу Ницше, но не в смысле повторения его духовного и трагического опыта. Из Ницше нужно исходить, его нужно пережить и двигаться не к сверхчеловеку, а в том направлении, которое было в духовном опыте Ф.М. Достоевского. Ницше вместе с Достоевским зачинает новое антропологическое откровение в мире, исходом которого может быть движение как к христологии человека, так и к антихристологии, как это произошло в творчестве немецкого философа.

Бердяев видел прямую параллель между катастрофизмом Ницше и духовным опытом Ф.М. Достоевского. Николай Александрович был убежден, что именно им и будет принад-

лежать будущее. И Ницше, и Достоевский для него явились глашатаями нового откровения о человеке, великими антропологами, оба с разных сторон подходили к краям, концам и пределам человеческого бытия, оба стремились заглянуть в бездну человеческой экзистенции [Бердяев Н.А., 2004, с. 354].

В антропологизме Достоевского проблема человека также достигает своей исключительной остроты. В духовном опыте великого русского писателя Бердяев видит открытие новой бездны в человеке; именно по этой причине возврат к старой христианской антропологии и безбожному гуманизму после Достоевского уже невозможен. И Ницше, и Достоевский выявляют пределы и концы человеческой экзистенции, переходят за границы новоевропейского гуманизма и открывают новую эру в развитии антропологического сознания человечества [Бердяев Н.А., 2004, с. 84]. В опыте Ницше для Бердяева ценным была его мука искания творческого экстаза, раскрытия творческой природы человека, преодоления последнего человека как стыда и позора. При этом идеи Ницше ведут к человекобогу, антихристологии и должны быть отвергнуты как ложные. Творчество Ницше и Достоевского привело к крайнему обострению антропологического сознания; христианскому миру приоткрылась проблема человеческого конца — проблема антихриста. Николай Бердяев исходил из того, что христианство должно в себе найти силы осмыслить и осознать после Ницше и Достоевского надвигающуюся на мир катастрофу прихода антихриста и раскрыть истинную христологическую антропологию, которой не было в святоотеческом христианстве [Бердяев Н.А., 2004, с. 85]. Беспомощность христианства перед современной трагедией человека Бердяев связывал именно с нераскрытостью христианской антропологии. Новая христологическая антропология должна открыть тайну о творческом призвании человека и тем дать высший религиозный смысл творческим порывам человека [Бердяев Н.А., 2004, с. 86]. Парадокс заключается в том, что слабость христологического самосознания человека ведет к утверждению антихристологического самосознания. Реставрация святоотеческого христианства, в котором не была раскрыта подлинная антропология, не может стать ответом на муку Ницше и экзистенциальные вопросы Достоевского. Антропологический религиозный пере-

ворот в мире может быть только поворотом к человеческой свободе, к тайне творчества. Слепота Ницше в отличие от Достоевского была в том, что он не понимал отношения тайны творчества к тайне искупления. Если для Ницше человек был средством явления сверхчеловека, то Достоевский раньше Ницше в своей гениальной диалектике о человеке раскрыл роковой и неотвратимый конец гуманизма — гибель человека на пути человекобожества. Достоевский знал соблазн человекобожества, но в отличие от Ницше он знал свет Христов, в котором только и могла быть изболита тьма человекобожества [Бердяев Н.А., 2004, с. 418]. Бердяев называл его духовно-зрячим. Ницше же сам был во власти идей человекобожества; идея сверхчеловека истребила у него человека. У Достоевского человек сохраняется только в Богочеловеке-Христе. Для него убийство Бога означало убийство человека. В центре антропологического сознания Достоевского заложена идея свободы. Без свободы нет человека. И всю свою диалектику о человеке и его судьбе Достоевский ведет как диалектику о судьбе свободы. У Ницше происходит преодоление и Бога, и человека, которых должен сменить неведомый сверхчеловек [Бердяев Н.А., 2004, с. 418–419]. Таким образом, Николай Бердяев отмечал существенное различие антропологического сознания двух великих мыслителей.

Интерпретация Н. Бердяевым этики Ницше

Бердяев видел в Ницше тончайшего моралиста всех времен, который высказал очень много верного и ценного о природе морали и христианской в особенности. Критика Ницше христианской морали как морали слабых, порабащившей человека, и воспевание аристократически-благородной морали сильных противоречило мировоззрению Николая Александровича. По мысли Бердяева, все сказанное Ницше о христианстве требует радикальной переоценки и пересмотра. Правоту Ницше он видит в мотивации критики христианской морали, которая кажется ему глубокой и ценной, заслуживающей самого пристального внимания, но сама критика для русского философа была в принципе неприемлемой [Бердяев Н.А., 2004, с. 228]. В «Антихристе» Ницше Бердяев находит много поверхностного и рассудочного. Он соглашается с главным мотивом критики Ницше исторического христианства — мотивом си-

лы. Историческому христианству за целые столетия удалось привить европейскому человечеству мораль, больше ценящую слабых, чем сильных, абсолютизирующую сострадание как высшую добродетель человека. Бердяев же в отличие от Ницше понимал христианство не как религию сострадания, а как религию стяжания духовной силы и божественной жизни. Вслед за немецким философом он готов был признать определение добра как всего того, что повышает чувство силы и волю к силе в человеке [Бердяев Н.А., 2004, с. 328]. Главная проблема Ницше была в том, что он пребывал в религиозной слепоте, был лишен дара видения последних тайн, принимал историческое христианство за подлинное христианство. Бердяев, напротив, исходил из того, что Христос возмещает человеку не рабскую мораль, а путь, по которому могут идти только сильные духом, те, кто осознают свое первородство и высокое предназначение.

В феномене Ницше Николая Александровича в первую очередь привлекала его беспощадная критика срединной буржуазной морали, задерживающей наступление конца, закрывающей пределы бытия. Срединная мораль была ему столь же ненавистна, как и Фридриху Ницше, по его мнению, она должна раньше или позже прийти к своему концу и быть преодоленной творческим напряжением человеческого духа. Огромное значение Ницше он видел в том, что его творческий дух возжелал стать по ту сторону безопасной середины канонической морали. Ницше был великим изболителем срединно-общего духа гуманизма, и именно поэтому он становится жертвой и предтечей новой моральной эпохи, этики творчества [Бердяев Н.А., 2004, с. 230]. Немецкий философ подвел окончательную черту в судьбе гуманистического индивидуализма. Он глубоко вскрыл противоречия гуманизма [Бердяев Н.А., 2002, с. 153]. Новая религиозная жизнь в свободе, духе и творчестве невозможна на путях бунта против христианства и его преодоления, как того хотел Ницше, она может начаться только как откровение в человеческом опыте божественности творчества, как ответ на зов Бога, обращенного к человеческому творчеству. Восстание же против Бога для Бердяева есть путь безблагодатного восхождения, в конечном итоге, заканчивающееся трагедией и отпадением человека от Христа. Бердяев писал, что нельзя

не допускать до Ницше, — нужно пережить и преодолеть его изнутри [Бердяев Н.А., 2002, с. 283].

Заслуга Ницше, как полагал русский философ, была в радикальной постановке проблемы морали: является ли так называемое «добро» подлинным добром, не стоит ли за ним зло. Для Ницше воля к истине была связана с преодолением морали, выходом «по ту сторону добра и зла». Ницше так и не смог окончательно разрешить проблему добра, ему не удалось выйти из порочного круга морали. По ту сторону добра он полагал посюстороннее зло, утверждал новую высшую мораль. Ницше был бессилён прорваться в рай, так как старые этические категории он стремился преодолеть путем их натурализации [Бердяев Н.А., 2003, с. 74]. Однако правота Ницше состояла в проблематизации добра; Николай Александрович соглашался с Ницше в том, что любые оценки добра и зла всегда символичны, включают в себе условность и произвольность. Трагизм нравственной жизни, по мнению Николая Бердяева, заключается в том, что мы не можем прорваться по ту сторону добра и зла ввиду того, что нас всегда будет подстерегать посюстороннее зло, и также не можем остаться по сю сторону добра, так как оно легко и незаметно для нас превращается во зло. Для Бердяева глубина жизни, или перво-жизнь, находится вне категорий добра и зла, которые описывают лишь мир в состоянии его падшести и объективации. Все, что «по сю сторону добра и зла», — символично, реалистично и бытийственно лишь то, что «по ту сторону добра и зла» [Бердяев Н.А., 2003, с. 49]. Таким образом, Ницше понял всю остроту вопроса, но совершенно извращенно понял христианское отношение к добру. Согласно Бердяеву, в христианстве добро становится проблематическим, о Боге невозможно судить с точки зрения добра, возникшего после грехопадения. Одинаково неверно суждение о том, что Бог связан добром, зависит от него, и суждение о том, что добро есть то, чего хочет Бог. Ницше не замечает того, что Бог находится «по ту сторону добра и зла» и судить о Нем с точки зрения посюстороннего добра есть ложная мысль. Бога Бердяев определяет как сверх-добро, к нему категория добра в принципе не применима, так как Он сам есть Добро, источник всех ценностей. Если и возможна теодицея, то как защита Бога от человеческих понятий о Нем [Бердя-

ев Н.А., 2003, с. 81]. Ницше потерпел неудачу и крушение именно потому, что свою переоценку ценностей обосновывал с опорой на посюсторонний нравственный опыт человека, живущего в эон грехопадения, в условиях падшего мира и греха. Его профетизм Бердяев именует непро-светленным [Бердяев Н.А., 2003, с. 417]. Этика добра, если и может быть истинной и выводящей по ту сторону морали, то только как этика сверхдобра. Ее сущность заключается в том, чтобы не отталкивать зло и злых в ад, а просветлить и преобразить зло, т.е. победить его, окончательно вырвать с корнем из бытия. В этом смысле этика сверхдобра онтологична и не может ограничиваться только различием и моральной оценкой; она не может быть этикой личного спасения души, этикой трансцендентного эгоизма, а только этикой всеобщего спасения, воссоединения человека с человеком и с миром через воссоединение с Богом. В этом состоит подлинное спасение; в образ царства Божьего неверно приносить посюстороннюю этику, ставшую результатом падения мира и первородного греха. По мысли Бердяева, только этика творчества открывает для человека путь в подлинную райскую жизнь, где отсутствует здесьнее различие между добром и злом, где зло и ад искореняются онтологически. Этика творчества обращает человека к новому космическому эону, который находится между посюсторонним и потусторонним мирами, между временем и вечностью, она по своей сути хилиастична [Бердяев Н.А., 2003, с. 419].

Ницше не знал и не понимал настоящего христианства, а судил о нем с точки зрения его текущего выродившегося состояния. В этом Бердяев видел ошибочность философии Ницше. Ницше относил христианство к морали рабов, основанной на *ressentiment* слабых к сильным, плебеев аристократам [Бердяев Н.А., 2003, с. 175]. Немецкий философ считал, что христианство подменило категории хороших и плохих категориями добрых и злых. Для Бердяева истина заключалась прямо в противоположном. Христианскую мораль он интерпретирует как мораль сильных духом, она по своему существу аристократична. Ницше судил о христианской морали очень искаженно, так как понятия силы и слабости он трактовал очень поверхностно. Соблазняясь внешним эстетическим образом и понятием силы, он не понял, что именно христианство впервые в истории внесло представ-

ление о силе как о духовной свободе человека от власти мира, грехов и страстей, порабащующих человека. Христианскую мораль он воспринял в духе категорического императива Канта. Христианская добродетель не может осуществляться как норма и долженствование, это есть фарисейство в христианстве. Норма и закон добра сами по себе бессильны и безблагодатны, тогда как подлинная нравственная сила черпается из единственного источника — Бога. Христианство учит быть сильным перед лицом как жизни, так и смерти [Бердяев Н.А., 2003, с. 176]. Бердяев разделяет идею Ницше о преодолении морали, только с большой оговоркой: преодолении законнической морали, препятствующей раскрытию этики творчества. Ницше в христианстве знал лишь закон добра и поэтому восставал против него. Немецкий философ совершенно превратно трактовал дух и духовную жизнь. Для него дух отождествлялся с подавленным инстинктом, он становится барьером на пути к подлинной творческой жизни. Ницше бессознательно для самого себя стал жертвой выродившегося законнического христианства, в котором дух угас; он полностью стал определяться отрицательными реакциями [Бердяев Н.А., 2003, с. 222–223]. Парадокс состоял в том, что уташение духа он принял за сам дух и поэтому восстал против Бога. В этом Бердяев видел источник его атеизма. Творчество и Бог для него становятся несовместимы. Он фактически был пленен ложной идеей Бога. Для Николая Александровича только дух и является единственным источником творчества, им всецело определяется. Прорыв «по ту сторону добра и зла» может быть осуществлен только на пути евангельской морали — любви к врагам. Путь преодоления морали, выбранный Ницше, бессилен в достижении своей цели — он созидает новую мораль, не выходящую за рамки этики закона и натуральных категорий.

Противоречия философии Ницше

Согласно Бердяеву, философия Ницше была пронизана значительным противоречием. С одной стороны, он развивал идею вечного возвращения, которая не является новой в мировой философии, а скорее воспроизводит античное отношение ко времени как циклическому движению, всецело отдавая человека во власть космического круговорота. Идея вечного возвращения для самого Бердяева была малоценной. С

другой стороны, немецкий философ профетически учит о сверхчеловеке как преодолении человеческого, задает всемирной истории эсхатологический конец. Идею же о сверхчеловеке Бердяев придавал огромное значение; вместе с тем рассматривал ее в контексте антиперсонализма, разрывающего всякую связь с евангельской и гуманистической моралью [Бердяев Н.А., 1995, с. 180]. Для Бердяева как убежденного персоналиста концепция сверхчеловека была радикально неприемлема. Антиперсонализм проявлялся не только у Ницше, но и у многих философов XIX столетия — М. Штирнера, К. Маркса и др. Однако лишь в творчестве Ницше антиперсонализм достигает особой остроты и предела.

Основную тему жизни и творчества Ницше русский философ определял следующим образом: как пережить божественное, когда Бога нет, как пережить экстаз, когда мир и человек так низки, как подняться на высокую гору, когда мир так плосок? [Бердяев Н.А., 2005, с. 370]. Проблема, над которой Ницше мучился всю жизнь, была для Бердяева абсолютно религиозной и метафизической. Более всего поразило Николая Александровича в Ницше несоответствие его философии глубинной и радикальной проблематике, которую он поставил перед человечеством. Для Бердяева философия Ницше имела биологический привкус, была более *Lebensphilosophie*, чем *Existenzphilosophie*, была пронизана дарвинизмом и эволюционизмом [Бердяев Н.А., 2005, с. 370]. Ницше не удалось создать целостного непротиворечивого и стройного философского мировоззрения: эсхатологическая идея сверхчеловека сводилась к биологическому подбору и витализму. Для Бердяева это было значительным изъяном в философии Ницше.

Все философское творчество Ницше, согласно Бердяеву, центрировалось вокруг трех базовых проблем: взаимоотношения человека и сверхчеловека, творчества человека, выражающегося в создании новых ценностей, и героического сопротивления страданию. Устремленность Ницше к сверхчеловеку Бердяев объяснял поиском божественного в эпоху безбожия и нигилизма. В творчестве немецкого философа диалектика человеческого и божественного достигает своего конца и предела; в сверхчеловеке исчезает и божественное и человеческое. Европейский гуманизм изживает в судьбе Ницше

свою собственную жизнь и приходит к концу. В Ницше триумфально утверждается трагическое чувство жизни, в нем гипертрофируется amor fati — любовь к року и судьбе. Он воспевает аристократический индивидуализм, противопоставляя его демократии, социализму и христианству, которое, как верно подмечает Николай Бердяев, он знал только в упадочной форме. В нем формируется особого рода атеизм, который с большой горечью и страданием переживает богооставленность человека, ищет новой божественной высоты. Однако в духовном опыте Ницше Бердяев не находит тайны богочеловечности, встречи человека с Богом. В отношении Ницше к человеку Бердяев фиксирует коренное противоречие: с одной стороны, человек рассматривается как стыд и позор, лишь средство к сверхчеловеку, с другой — наделяется способностью к творчеству ценностей и нового мира, героическому перенесению страданий. Постановка проблемы творчества, по мнению русского философа, была самой большой заслугой Ницше [Бердяев Н.А., 2005, с. 372].

В работе «Смысл творчества» Николай Александрович придает творчеству человека метафизический, религиозный и сотериологический характер, творчеством должно быть оправдано бытие человеку. Жажда Ницше творчества как экстатического состояния духа была очень близка миропониманию Бердяева. Однако в отличие от Ницше Бердяев исходил из необходимости новой антропологии; в старой же антропологии творчество человека еще не было понято и раскрыто как религиозное откровение, миссия, путь и судьба человека. Ницше, который был, по словам Бердяева, плоть от плоти старого гуманизма, все еще находился во власти старой антропологии, неблагоприятной для утверждения идеи творчества человеком, новых ценностей, новой жизни; в этом также заключалось противоречие его философии. Таким образом, в творчестве Ницше соединился духовно-революционный и духовно-реакционный элемент, его философия сочетала в себе мессианизм, обращенность к будущему и старую антропологию, унаследованную от исторического христианства, отрицавшего ценность и огромное значение творчества как призвания человека.

В философии Ницше, согласно Бердяеву, очень симптоматично и рельефно проявился кризис идеи Истины. Ницше удалось очень

тонко его выразить, однако его отношение к идее Истины характеризуется глубоким противоречием. Философию Ницше Николай Александрович именуется философией ценностей, философией качества, а не количества. Истина в понимании Ницше не обнаруживается в самой реальности уже готовой, а создается в творческом процессе. Человек в своем творческом созидании Истины поднимается онтологически выше. Трактовка Истины как добываемой и создаваемой в жизненном творческом процессе Бердяеву казалась очень верной. Идея объективной Истины, которая пассивно воспринимается человеком как данность, в терминологии русского философа есть иллюзия объективации, результат ложной направленности сознания человека. Ницше совершенно отказался от так называемой «объективной» Истины, общеобязательной именно в силу своей объективности [Бердяев Н.А., 2005, с. 22]. В данном вопросе он шел верным путем. Понимая Истину как ценность, творимую волей к могуществу, Ницше впадает в прагматизм и в сущности превращает Истину в орудие воли к могуществу, рассматривает ее как полезную для процесса жизни. Ницше, таким образом, явился выразителем натуралистического подхода к Истине, трактовал ее с точки зрения биологического критерия. Для Бердяева же Истина в первую очередь есть божественная первожизнь, Дух Божий, просветление мира, смысл жизни. Всякие критерии Истины относительны и условны, взяты из объективированного мира и не могут быть рассматриваемы в качестве абсолютного мерила. Внешние критерии, лежащие вне самой Истины как Духа, вводят нас в порочный круг, из которого не может быть выхода [Бердяев Н.А., 1996, с. 37]. Познание Истины не может быть исключительно актом отчужденного интеллекта или разума, что приводит к ее умалению и искажению, объективации, но есть приобщение к ней, жизнь в ней, дело самой жизни, смысл жизни. Истина может достигаться только совокупностью всех духовных сил человека. Истина может быть только субъективна и индивидуальна, но не в смысле психологического субъективизма, а в том смысле, что она экзистенциальна, лежит по ту сторону субъективного и объективного, является проявлением и обнаружением в субъекте самой первожизни [Бердяев Н.А., 1996, с. 22].

Коренное противоречие Ницше состояло в том, что, являясь аристократическим философом, он поставил волю к могуществу как проявление плебейской силы в качестве верховного критерия истины. По мнению русского философа, в этом Ницше глубоко ошибался, так как воля к могуществу есть понятие, взятое из мира и не применимо к Истине как надмирной реальности. Сама идея воли к могуществу для Бердяева была порождением нигилизма и отчаяния европейского человечества, роковое последствие убийства Бога в европейской культуре. Ницше, остро переживая декаданс духовной культуры Европы, кризис христианского самосознания, приходит к философии дионисической воли к могуществу как единственному спасительному средству в ситуации упадка западноевропейского христианства и вырождения гуманистического мировоззрения. С помощью воли к могуществу и сверхчеловека он стремился подняться на божественную высоту, преодолеть человека как стыд и позор [Бердяев Н.А., 1996, с. 190]. Это был один из пределов человеческой мысли в европейской философии, намечавший творчество новых ценностей. Но идеей Ницше воспользовались во зло, исказили до неузнаваемости и превратили в империалистическую волю к могуществу в гитлеровской Германии. Вокруг Гитлера собрались не аристократы духа, которых воспевал Ницше, а худшие из людей, люди *ressentiment*, дышащие злобой и местью. Такова трагическая ирония мировой истории.

Важной темой, поставленной Ницше, была проблема страдания. Героическое сопротивление страданию у Ницше было связано с трагическим чувством жизни. Ницше, как замечал Бердяев, стремился перенести страдание без всякого религиозного утешения. В этом вопросе Ницше был непримиримым противником христианства с его отношением к страданию как к тому, что имеет свой метафизический, экзистенциальный и религиозный смысл. Атеизм Ницше, его восстание против исторического христианства трактовались Бердяевым в особом ключе; Ницше было ненавистно христианство в его упадочности и утрате силы. В то же время Ницше был «фанен» Христом и христианской темой [Бердяев Н.А., 2005, с. 373–374]. Он боролся с Христом как человек, для которого Христос был дорог в самой глубине его сущности. Ницше невозможно представить вне хри-

стианской истории, его судьба отражала судьбу европейского человека христианской истории. Сущность явления Ницше была связана с таинственной диалектикой человеческого и божественного, развертывавшейся в европейской метафизике, философии и культуре. Ницше становится жертвой диалектики германской метафизики, в нем завершается внутренняя диалектика европейского гуманизма, в котором вместе с исчезновением божественного исчезает и человеческое. Любовь к «дальнему» Ницше Бердяев называет бесчеловечной и безбожной, она не может быть христианской в подлинном смысле этого слова, она обращается к безликому человечеству. В христианстве же, основанном на принципе богочеловечности Христа, соединении в Нем двух природ, любовь может быть только к ближнему и конкретному. Любовь к Богу как Истине всегда означает любовь к человеку и наоборот [Бердяев Н.А., 2003, с. 280].

Заключение

Явление Ницше было воспринято в русской религиозной философии главным образом сквозь призму религиозного профетизма. Ницше был понят исключительно как религиозное знаковое явление, закономерно возникшее как следствие глубокого кризиса западной гуманистической культуры и новоевропейской рационалистической философии, приведшего Европу к глубокому антропологическому кризису. Философия Ницше открывала новые возможности творческого бытия человека, предлагала новую антропологическую и ценностную парадигму бытия вне религиозной метафизики и христианского откровения. Антихристианская направленность философии Ницше, его эсхатологическая устремленность была воспринята культурной и творческой элитой России начала XX в. неоднозначно. Рецепция Николаем Бердяевым творческого наследия Ницше показывает, что эсхатологический радикализм немецкого философа вполне вписывался в контекст эпохи начала XX столетия в России, лучшие представители которой остро и болезненно переживали культурно-исторические сдвиги в мире и внутри страны, страстно искали пути вхождения в новую эпоху религиозного творчества. Отношение Бердяева к Ницше было двойственным: с одной стороны, Ницше радикально обостряет проблему творчества личности, столь значимую для русского

религиозного экзистенциализма, с другой стороны, призывает к преодолению христианской парадигмы и выходу из нее, что было для русской религиозной философии неприемлемым. Новое откровение Ницше о сверхчеловеке и воле к могуществу было оценено Бердяевым как ложное и демоническое, радикально расходящееся с основами христианской антропологии о человеке. Вместе с тем жизненный и трагический опыт Ницше для Бердяева был не менее значим, чем религиозный и экзистенциальный опыт Ф.М. Достоевского. Оба мыслителя открывают новую антропологическую эпоху, но предлагают разные траектории движения: один устремлен к сверхчеловеку без Бога, другой — к Богочеловечеству и Христу.

Список литературы

Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 623 с.

Бердяев Н.А. Древо жизни и древо познания // Путь. 1929. № 18. С. 88–106.

Бердяев Н.А. Дух и реальность: Основы богочеловеческой духовности. Я и мир объектов: Опыт философии одиночества и общения. М.: АСТ, 2007а. 382 с.

Бердяев Н.А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1996. 384 с.

Бердяев Н.А. Новое религиозное сознание и общественность. М.: Канон+, 1999. 464 с.

Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2003. 702 с.

Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007б. 1184 с.

Бердяев Н.А. Смысл истории. Новое средневековье. М.: Канон+, 2002а. 448 с.

Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человеком. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2004. 678 с.

Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. М.: Астрель, 2008. 1008 с.

Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995. 383 с.

Бердяев Н.А. Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906 гг.). М.: Канон+, 2002б. 656 с.

Бонеевская Н.К. Апофеоз творчества (Н. Бердяев и Ф. Ницше) // Вопросы философии. 2009. № 4. С. 85–106.

Бонеевская Н.К. Русский Ницше // Вопросы философии. 2013. № 7. С. 133–143.

Синеокая Ю.В. Предисловие. Творчество Ницше в историко-философском контексте // Ницше сегодня / сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. 2-е изд. М.: Изд. дом ЯСК, 2019. С. 7–40.

Синеокая Ю.В. Российская ницшеана // Ницше: pro et contra: антология. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. С. 2–29.

Синеокая Ю.В. Рубеж веков: русская судьба Сверхчеловека Ницше // Фридрих Ницше и философия в России: сб. ст. / сост. Н.В. Мотрошилова, Ю.В. Синеокая. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 58–74.

Синеокая Ю.В., Полякова Е.А. Введение: Ницше сегодня // Фридрих Ницше: наследие и проект / под ред. Ю.В. Синеокой, Е.А. Поляковой. М.: Изд. дом ЯСК, 2017. С. 15–23.

Получена: 20.01.2021. Принята к публикации: 18.02.2021

References

Berdyayev, N.A. (1929). [The tree of life and the tree of knowledge]. *Put' [The Way]*. No. 18, pp. 88–106.

Berdyayev, N.A. (1995). *Tsarstvo Dukha i tsarstvo kesarya* [The kingdom of God and the kingdom of Caesar]. Moscow: Republic Publ., 383 p.

Berdyayev, N.A. (1996). *Istina i otkrovenie. Prolegomeny k kritike Otkroveniia* [Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation]. Saint Petersburg: RHGI Publ., 384 p.

Berdyayev, N.A. (1999). *Novoe religioznoe soznanie i obshchestvennost'* [New religious consciousness and society]. Moscow: Canon + Publ., 464 p.

Berdyayev, N.A. (2002). *Smysl istorii. Novoe srednevekov'e*. [The meaning of history. New middle ages]. Moscow: Canon + Publ., 448 p.

Berdyayev, N.A. (2002). *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900–1906 gg.)*. [Sub specie aeternitatis. Philosophical, social and literary experiments (1900–1906)]. Moscow: Canon + Publ., 656 p.

Berdyayev, N.A. (2003). *Opyt paradoksal'noy etiki* [The experience of paradoxical ethics]. Moscow: AST Publ., Kharkov: Folio Publ., 702 p.

Berdyayev, N.A. (2004). *Smysl tvorchestva: Opyt opravdaniia chelovekom* [The meaning of creativity: The experience of human justification]. Moscow: AST Publ., Kharkov: Folio Publ., 678 p.

Berdyaev, N.A. (2005). *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The dialectic of the divine and the human]. Moscow: AST Publ.; Kharkov: Folio Publ., 623 p.

Berdyaev, N.A. (2007). *Dukh i real'nost': Osnovy bogochelovecheskoy dukhovnosti. Ya i mir ob'ektov: Opyt filosofii odinochestva i obscheniya* [Spirit and reality: fundamentals of divine-human spirituality. The self and the world of objects: an experience of the philosophy of solitude and communication]. Moscow: AST Publ., 382 p.

Berdyaev, N.A. (2007). *Padenie svyashchennogo russkogo tsarstva: Publitsistika 1914–1922* [The fall of the sacred Russian kingdom: Journalism 1914–1922]. Moscow: Astrel' Publ., 1184 p.

Berdyaev, N.A. (2008). *Sub'ektivizm i individualizm v obschestvennoy filosofii. Kriticheskiy etyud o N.K. Mikhaylovskom* [Subjectivism and individualism in social philosophy. The critical essay on N.K. Mikhailovsky]. Moscow: Astrel' Publ., 1008 p.

Bonetskaya, N.K. (2009). [Apotheosis of creativity (N. Berdyaev and F. Nietzsche)]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 4, pp. 85–106.

Bonetskaya, N.K. (2013). [Russian Nietzsche]. *Voprosy filosofii* [Russian Studies in Philosophy]. No. 7, pp. 133–143.

Sineokaya, Y.V. (1999). [The turn of the century: the Russian destiny of Nietzsche's Superman]. *Fridrikh Nitshe i filosofiya v Rossii: sbornik statey* [Friedrich Nietzsche and philosophy in Russia: collection of articles]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 58–74.

Sineokaya, Y.V. (2001). [Russian nietzscheanism]. *Nitshe: pro et contra. Antologiya* [Nietzsche: pro et contra. Anthology]. Saint Petersburg: RCHI Publ., pp. 2–29.

Sineokaya, Y.V. (2019). [Foreword. Nietzsche's work in the historical and philosophical context]. *Nitshe segodnya* [Nietzsche today]. Moscow: YASK Publ., pp. 7–40.

Sineokaya, Y.V. and Poliakova, E.A. (2017). [Introduction: Nietzsche today]. *Fridrikh Nitshe: nasledie i proekt* [Friedrich Nietzsche: heritage and project]. Moscow: YASK Publ., pp. 15–23.

Received: 20.01.2021. Accepted: 18.02.2021

Об авторе

Шумской Андрей Викторович

кандидат исторических наук,
доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Уральский государственный университет
физической культуры,
454091, Челябинск, ул. Орджоникидзе, 1;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>
ResearcherID: AAS-4956-2021

About the author

Andrey V. Shumskoy

Ph.D. in History, Associate Professor
of the Department of Social Sciences and Humanities

Ural State University of Physical Education,
1, Ordzhonikidze st., Chelyabinsk, 454091, Russia;
e-mail: shav.82@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9765-8754>
ResearcherID: AAS-4956-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шумской А.В. Философия Фридриха Ницше: рецепция и интерпретация Н.А. Бердяева // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 166–178.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178

For citation:

Shumskoy A.V. [The philosophy of Friedrich Nietzsche: Nikolai Berdyaev's reception and interpretation]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 166–178 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-166-178

УДК 165:316.733

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-179-190

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ ВИДЕНИЯ. ЧАСТЬ I***Комаров Сергей Владимирович, Лумпова Мария Анатольевна****Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Рассматривается фундаментальный сдвиг в гуманитарной мысли, названный «визуальным поворотом». Речь идет о трансформации визуальности в конце XIX – начале XX в. Трудность анализа — в том числе и современной мысли уже XXI в. — связана с тем, что в современных гуманитарных дисциплинах так и не выработан единый подход к определению предмета и не найден метод исследования визуального поворота. Этот поворот как переход от классического к неклассическому наблюдателю анализируется как трансформация самого человеческого присутствия в мире. Изменение визуальности в первую очередь связано с изменением представления о классическом трансцендентальном субъекте и переходом к пониманию аффектированного и временного субъекта современности. В основу изучения трансформации субъективности авторами положен предложенный В. Бенямином трехчастный механизм силы дистанции, силы взгляда и силы памяти. Показано, что в начале XX в. происходит переосмысление присутствия человека в мире через понимание разрушения дистанции между субъектом и объектом (миром), изменение силы взгляда и изменение роли памяти в восприятии увиденного. Видимое больше не выступает как непосредственно данное субъекту (как объект), но предполагает силу визуального восприятия и особую роль памяти в увиденном. Это означает, что в современных неклассических концепциях визуальности осуществляется попытка понять акт видения как событие становления субъекта. В этом трехчастном визуальном дистанцировании, силе вглядывания в видимое и роли памяти в увиденном акт видения становится самим присутствием современного человека. Однако при этом присутствие в акте видения ускользает от самого субъекта опыта. Так визуальный опыт в качестве наличного сознания вечно и всегда не соответствующего ему мира как объекта видения является бессознательной атрофией самого апатичного «нарцисса» видения. Делается вывод, что отсутствие понимания момента присутствия современного субъекта означает, что как возвращение дистантности в рамках концепции классического наблюдателя, так и полное разрушение ауры в рамках концепций неклассического наблюдателя заводят в теоретический тупик понимание самого опыта неклассического видения.

Ключевые слова: визуальный поворот, субъект видения, трансцендентальный субъект, аффектированный субъект, наблюдатель, аура, сила дистанции, сила памяти, сила взгляда.

NON-CLASSICAL SUBJECT OF VISION. PART I***Sergey V. Komarov, Maria A. Lumpova****Perm State University (Perm)*

This article explores a fundamental shift in the humanities called the «visual turn». We are talking about the transformation of visuality in the late 19th – early 20th centuries. The difficulty of analyzing this phenomenon is due to the fact that the modern humanities have not yet developed a single subject and method for studying the visual turn. In this article, the turn as a transition from the classical to the non-classical observer is analyzed as a transformation of the very human presence in the world. The change in visuality is primarily associated with a change in the concept of the classical transcendental subject and the transition to understanding the affected and temporal subject of our time. In this article, we analyze

the transformation of subjectivity based on the three-part mechanism of the power of distance, the power of gaze, and the power of memory, which was proposed by W. Benjamin. We show that at the beginning of the 20th century there takes place rethinking of a person's presence in the world through the understanding of the destruction of the distance between the subject and the object (the world), a change in the power of gaze and a change in the role of memory in the perception of what is seen. The visible no longer acts as directly given to the subject, but presupposes the power of visual perception and the special role of memory in what is seen. This means that in modern non-classical concepts of visibility, an attempt is made to understand the act of seeing as an event of the formation of a subject. In this three-part mechanism of visual distance, the power of gazing into the visible and the role of memory in what is seen, the act of seeing becomes the very presence of modern man. However, in this case, the presence in the act of seeing eludes the subject of experience himself. Thus, visual experience in the form of a present consciousness of the world that is eternally and always does not correspond to it, is an unconscious atrophy of the most apathetic «narcissist» of vision. The article concludes that the lack of understanding of this moment of presence of the modern subject results in the fact that both the return of distance within the framework of the concept of the classical observer and the complete destruction of the aura within the concepts of the non-classical observer lead to a theoretical impasse in understanding the very experience of non-classical vision.

Keywords: visual turn, subject of vision, transcendental subject, affected subject, observer, aura, power of distance, power of memory, power of gaze.

1. Постановка проблемы

«Визуальный (иконический, пикториальный) поворот», по мнению ряда исследователей, работающих в различных областях гуманитарного знания, представляет собой фундаментальный теоретический сдвиг в мысли XX–XXI вв. Это смещение, отчетливо наблюдаемое философами и социологами науки, манифестирует кардинальное изменение в способах человеческого бытия (качественная модификация механизмов социализации, трансформация коммуникативных стратегий и т.д.). «Иконический поворот — означающее сдвига в социокультурной ситуации, при котором онтологическая проблематика переводится в план анализа визуальных образов. Он следует за онтологическим, лингвистическим поворотами и фиксирует отход в средствах коммуникации от вербального способа к визуальному» [Савчук В.В., 2005, с. 10].

Несомненно, важную роль в становлении «визуального поворота» сыграла та реорганизация в методологии искусствознания, которая пришлась на вторую половину XX в. [Инишев И.Н., Бедаш Ю.А., 2016]. Так, в 70-е гг. прошлого столетия осуществляется теоретический переход от представления «чистого искусства» и истории, «поглощенной жизнеописаниями героических личностей», к искусству как к сложному социальному конструкту. Как отмечает отечественный исследователь истории ви-

зуальности Е.Н. Ищенко, в это время начинается обоюдное движение искусствознания и философии в сторону поиска иных подходов к рассмотрению способа существования образов в современной культуре. «Открытие нового концептуального пространства, которое произошло в искусствоведческих сочинениях, стало одним из первых шагов на пути к формированию современных визуальных исследований» [Ищенко Е.Н., 2016, с. 18]. Эти исследования «вызревали» на протяжении долгого времени «под давлением как новейших технологий, так и обусловленных их появлением реакций, включая практики современного искусства» [Петровская Е.В., 2012, с. 7], и изначально носили междисциплинарный характер.

Однако мозаичность направлений и подходов указывает на проблемный характер самого исследования визуальности, в котором и по сей день не сложилось единого понимания методологии и универсального исследовательского инструментария (Дж.Т. Митчелл, Д. Элкинс, М. Джей, Дж. Крэри). Можно сказать, что «визуальный поворот», провозгласив себя конкретным исследовательским пространством, заявляет о том, что «не является ответом на какой-то вопрос», скорее — попыткой и способом «сформулировать сам вопрос» [Бахманн-Медик Д., 2017, с. 400]. «Если в непосредственные задачи иконического поворота входит не только понимание образов, но и понимание мира через образы, то и здесь говорить о “по-

вороте” можно лишь при одном основополагающем условии: что предметный уровень (то есть образы как предмет исследования) в определенной мере превращается в уровень методологических установок, что сами образы начинают рассматриваться как медиумы познания и аналитические категории» [Бахманн-Медик Д., 2017, с. 418].

Тем не менее отечественный исследователь визуальности И.Н. Инишев, обозначая общее направление мысли теоретического поля визуальных исследований, объединяет многоголосье различных теорий под общей рамкой *анализа изменения человеческого присутствия в мире*. Нам представляется такой тезис очень значимым в теоретическом и методологическом плане, в том числе — в понимании «методологической разногласицы» подходов в исследовании визуальности.

Целью данной статьи является анализ трансформации субъективности в начале XX в., которая привела к формированию неклассического субъекта видения. Речь идет об изменении самого чувственного восприятия (*αἰσθησις*), фундирующего наше рассудочное отношение к действительности. Именно изменение визуальности в первую очередь подорвало представление о классическом трансцендентальном субъекте, а вовсе не собственные теоретические изыскания в новейшей философии — в феноменологии, теории познания, семиотике и т.п. Опыт визуальности выявил аффектированность и зависимость самовосприятия субъекта («Я») от восприятия видимого. Обнаружилось, что не субъект предшествует опыту, но сам «формируется», «конституируется» и определяется в чувственном (визуальном) опыте. Видимое (объект видения) не выступает теперь как данное субъекту, но, скорее, как само дающее, аффектирующее, запускающее процесс восприятия субъектом не только этого объекта, но и самого себя. Об этом говорит весь опыт становления новых визуальных искусств на рубеже XIX–XX вв. В импрессионизме, абстрактной живописи, фотографии и кино [Berger J., 1991; Crary J., 1999; Atkinson P., 2020; Беньямин В., 1996; Сонтаг С., 2013] аура видимого служит потенциалом трансформации субъективности: для того чтобы воспринять объект созерцания, необходимо трансформировать само поле видимого, совершить опреде-

ленную расфокусировку взгляда, занять дистанцию по отношению к самому себе и т.п. Если для восприятия классического произведения искусства важно было сосредоточение, концентрация на единстве восприятия так, что при этом в произведении искусства субъект как бы «встречался» с самим собой, то при восприятии произведений *art nouveau* важным становится именно аффектирование и столкновение с реальностью, которое разрушает эту самоидентичность субъекта с самим собой. В этом смысле акт видения оказывался событием генезиса субъекта, его становления. Если в структурах опыта классический субъект открывает себя как самого себя, то неклассический субъект обнаруживает себя как нечто неизвестное и впервые «учрежденное».

Основной идеей исследования является, во-первых, понимание классической субъективности и критическое переосмысление ее трансформации в новый опыт субъективности через трехчастный механизм *силы дистанции, силы взгляда и силы памяти*. Разрушение их в неклассической субъективности, схваченное в экзистенциальной философии, преломляется в концепции современных постнеклассических теорий как попытка схватить субъекта, оказывающаяся, не просто событием его становления, но его специфическим способом присутствия, через него (становление) проявляющимся. Поэтому самым важным здесь является то, что новый опыт видения оказывается именно новым опытом присутствия аффектированного субъекта, неразрывно связанного с объектом визуального опыта [Beith D., 2018; Крэри Дж., 2014; Ямпольский М., 2001]. Более того, новый опыт создания неклассического искусства является действительно экспериментальным, т.е. выявляющим условия существования субъекта в мире. Это означает, что визуальный опыт в обеих его формах — классической и неклассической субъективности — рассматривается не как чувственный опыт, но как онтологический опыт, опыт присутствия в мире. Видение есть инвариант экзистенции, *αἰσθησις καὶ εἶναι*.

2. Классический субъект видения

Как сформировался классический субъект, который является «автором» произведения искусства? Как известно, в Новое время установка на поиск безусловной истины ведет к фальсифи-

кации всего чувственного опыта. Поэтому основания истины обнаруживаются в рассудочной структуре, единство которой определяется как самосознание (в рационализме) или идея души (в эмпиризме). В любом случае это мыслящее само себя мышление, которое является абсолютным «монолитным» тождеством самого себя. В качестве такового оно становится основанием организации чувственного опыта. Во-первых, за счет «отбраковывания» всего сомнительного в восприятиях и благодаря этому — выявления всего действительного и подлинно существующего, во-вторых. Ясное и отчетливое мышление рационалистов становится тождественным чистому наблюдению эмпириков (*lumen naturale* в проекции на чувственность имеет своим эквивалентом *common sense*).

Это означает, что само наблюдение как чувственный опыт (эстетизм) не является простым пассивным восприятием; как высматривающее и исследующее природу, оно есть проекция *cogito*. *Cogito* — это не только мыслящий, но и «наблюдающий» субъект. Дж. Крэри поэтому совершенно справедливо указывает на то, что главной фигурой, выражавшей эту господствующую парадигму восприятия мира, становится Наблюдатель, существующий как отрешенный «метафизический взгляд», познающий как бы извне свои объекты (природу)¹.

В качестве такого абсолютного наблюдателя *cogito* оказывается трансцендентальным субъектом. «Трансцендентальность» выступает здесь в тройном значении. Во-первых, в смысле принципиальной венаходимости наблюдающего субъекта по отношению к наблюдаемому объекту, его абсолютной независимости от последнего. Это означает, что субъект является основанием априорной структуры самого опыта, т.е. принципиальной возможности наблюдения. Назовем это качество *силой дистанции*. Во-вторых, в смысле того, что такой субъект является не только априорной структурой опыта, — в соответствии с его единством осу-

ществляется сам реальный опыт. При проекции в поле чувственности логические структуры рассудка организуют соответствующим образом материал чувственности; сам реальный опыт осуществляется как непосредственное структурирование поля наблюдения (пространства и времени) и благодаря этому выявление наблюдаемого в этом поле объекта². Таким образом, *cogito* определяет не только возможность наблюдения вообще, но и действительность наблюдения и наблюдаемого (самого себя). Назовем это качество *cogito* в его эмпирическом исполнении *силой взгляда*. Обратим внимание на различие между силой дистанции и силой взгляда. Первое есть априорное условие опыта видения, условие возможности наблюдения; но только сам взгляд как эмпирическое событие превращает эту возможность в действительность³. В-третьих, в смысле того, что непосредственное восприятие объекта осуществляется как логический синтез чувственных восприятий. Кант называет это внесением интеллигибельного содержания в материал чувственности в опыте. Действительно, воображение в соответствии со схемами категорий соединяет данные чувственного многообразного в поле воспринимаемого; это есть продуктивный синтез восприятия. Однако схватить это «увиденное» можно только ретроспективно — в рефлексии, точнее, совершая повторно этот синтез — только уже репродуктивно. Если продуктивный синтез «отвечает» за сам акт видения, то именно репродуктивный синтез «отвечает» за то, что в этом акте было действительно

² Например, Кант очень четко указывает на этот момент в понимании классического *cogito*: существует различие между чистой структурой рассудка (синтезом категорий и трансцендентальной апперцепцией как условием этого синтеза) и реальным синтезом чувственности, которая всего лишь совершается «в соответствии» с этим синтезом категорий. Поэтому, с одной стороны, *cogito* есть трансцендентное условие эмпирического единства субъекта (это различие между логическим субъектом и эмпирическим субъектом), с другой стороны, оно обнаруживает себя только в эмпирическом единстве сознания (тождество логического и эмпирического субъекта).

³ Здесь правильнее было бы сказать, что сила дистанции выражает «трансцендентность» (абсолютность) *cogito*, а сила взгляда — «трансцендентальность» *cogito* (его отношение к чувственности). В этом смысле различие между силой дистанции и силой взгляда выражает антиномичность понимания самого классического субъекта (психологический паралогизм разума).

¹ Так, можно встретить альтернативные прочтения скопических режимов классического субъекта, в частности, Мартин Джей выделяет картезианский перспективизм, эмпирический безразличный взгляд и безумие барочного взгляда, воплощенного в философии Лейбница [Jay M., 1988]. Тем не менее можно согласиться с позицией Крэри, который выделяет общий, онтологически определяющий для всех режим стороннего наблюдателя [Крэри Дж., 2014].

«увидено». Иначе говоря, без репродуктивного синтеза действительно увиденное не может быть представлено: представление и есть удержание в образе увиденного первоначально. Теперь «восстановленное» заново, но уже воображением под контролем рефлексии, есть проявление *силы памяти*. Поэтому наблюдение есть не просто восприятие и представление воспринятого, но одновременно оно является презентацией самого субъекта. В наблюдении мышление является мышлением самого себя: в чистом мышлении оно разворачивается как в себе существование; в восприятии оно предстает как существование-для-другого; наконец, только в представлении оно предстает как существование-для-себя. Представление (память) не просто удерживает увиденное: его образ презентует субъекта самому себе. Сила памяти заключается как раз в том, что она есть постоянное приведение субъекта к самому себе: осознание *cogito* как субъекта («Я»).

В классическом понимании субъекта упор поэтому сделан на представление его активности: акт видения есть не просто «оформление» увиденного, но и «извлечение» его содержания: то, *что* видится, определяется тем, *как* видится. Аффигируемость субъекта имеет место (*das Gemüt affiziert*), но смысловая целостность увиденного целиком определяется его самосознанием. В немецком идеализме и последующей философии эта первоначальная аффигируемость субъекта практически полностью исчезает... Но такое понимание классического субъекта определяет особенности воспринимаемого объекта и его образов.

А) Мир (объект наблюдения) для такого субъекта предстает как статичный универсум. Это мир готовых форм, мир без становления, мир без времени. Это «исключение» времени и редукция его к его пространственному образу является абсолютно необходимым условием разворачивания гомогенного поля наблюдения: наличие у объектов «собственного» времени исключает возможность их созерцания. Поскольку время объекта есть время его существования, а оно должно быть открыто наблюдателю, то становится временем наблюдения. Превращение времени в априорную структуру наблюдения не исключает его «объективистской» трактовки (Лейбниц); время (как и пространство) становится «условием» наблюдения

существующих объектов, внешней рамкой их восприятия. Но как только наблюдение начинает трактоваться как «явление» в смысле данности субъекту опыта, оно «приватизируется» субъектом. Время выступает формой «явления», но последнее трактуется теперь как разворачивание трансцендентального *ego*. В этом смысле время становится не явлением объекта, а явлением субъекта. В этом смысле трансцендентальная субъективность есть чистая временность⁴.

Б) Воспринимаемые вещи выступают теперь как конечные сущие, полностью открытые для наблюдения. Последовательное описание существования этих сущих дает полный набор их чувственных свойств (качеств), что означает их полное знание. Однако такое видение означает «изъятие» этих вещей из их реальных отношений с другими сущими, из их действительного существования. Это означает фактическую редукцию к их «объектным» характеристикам и геометрическим формам («первичным качествам»). Такая процедура совершается фактически в самом акте наблюдения как своеобразная «естественная *εποχή*»⁵: это редукция сущего к априорным пространственно-временным характеристикам его восприятия. Однако эта редукция сущего к явлению означает необходимость сознательного «доставления» его до его полного понятия. Мышление данной в явлении вещи и означает мышление ее полного понятия: определение ее сущности-субстанциальности, причинно-следственной структуры ее существования и т.п. Только логическое понятие содержит «сущность» чувственно-данной вещи как полноту ее определения, а ее мышление в отношении к опыту дает всю ее существования. Мышление вещи выступает как полное определение ее явления; в по-

⁴ Это положение в явном виде формулируется только Гуссерлем, но в скрытом виде оно присутствует и в классической философии: в понятии «*duration*» *cogito* у Декарта, в антиномии логического субъекта и феномена «Я» у Канта и т.п.

⁵ Если Декарт закрывает глаза и затыкает уши, чтобы воспринять сами вещи как таковые, если Локк просто отвлекает как нечетко отнесенные к самим вещам «вторичные качества», то Кант совершает последовательное изолирование чувственности от рассудка, потом отделяет созерцания от ощущений, затем сводит созерцания к одной лишь их форме, чтобы обнаружить пространство и время как формы чистого созерцания (см.: [Кант И., 1994, с. 49]).

нятии созерцаемое и увиденное получает полноту существования (смысл).

В) Однако в области эстетического созерцания это означает иное. Казалось бы, как показал Кант, в этом случае мы имеем дело с «определением» субъектом самого себя, поскольку способность суждения в себе самой содержит априорный принцип для удовольствия или неудовольствия. В самом деле, эта способность выступает как рефлектирующая способность относительно самого себя, поскольку в области вкуса нет априорных понятий чистого удовольствия/неудовольствия. В этом случае, отталкиваясь от восприятия особенного, способность суждения может создать для себя такое «понятие», которое выступит как правило для последующей оценки любого особенного и единичного. В этом смысле способность суждения сама выступает в функции основания оценочного суждения всех дальнейших эстетических созерцаний. Теперь воображение в форме этой способности не определяется презентацией объекта, а само задает все последующие восприятия любых объектов. Оценочное суждение предшествует самому существованию предмета, а во всех единичных суждениях вкуса оно предшествует чувству удовольствия и определяет его.

Очевидно, что эстетическое чувство не является чисто субъективным, а способность суждения — в отличие от воли — не является абсолютным законодательством для самой себя. Дело в том, что определенные таким образом чувства удовольствия и неудовольствия — в отличие от простых чувственных аффектаций — являются *не репрезентативными, а экзистенциальными чувствами*. В самом деле, эстетическое прекрасное как раз и заключается в том, что здесь субъект не выступает в качестве абсолютного «законодателя» (таковым он является относительно «высших чувств»). В самом деле, суждения о прекрасном являются не когнитивными, а аффективными. Это есть результат действительного воздействия: объект «задевает» нас, и — именно в этом он оказывается предметом эстетики — он производит впечатление. Именно поэтому, в отличие от обычного восприятия и связанного с ним эмпирического суждения рассудка, суждение вкуса требует ответного реагирования. Впечатление как аффектирование субъекта — это чистая страсть. По-

этому встреча с прекрасным выступает как чистая *аффектированность* без применения категорий рассудка и без отношения к трансцендентальному единству апперцепции. Очевидно, что такое понимание субъекта противоречит классическому пониманию трансцендентального его как мыслящего себя мышления или самосознания.

3. Становление неклассического субъекта видения как проблема

Впоследствии, концу XIX — началу XX в., происходит разрушение понимания классического субъекта. Приходит понимание мира как процессуальности и событийности как истории, а жизни как современности; осознание изменения в этих условиях самой фигуры художника [Бодлер Ш., 1986]⁶, схватывание трансформации визуальности как таковой⁷. Важно, что за всей реконфигурацией отношений человека с миром лежит изменение самой субъективности и визуальности как ее проекции.

Как изменяется само поле «визуального»? Согласно В. Беньямину, основой изменения визуального схватывания субъектом мира в XX в. является разрушение ауры произведения искусства. Концепт *культовой ауры*, до этого «помогающий организовать» поле классической субъективности, раскрывающийся через трехчастный механизм силы дистанции, силы взгляда и силы памяти, преобразуется. Крэри пишет, что схемы наблюдения Нового времени, объединенные им под философской метафорой камеры-обскуры как техники наблюдения, которая «приводит к истинным заключениям в отношении внешнего мира» [Крэри Дж., 2014, с. 49–51], стали трактоваться как таящие в себе

⁶ Само понятие современности, например, у Бодлера связывается именно с изменившейся фигурой художника. Современность не интересуется вечностью и даже, наоборот, пытается схватить преходящую природу времени; художник же, по его мнению, больше не сторонний созерцатель, который прозревает сущность вещей, их идеал в виде универсальной красоты, а иллюстратор, дизайнер и т.д. Он теперь тот, кто схватывает определенную, неизбежно устаревающую моду, раз за разом оставляя после себя ностальгию утраченного времени [Бодлер Ш., 1986].

⁷ Лучшее всего эта рецепция в изменении визуального схватывания субъектом мира в XX в. связана с трудами Вальтера Беньямина («Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости», «О фотографии», «О понятии истории» «Работы о пассажах»).

метафизический конструкт. «В текстах Маркса, Бергсона, Фрейда и других тот самый аппарат, который столетием ранее был местом истины, становится моделью для процедур и сил, скрывающих, мистифицирующих и переворачивающих истину с ног на голову <...> камера-обскура и фотокамера относятся к двум совершенно различным типам организации репрезентации и наблюдателя, равно как и к различным типам отношений наблюдателя к видимому. К началу XIX в. камера-обскура перестала ассоциироваться с производством истины и наблюдателем, расположенным таким образом, чтобы видеть истинно» [Крэри Дж., 2014, с. 52].

Ж. Диди-Юберман [Диди-Юберман Ж., 2001], систематизируя концепт критики культовой ауры, заданный в работах Бенъямина, указывает на смену силы дистанции, взгляда и памяти/места, раскрывая их угнетающий характер на становление неклассического субъекта видимости:

1) Сила дистанции стала восприниматься в неклассической философии как *власть дистанции*. Теоретики, начиная с XIX в., отмечали, что аура классической визуальности как культ не может приблизить удаленное. Позитивным аспектом разрушения дистанции культовой ауры стало помещение субъекта «внутри» изучаемой им объективной реальности, что открывало при этом опыт процессуального исследования мира, его постоянного «временения»⁸.

2) Сила взгляда реконфигурировалась во *власть взгляда*⁹. Разрушение отрешенного метафизиче-

ского взгляда, проявляющегося в статичной точке просмотра на вещи, не давало возможности на собственный Взгляд, который раскрывался в акте временности собственной индивидуальной субъективности, иными словами, множественной точки зрения на мир, отличной у каждого [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 127]¹⁰.

3) Сила памяти превращается во *власть памяти*, власть мест. Места памяти, создающие ауратическую власть памяти, почитания и культ предков, а также неизменное движение от прошлого к настоящему не позволяли рассматривать многовариантность Истории, а также раскрывать процесс становления, ее «живой пульсации» [Диди-Юберман Ж., 2001, с. 122–129]. Разрушение памяти помещало становящийся субъект в неожиданный мир, преграждая синтетическому единству, предзаданности в рассмотрении как Истории, так и индивида, погруженного в нее.

Именно разрушение ауры, по мысли В. Бенъямина, обнаружило редуцированные из поля зрения классического субъекта процессы становления мира и становления конструктивных возможностей самого человека. Но оказалось,

поричалось. Характерным примером служит сюжет офорта Гойи «Он даже и не разглядит ее», в котором юноша, слишком близко рассматривающий даму, не может заметить, что она — блудница. Сам Гойя так подписал свое произведение: «А как же ему распознать ее? Чтобы узнать ее как следует, мало лорнета. Нужен здравый смысл и жизненный опыт, а этого-то и не достает нашему бедняжке» [Молок Н.Ю., 2003, с. 171]. Здесь важно отметить, что сокращение дистанции между наблюдателем и наблюдаемым, хоть и считалось комичным, не разрушало ее (дистанции) прав. Тот, кто рассматривал, оставался хоть и никудышным, но классическим наблюдателем.

¹⁰ Разрушение модели метафизического взгляда уайериста можно найти у Сартра в знаменитом пассаже с подглядывающим человеком, который оказывается застигнутым врасплох неким другим, сам тем самым превращаясь в объект наблюдения. Данная модель показывает, что при сокращении дистанции модель уайериста не просто смешна, она невозможна. В любой момент можно обнаружить, что ты сам оказываешься объектом наблюдения. Как отмечает Н.Н. Сосна, раскрывая позитивный аспект данного фрагмента, Сартр «возводит область зримого на небывалую высоту, показывая, что в этой <...> области и происходит обнаружение субъектом себя самого. <...> позволяет уловить область обратимости: она выводит на одну и ту же сцену меня и Другого, меня-для-себя и меня-для-Другого, в непреодолимом противостоянии, в непрекращающейся дуэли не просто двух взглядов, но двух субъектов, каждый из которых претендует на главенство, — и между ними и обращается нечто, что делает их субъектами через видимое» [Сосна Н.Н., 2018, с. 96].

⁸ Так, Андриас Трески отмечает разницу пейзажей в живописи. Про классический пейзаж Трески пишет: «Дровосек не видит леса. Его перспектива развернута в обратном направлении. Он часть леса. Поэтому он воспринимает лес, как посторонний наблюдатель. Как отметил Джон Бергер, этот посторонний наблюдатель разместил бы пейзаж внутри леса. Посторонний наблюдатель увидел пейзаж, а не сами деревья. Создал бы иерархическое окружение» [Трески А., 2017, с. 33]. Другое дело, пейзаж начиная с XIX в.: «То, что он [художник XIX в.] увидел и нарисовал, изображает разные отношения с окружающим миром. Его мир не подгоняют ни под что, не завоевывают, не модифицируют — это мир, который присутствует сам по себе...» [Трески А., 2017, с. 33].

⁹ Справедливо отмечается, что к XVIII в. модель наблюдателя можно описать метафорой «уайериста» [Молок Н.Ю., 2003]. Как полагает Молок, уайеризм имел под собой основание на общности видимого с помощью здравого смысла и отдаленность наблюдателя от наблюдаемого объекта. Нарушение этих правил высмеивалось, если не

что разрушение дистанции между человеком и миром не ведет к ее полному уничтожению. «Сила дали» или «власть дали», характерные для классического наблюдателя и связанной с ним культовой ауры, «обволакивающей» мир вещей, заменяется «властью близи».

Временность природы и временность человека идут асимметрично друг другу. Собственно, именно это «несовпадение времен» было схвачено в философии экзистенциализма. Неклассический субъект «...соотносит себя со временем, занимает в нем место, признает, что находится в определенной точке графика. Он принадлежит времени и с ужасом осознает, что время — его злейший враг. Он мечтал о завтрашнем дне, а теперь знает, что от него следовало бы отречься. Этот бунт плоти и есть абсурд» [Камю А., 1990, с. 30]. Это обнаружение собственной временности вело к смещению границ близи и дали мира для человека, что формировало новый опыт визуальности. «Мы замечаем его [мира] “плотность”, видим, насколько чуждым в своей независимости от нас является камень, с какой интенсивностью нас отрицает природа, самый обыкновенный пейзаж. Основанием любой красоты является нечто нечеловеческое. Стоит понять это, и окрестные холмы, мирное небо, кроны деревьев тут же теряют иллюзорный смысл, который мы им придавали. Отныне они будут удаляться, превращаясь в некое подобие потерянного рая. Сквозь тысячелетия восходит к нам первобытная враждебность мира. Он становится непостижимым, поскольку на протяжении веков мы понимали в нем лишь те фигуры и образы, которые сами же в него и вкладывали, а теперь у нас больше нет сил на эти ухищрения. Становясь самим собой, мир ускользает от нас. Расцвеченные привычкой декорации становятся тем, чем они были всегда. Они удаляются от нас» [Камю А., 1990, с. 30].

Превращенная форма ауры (дистанция вблизи) была схвачена Ж.-П. Сартром в феноменологическом описании опыта разглядывания окрестностей из военного окопа: «...там была дубовая роща на красной скале, метрах в пятидесяти от дороги. <...> Мне бы хотелось — не то чтобы пойти в эту рощу, нет, просто подумать, что я мог бы туда пойти. Но подумать такое было невозможно. Это было вне моих возможностей. Пятидесяти метров хватило на то,

чтобы сделать это место недостижимым. Оно превращается в чистую декорацию. Так и Мармутье не имеет для меня окрестностей, поскольку я не могу это место покинуть. В этом мире войны есть дороги — трудные и серьезные, а еще декорации. Все дали, оказавшись вне моих возможностей, утрачивают всякую реальность. Что и выражают солдаты, говоря о каком-нибудь очаровательном пейзаже, милой деревне: “Надо будет побывать здесь, когда наступит мир”» [Сартр Ж.-П., 2002, с. 16–17].

Эта «чуждость» мира оборачивается еще и другим измерением: обнаружением фигуры Другого. Это не просто обнаружение другого человека, но обнаружение другого человека как чужого, как бесконечно далекого и несоразмерного наблюдателю существа. «Люди также являются источником нечеловеческого. В немногие часы ясности ума механические действия людей, их лишенная смысла пантомима явлены во всей своей тупости. Человек говорит по телефону за стеклянной перегородкой; его не слышно, но видна бессмысленная мимика. <...> Отвращение, вызванное бесчеловечностью самого человека, пропасть, в которую мы низвергаемся, взглянув на самих себя <...> это тоже абсурд» [Камю А., 1990, с. 31].

Однако проблема еще глубже. Итогом такого философского осмысления становится прозрачная, будто бы из стекла, но в то же время нерушимая преграда, которая является и при приближении к самому себе. «Точно так же нас тревожит знакомый незнакомец, отражающийся на мгновение в зеркале или обнаруженный на нашей собственной фотографии» [Камю А., 1990, с. 31]. Человек сам для себя становится чужим. Нахождение себя в мире и одновременное несовпадение с миром, обществом, с самим собой порождало то, что Сартр назовет отсутствием *queerensia*, или «одиначеством без уединения». Термин *queerensia* имеет множество переводов (любовь, привязанность к родным местам, излюбленное или привычное место, пристанище и т.д.)¹¹. По Сартру, находясь под при-

¹¹ Французский философ взял это слово из произведения Хемингуэя. В текстах американского писателя оно обозначало место на арене, где бык лучше всего себя чувствует. Самое общее и для меня самое интересное из того, что происходит в голове у быка, это выбор керенсии. Ке-

стальным взглядом постоянно и независимо от субъекта меняющейся обстановки (стилей, требований и стандартов, потоков людей и вещей), лишь механически схватывая движения вокруг, человек чувствует, что за всем этим миру как бы нет до него дела [Сартр Ж.-П., 2002, с. 25–26]. Разрушение дистанции, когда все максимально близко, не породило автоматической встречи с миром и даже, наоборот, погрузило нас во внутреннюю пустыню, где каждый заперт в самом себе, своих чувствах и переживаниях, не переходящих в некоторый внутримировой, или коллективный, опыт.

Таким образом, погружение в мир, отношения с другим и самим собой обернулись открытием тотального одиночества во взгляде на омертвевшие механические останки мира, Другого и самого себя. Чувственно-физиологические переживания (схваченные, к примеру, в «тошноте», «тревоге», «скуке») являли отражение нового визуального переживания, презентовавшего иной опыт существования человека (экзистенцию), который подразумевал, как бы это парадоксально ни звучало, постоянное ускользание от чувственной данности мира. Зрение оказалось первичным опытом непосредственного *присутствия, контакта с окружающим миром*. Однако все дело в том, что теперь данные «...техники перемещения приводят нас не к продуктивному бессознательному зрению, которое в свое время грезились сюрреалистам в фотографии и кинематографе, но к бессознательности зрения, к аннигиляции местоположений и видимости, грядущий размах которой пока еще трудно себе представить» [Вирилио П., 2004, с. 19].

Этот размах бессознательной визуальности разворачивается уже в послевоенное время как опыт «апатии зрения» [Липовецки Ж., 2001]. Если для экзистенциалистской концепции были характерны трагедийность отношений человека и равнодушного к нему мира, сейчас субъект,

ощущая «дефицит» чувственного, все более и более проявляющийся в современности, становится в ответ не бунтарем, мятежником или критиком сложившегося порядка. Он превращается в отрешенного от недостижимого им мира наблюдателя, проявляет ответное «существование, безразличное к смыслу жизни» [Липовецки Ж., 2001, с. 63]. Равнодушие это проявляется как в пассивности, так и в обратной характеристике навязчивого механического ответного повторения, своеобразной формулой, когда «любой ценой нужно вводить какие-то новшества» [Липовецки Ж., 2001, с. 64]. За всеобщим вниманием каждого к микроскопическим деталям и каждодневным событиям в мире люди скрывают тотальное равнодушие. Отсутствие дистанции ставит на одну плоскость как общественно значимые события, так и незначительные повседневные неурядицы. «...Наше общество <...> не интересуется ничем, кроме симулякров и выбора между равнозначными каналами» [Липовецки Ж., 2001, с. 65]. Поэтому, согласно Ж. Липовецки, субъект поствоенного мира характеризуется *апатией* как реакцией на избыток информации в ситуации, когда он не в силах отделить зерна от плевел. «Едва отмеченное событие уже забывается, так как его сменили другие еще более захватывающие. Постоянно необходимо больше информации, как можно более оперативной» [Липовецки Ж., 2001, с. 65]. Поэтому философ констатирует: «Безразличие в чистом виде означает апофеоз временного и индивидуалистического синкретизма; <...> Постмодернистский индивид утратил опору, он как бы “вездесущ”». Постмодернизм, по сути, является лишь дополнительной вехой на пути персонализации нарцисса, занятого самим собой и в разной степени безразличного ко всему остальному» [Липовецки Ж., 2001, с. 67].

Каковы предварительные итоги проведенного анализа? Все дело в том, что безразличный и апатичный наблюдатель-нарцисс — отнюдь не мнимое, а *наличное сознание современного субъекта*. Это в первую очередь констатация иной формы присутствия, которую приобретает индивид в XX столетии. «Апатия видения» есть лишь негативная сторона, одно из следствий трансформации субъективности, которая, как было показано выше, выступает как аннигиляция различия близи и дали, смещения границ «своего и чужого» и в итоге — переживание

ренсия — это место, куда бык стремится попасть, когда он на арене; предпочитаемая позиция. Естественная керенсия известна и определена, но вот случайная — это другое дело. Это место, в котором бык чувствует себя как дома [Хэмингуэй Э., 2015]. Примечательно, что в рамках современной корриды обязательным условием является то, что бык выводится на арену, место боя, первый и единственный раз. Это делается, чтобы он не смог найти место керенсии, так как, оказавшись там, моментально он становится практически непобедим.

перманентного ускользания, вплоть до полной невидимости субъекта в мире. Мы переживаем себя, но не можем себя схватить или представить до конца: видимый образ всегда оказывается не тождествен переживанию. Именно это «несовпадение» с самим собой не только констатирует разрушение субъективности, но и ставит заново проблему субъекта: кто есть «Я» в современном мире? Важно отметить, что теоретики, сами осознавая данную проблемную область, возвращаются к понятию ауры, заданному Бенямином в XX столетии [Петровская Е.В., 2013]. Однако модели как реконструкции понятия ауры и вместе с ней классического субъекта видения, так и соглашение с тем, что она (аура) невозможна, и провозглашение практик «выживания» современного индивида в отчужденном от него мире оказываются несостоятельны. Попытки позитивного описания реорганизации ауры и возможностей современного наблюдателя даны во второй части статьи.

Список литературы

- Бахманн-Медик Д.* Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Новое лит. обозрение, 2017. 504 с.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости // Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: избр. эссе. М.: Медиум, 1996. С. 15–65.
- Бодлер Ш.* Поэт современной жизни // Бодлер Ш. Об искусстве. М.: Искусство, 1986. С. 283–315.
- Вирилио П.* Машина зрения. СПб.: Наука, 2004. 144 с.
- Диди-Юберман Ж.* То, то мы видим, то, что смотрит на нас. СПб.: Наука, 2001. 264 с.
- Инишев И.Н., Бедаш Ю.А.* Визуальное, социальное, образное: зрительное восприятие как фактор современной культуры // ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2016. Т. 1, № 7. С. 9–25.
- Иценко Е.Н.* «Визуальный поворот» в современной культуре: опыты философской рефлексии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 2. С. 16–27.
- Камю А.* Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М.: Политиздат, 1990. С. 23–92.
- Кант И.* Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
- Крэри Дж.* Техники наблюдателя. М.: V-A-C press, 2014. 256 с.
- Липовецки Ж.* Эра пустоты. СПб.: Владимир Даль, 2001. 336 с.
- Молок Н.Ю.* Качели Фрагонара. Вуайеризм реформа видения в эпоху Просвещения // Из истории классического искусства Запада. М.: Эпифания, 2003. С. 166–173.
- Петровская Е.В.* Верните ауру, без ауры тоска / Полит.ру. 2013. 14 мар. URL: <https://polit.ru/article/2013/03/14/ep140313/> (дата обращения: 20.10.2020).
- Петровская Е.В.* Теория образа. М.: РГГУ, 2012. 280 с.
- Савчук В.В.* Философия фотографии. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. 256 с.
- Сартр Ж.-П.* Дневники странной войны. Сентябрь 1939 – март 1940. СПб.: Владимир Даль, 2002. 815 с.
- Сонтаг С.* О фотографии. М.: AdMarginem, 2013. 272 с.
- Сосна Н.Н.* Необратимое видимое. Техническая перспектива // Философский журнал. 2018. Т. 11, № 4. С. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-4-95-105>
- Трэски А.* Теория видео. Онлайн-видео. Эстетика или деградация. Харьков: Гуманит. центр, 2017. 252 с.
- Хэмингуэй Э.* Смерть после полудня. М.: АСТ, 2015. 416 с.
- Ямпольский М.* О близком (Очерки немиметического видения). М.: Новое лит. обозрение, 2001. 240 с.
- Atkinson P.* Henry Bergson and visual culture: A Philosophy for a new aesthetic. N.Y.: Bloomsbury Academic, 2020. 336 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350161801>
- Beith D.* The Birth of Sense: Generative Passivity in Merleau-Ponty's Philosophy. Athens, OH: Ohio University Press, 2018. 240 p.
- Berger J.* About looking. N.Y.: Vintage International, 1991. 225 p.
- Crary J.* Suspensions of Perception: Attention, Spectacle and Modern Culture. Cambridge, MA: The MIT Press, 1999. 416 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6569.001.0001>
- Jay M.* Scopic Regimes of Modernity // Vision and Visuality / ed. by H. Foster. N.Y.: Bay Press, 1988. P. 3–23.

Получена: 04.03.2021. Принята к публикации: 24.04.2021

References

- Atkinson, P. (2020). *Henry Bergson and visual culture: A philosophy for a new aesthetic*. New York: Bloomsbury Academic Publ., 336 p. DOI: <https://doi.org/10.5040/9781350161801>
- Bachmann-Medick, D. (2017). *Kul'turnye povoroty. Novye orientiry v naukakh o kul'ture* [Cultural turns. New orientations in the study of culture]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 504 p.
- Baudelaire, Ch. (1986). [The painter of modern life]. *Bodler Sh. Ob iskusstve* [Baudelaire Ch. On art]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 283–315.
- Beith, D. (2018). *The birth of sense: generative passivity in Merleau-Ponty's philosophy*. Athens, OH: Ohio University Press, 240 p.
- Benjamin, V. (1996). [The work of art in the age of mechanical reproduction]. *Benjamin V. Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti: Izbrannye esse* [Benjamin V. The work of art in the age of mechanical reproduction: Selected essays]. Moscow: Medium Publ., pp. 15–65.
- Berger, J. (1991). *About looking*. New York: Vintage International Publ., 225 p.
- Camus, A. (1990). [Myth of Sisyphus. Essay on the absurd]. *Kamyu A. Buntuyuschiy chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo* [Camus A. The rebellious man. Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat Publ., pp. 23–92.
- Crary, J. (1999). *Suspensions of perception: Attention, spectacle and modern culture*. Cambridge, MA: The MIT Press, 416 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/6569.001.0001>
- Crary, J. (2014). *Tekhniki nablyudatelya* [Techniques of the observer]. Moscow: V-A-C Press Publ., 256 p.
- Didi-Huberman, G. (2001). *To, chto my vidim, to, chto smotrit na nas* [What we see looks back at us]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 264 p.
- Hemingway, E. (2015). *Smert' posle poludnya* [Death in the afternoon]. Moscow: AST Publ., 416 p.
- Iampolskiy, M. (2001). *O blizkom (Ocherki nemimeticheskogo videniya)* [About the near (Essays of the non-mimetic vision)]. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 240 p.
- Inishev, I.N. and Bedash, Yu.A. (2016). [The visual, social, and imaginative: visual perception as a factor of contemporary culture]. *ИПАЭХМА. Problemy visual'noy semiotiki* [ИПАЭХМА. Journal of Visual Semiotics]. Vol. 1, no. 7, pp. 9–25.
- Ishchenko, E.N. (2016). [«Visual turn» in contemporary culture: experience of philosophical reflection]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philosophy]. No. 2, pp. 16–27.
- Jay, M. (1988). Scopic regimes of modernity. *Vision and visuality*, ed. by H. Foster. New York: Bay Press, pp. 3–23.
- Kant, I. (1994). *Kritika chistogo razuma* [Critique of pure reason]. Moscow: Mysl' Publ., 591 p.
- Lipovetsky, G. (2001). *Era pustoty* [The era of emptiness]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 336 p.
- Molok, N.Yu. (2003). [Fragonard's swing: Voyeurism and vision reforms in the Age of Enlightenment]. *Iz istorii klassicheskogo iskusstva Zapada* [From the history of classical art in the West]. Moscow: Epifaniya Publ., pp. 166–173.
- Petrovskaya, E.V. (2012). *Teoriya obraza* [Image theory]. Moscow: RSUH Publ., 280 p.
- Petrovskaya, E.V. (2013). *Vernite auru, bez aury toska* [Return the aura, without the aura of longing]. Polit.ru. Mar. 14. Available at: <https://polit.ru/article/2013/03/14/ep140313/> (accessed 20.10.2020).
- Sartre, J.-P. (2002). *Dnevniki strannoy vojny. Sentyabr' 1939 – mart 1940* [War diaries: notebooks from a phoney war, September 1939 – March 1940]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 815 p.
- Savchuk, V.V. (2005). *Filosofiya fotografii* [The philosophy of photography]. Saint Petersburg: SPBU Publ., 256 p.
- Sontag, S. (2013). *O fotografii* [On photography]. Moscow: Ad Marginem Publ., 272 p.
- Sosna, N.N. (2018). [Irreversibly visual: a technical perspective]. *Filosofskiy zhurnal* [Philosophy Journal]. Vol. 11, no. 4, pp. 95–105. DOI: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-4-95-105>
- Treski, A. (2017). *Teoriya video. Onlayn-video. Estetika ili degradatsiya* [Video theory. Online video aesthetics of the afterlife of video]. Kharkov: Gumanitarnyy Tsentr Publ., 252 p.
- Virilio, P. (2004). *Mashina zreniya* [The vision machine]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 144 p.

Received: 04.03.2021. Accepted: 24.04.2021

Об авторах

Комаров Сергей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>
ResearcherID: AAS-4823-2021

Лумпова Мария Анатольевна

аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

About the authors

Sergey V. Komarov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: philos.perm@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7358-6151>
ResearcherID: AAS-4823-2021

Maria A. Lumpova

Ph.D. Student of the Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: ma.lumpova@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9530-8179>
ResearcherID: AAS-4601-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Комаров С.В., Лумпова М.А. Неклассический субъект видения. Часть I // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 179–190. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-179-190

For citation:

Komarov S.V., Lumpova M.A. [Non-classical subject of vision. Part I]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 179–190 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-179-190

УДК 130.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201

ЧЕЛОВЕКОРАЗМЕРНЫЕ СИСТЕМЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА И РИСКИ РЕГРЕССА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Оконская Наталия Камильевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Внутских Александр Юрьевич

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь),

Пермский национальный исследовательский политехнический университет (Пермь)

Брылина Ирина Владимировна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет (Томск)

В условиях информатизации развитие человекообразных систем (например, систем типа «человек–техника») играет наиболее важную роль в дальнейшей эволюции общества. Однако рискогенный потенциал этих систем вследствие экспоненциально быстрого развития т.н. «опасного знания» значительно превышает риски социотехнических систем индустриального общества. С одной стороны, информационные технологии дают человеку невиданные до сих пор возможности творчества. С другой стороны, большинство людей пока используют их в качестве пассивных потребителей, готовых автоматизировать не только некоторые аспекты профессиональной деятельности, но и межличностные взаимодействия, осознаваемый компонент общественных отношений. Но это означает, что мы теряем осознанность индивидуальной жизни и общественных процессов, мы все меньше готовы к рефлексивным усилиям. Это приводит к «виртуальной объективации» человека, потере его идентичности, сводит его к состоянию элемента сетевого механизма, не желающего и не способного глубоко осознавать, осмысливать общественные отношения. «Искусственная виртуальность» вытесняет «естественную виртуальность» индивидуального и общественного сознания. И поскольку информационные технологии в современных социокультурных условиях могут разрушать саму способность человека к такому осознанию, авторы рассматривают знание, связанное с информационными технологиями, как потенциально «опасное». В качестве ответа на этот вызов авторы видят, во-первых, развитие научной концепции сознания как существенно автономного и не сводимого к его материальным основам. Во-вторых, они полагают, что необходимо развитие образования в направлении технологий «письма и мышления», которые формируют компетенции рефлексивного, критического и системного мышления.

Ключевые слова: информатизация, сознание, «опасное знание», «виртуальная объективация».

HUMAN-DIMENSION SYSTEMS OF INFORMATION SOCIETY AND RISKS OF SOCIAL RELATIONS REGRESS

Natalia K. Okonskaya

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Alexander Yu. Vnutskikh

Perm State University (Perm),

Perm National Research Polytechnic University (Perm)

Irina V. Brylina

Tomsk Polytechnic University (Tomsk)

The development of human-dimension systems (e.g. «human–technique»systems) is supposed to play the most important role in the further evolution of society in the context of informatization. However, the risk-generating potential of these systems significantly exceeds the risks of socio-technical systems characteristic of industrial society due to the exponentially rapid development of so-called «dangerous knowledge». On the one hand, information technologies offer unprecedented opportunities for human creativity. On the other hand, a significant majority of people still use them as passive consumers. They are ready to automate not only some aspects of professional activity but also interpersonal interactions, i.e. a conscious component of social relations. This means that we are losing consciousness of individual life and social processes. We are less and less willing to make reflexive efforts. This leads to a «virtual objectification» of person, a loss of identity, reduces person to the state of an element of the network mechanism, unwilling and unable to deeply understand and comprehend social relations. «Artificial virtuality» displaces the «natural virtuality» of individual and social consciousness. Since in the current sociocultural context, information technology can destroy a person's capacity for such understanding and comprehension, we consider knowledge associated with information technology to be potentially «dangerous». We see a response to this challenge in the following. Firstly, it is necessary to develop a scientific concept of consciousness as essentially autonomous and not reducible to its material foundations. Secondly, education should be developed in the direction of «Writing and Thinking» technology, which forms the competence of reflective, critical and systematic thinking.

Keywords: informatization, consciousness, «dangerous knowledge», «virtual objectification».

Постановка проблемы

Человекоразмерность искусственной среды информационного общества существенно отличается от таковой индустриального периода его развития — даже относительно общества образца 1970-х гг. Сегодня ведущими оказываются компьютерные системы коммуникаций, соединенные с индивидами связями, роль субъективного принятия или непринятия которых и степень включения человека в них становятся все более важными. Это означает увеличение значения субъекта в целом. Очевидно, что вследствие обострения глобальных проблем современности и турбулентности актуального этапа общественного развития (характеризуемого такими концептами, как «общество риска», VUCA-реальность) социальные субъекты должны сознательно контролировать меру ожидаемого результата использования вещной среды для достижения своих целей, а при необходимости — для корректировки этих целей. Однако в условиях развития электронной культуры такой контроль все чаще заменяется бездумным использованием техноконтехнологической, коммуникативной и других функций «второй природы» и, — фактически, десубъективацией человека.

Эти процессы актуальны уже сегодня. Все мы ощущаем нарастающую степень автоматизации профессиональных практик и практик межличностного общения, повышение роли шаблонов в социальной адаптации, навязываемых ростом глобальной конкуренции и все более узкой специализацией труда. По мнению авторов, необходимо пристальнее взглянуть на все более многочисленные факты *неосознанности человеческой деятельности*, на деформации сознания человека, который в этих условиях утрачивает интерес к смысловому и ценностному поиску, к поиску обоснований и доказательств.

Действительно, контролирующая роль субъекта базируется на его сознательных практиках, на ценностных и знаниевых ориентациях, обосновывающих существенную автономию сознания. Можно было бы надеяться, что научная картина мира сможет фундировать эту автономию. Однако в результате «расслоения» современной научной методологии изучения сознания оно все чаще понимается вульгарноматериалистически, через сведение сознания к процессам нейронной активности мозга человека (и животных) или через отождествление сознания с современной формой искусственного интеллекта. Все более широкое практическое использование специфических данных о работе

мозга также все чаще становится основанием для вульгарно-материалистических трактовок сознания. Взять, к примеру, биологическую обратную связь (БОС-терапия) — метод, заключающийся в измерении, визуализации и обучении произвольному изменению, корректировке физиологических параметров организма. Подобные практики подводят ученых и общественность к вульгарному материализму в трактовке сознания, поскольку манипуляции с мозгом, приводящие к изменению сознания, как будто убеждают в том, что именно «мозг мыслит», а то обстоятельство, что имеет место активное, осознанное участие человека как социального существа в коррекции своего состояния, — недооценивается.

Однако следует признать критическое состояние самой современной философии. Замена человеческих по содержанию социальных связей на суррогаты, являющиеся результатами технизации коммуникативных практик, значительно ослабляет ее влияние, приводя не только к падению внешнего авторитета философских наук у широкой общественности, в образовании и научной среде, но и к пересмотру внутрифилософских парадигм сознания, познания, теории истины. Дело в том, что в философской картине мира до сих пор отсутствует общепринятая теория происхождения и сущности сознания. В современных условиях умение философии задавать вопросы блекнет перед упомянутой способностью частных наук давать ответы — хотя бы излишне поверхностные и редукционистские. Однако эти ответы на первый взгляд коррелируют с технизирующей социальной реальностью. Соответственно, эпистемология и гносеология как философское знание вытесняются, в частности, когнитивистикой [Юлина Н.С., 2015].

Сам по себе перечень объяснительных стратегий для решения психофизиологической проблемы («биологический натурализм», «квантовые подходы», «репрезентационизм», «супервентный физикализм», «интеракционистский дуализм» и пр.) означает для философии потерю автономного статуса в культуре. По словам Н.С. Юлиной, «...за скобки выводятся онтологические вопросы, относящиеся к природе сознания, и принимается методологическая посылка, что человек есть зомби. ... Люди питаются ложными представлениями о своей созна-

тельной деятельности: одни полагают, что наше мышление есть продукт особого “тайного огня” — сознания, другие связывают мышление исключительно с нейрофизиологическими процессами мозга» [Юлина Н.С., 2015, с. 78–79]. Функциональный подход к природе сознания приводит не только к трансформациям понимания проблем идеальности [Дубровский Д.И., 2011], но и к прямым деформациям осознаваемых социальных практик, их упомянутой автоматизации, что потенциально гораздо опаснее, чем теоретические кризисы философии и частных наук. Искусственная виртуальность, в которую погружается современный субъект, разрушает сознательный критический подход, «влечет подмену объективных критериев реальности критериями “правильного” исполнения роли, всевозможными суггестивными клише» [Дубровский Д.И., 2011, с. 63].

Фактически не разобравшись, кто есть человек, почему в современном обществе в столь малой степени реализуется его потенциал, и в чем состоят действительные причины кризисного состояния человеческой сущности, мы в принципе готовы с легкостью отказаться от человеческого в себе как от «недостаточно эффективного». Как пишет В.А. Лекторский, «появляются и начинают осуществляться опирающиеся на научное знание проекты переделки человеческой телесности и психики (и связанные с этим идеи “пост-человека” и “трансгуманизма”)». С помощью науки привычный “жизненный мир” взламывается и даже взрывается» [Лекторский В.А., 2011, с. 6]. Возникает опасное представление о том, что с помощью современной технонауки человек может и должен выйти за пределы природных ограничений и создавать такие формы, которые ни в природе, ни в обществе стихийно возникнуть не могут [Лекторский В.А., 2011, с. 7]. А это переворачивает критерий истины: от принципа соответствия знаний объекту происходит переход к принципу соответствия нового человека размерного объекта знаниям о нем совокупного субъекта [Касавин И.Т., 2011, с. 41–46; Оконская Н.К. и др., 2016], который с точки зрения человеческой автономности становится субъектом все в меньшей степени.

Все сказанное заставляет нас обратиться к концепции «опасного знания» [Калинина Н.А., 2012]. К его проявлениям относятся научные

концепции, которые несут существенные социальные риски, в т.ч. имеющие необратимый характер; опасное знание связано с рисками непреднамеренных техногенных катастроф, с созданием технологий массового уничтожения, с юридически не санкционированным использованием технологий и т.д. [Бельков О.А., Мирошниченко В.М., 2008]. Если обобщить, то к опасной составляющей любого знания следует отнести все чреватые катастрофическими сценариями ошибки разработчика технологий и их пользователя, массового потребителя. И, на наш взгляд, экспоненциально быстро развивающаяся информатизация общественных отношений способствует тому, что сегодня *мир знаний*, созданный человеком, дополняет собой три «привычных» (но не становящихся от того менее катастрофичными) глобальных источника опасностей: природу, человеческое общество и созданную им «вторую природу» — мир техники и технологий.

Бесконтрольное развитие опасного знания приводит к превращению единичных рисков к глобальной рискогенности инноваций, к формированию «общества риска». Общество всегда противостояло природе, однако риски информационного общества задают новую меру разрушительных сил, направленных и против природы, и против человека: «современные риски не имеют конкретного виновника; в таком обществе каждый является причиной и следствием возникновения рисков (риски коллективной безответственности)» [Соколов Ю.И., 2016, с. 8].

Под ударом опасного знания оказываются окружающая природная среда, сам человек, теряющий свою идентичность вследствие вытеснения ценностно-ориентированных, осознаваемых в человеческом смысле практик целерациональными действиями, когда любая «высокая» цель может быть незаметно превращена в средство адаптации к актуальной ситуации, которую иначе как ситуацией кризиса не назовешь. «В этих условиях и существование человека становится все более рискогенным. Современный человек не только попадает в ситуации риска, но и сам их провоцирует и создает, пытаясь выжить» [Соколов Ю.И., 2016, с. 14].

В свете сказанного проблема нашего исследования может быть сформулирована следующим образом: можно ли действительно считать информатизацию общественных отношений

новым источником опасного знания и, если да, — какими могут быть способы осознания этой опасности и снижения связанных с ней рисков?

Результаты и обсуждение

Хотелось бы в первую очередь отклонить возможные упреки в технофобии. Авторы согласны, что научно-технический прогресс остановить невозможно и он может нести благо (в соответствующих социокультурных условиях его реализации). Однако необходимо сделать все возможное для осознания его возможных негативных последствий, которые также (как реальные возможности) есть определенная форма бытия. Опасное знание и воплощающие его технологии, как отмечалось выше, создает множество угроз. Но, вероятно, главную опасность могут представлять именно то знание и те технологии, которые *разрушают саму способность человека к такого рода осознанию*, к критическому мышлению в отношении потенциально опасного знания. К их числу, на наш взгляд, можно отнести и знание, связанное с информационными технологиями. Подчеркнем еще раз — это знание и эти технологии амбивалентны; их использование зависит от человека, общества. Например, именно они дают невиданные до сих пор возможности для творчества. Однако фактом является то, что в современной социокультурной ситуации что-то подталкивает большинство людей использовать эти технологии диаметрально противоположным образом, предпочитая путь *«виртуальной объективации»*, при которой человек «омасовляется», стандартизируется, становится частью единого сетевого механизма [Бытие в мире электронной культуры, 2020, с. 27]. И в этом состоит их экзистенциальный вызов человеку, человеческому в нас. Все ли смогут принять этот вызов и адекватно ответить на него?

В этой связи показательна ситуация с молодыми поколениями. Новый порядок — порядок технический — имитирует функции социального института, но под воздействием его в сознании новых поколений образовались огромные пустоты и огромные различия вследствие радикального обновления техники и технологии: компьютеризации, роботизации, цифровизации. Молодые люди легко включаются в интеллектуальную игру овладения машинным алгоритмом. Однако их собственное мышление при

этом рискует быть унифицированным до машинного кода. Только *свободный* субъект стремится упорядочить новое разнообразие, «включая его в собственную структуру и постоянно преобразуя тем самым собственную модель мира — алгоритмы реакций на последующее воздействия» [Назаретян А.П., 1983, с. 143]. Однако достижение свободы субъектом — сложная социальная практика, структурируемая взаимодействием *реальных социальных институтов*, — к примеру, образования, политики и экономики. В условиях информатизации и компьютеризации «прогрессивное изменение института образования определяется активизацией воспитательных функций образования для встраивания фундаментальных общечеловеческих компетенций (коммуникативности, креативности и обучаемости как способности понимать, критически оценивать и практически использовать новую информацию) в профессиональную структуру общественного разделения труда» [Оконская Н.К., Ермаков М.А., 2016, с. 26]. Однако не следует упускать из виду и противоположный сценарий «обработки людей людьми» [Marx K., Engels F., 1976], когда в условиях классового антагонизма происходит навязывание большим социальным группам чуждых им интересов в форме их «собственных». И в этих противоречивых условиях наблюдается разрушение субъекта, которое выражается не только в «тепловой смерти чувств», но и в необратимой потере способностей к пониманию ситуации и контролю над ней.

Из факторов самоидентификации человека уходит система ценностей, умение и желание их отстаивать для сохранения идентичности. Ролевое смешение, чрезмерно завышенные или, напротив, необоснованно заниженные требования к себе и к окружающим, конфликтность, приходя взамен идентичности, являются показателями духовного отчуждения человека от самого себя. Помимо прямого разрушения (техногенные катастрофы, экологические и военные кризисы, другие катаклизмы) человек оказывается в ловушке потери своей устойчивости в ситуациях преобладающей сложности технических компонентов овеществленного труда и коммуникаций. Значительный риск-потенциал содержится не столько в переоценке системы ценностей, сколько в потере ею своей естественной функции — выступать в

качестве важнейшего регулятора социальных отношений. Феномены, доказывающие потерю регуляторных функций духовности, ценностных ориентаций, участвующих в информационных процессах субъектов, — это эмоциональная ущербность, разрушение моральных обязательств в коммуникативной и трудовой практике в связи с возрастающим индивидуализмом, а также кризис семьи, рост преступности, другие девиации. Как пишет признанный теоретик Ф. Фукуяма, «по мере того как люди освобождаются от традиционных связей ... общение по выбору ... рождает в них чувство одиночества и дезориентации, тоски... То общество, которое не хочет “никаких пределов” для своих технологических инноваций, сталкивается с этим же самым “никаких пределов” и для многих форм индивидуального поведения, с ростом преступности, с распадом семей, с пренебрежением людей родительскими обязанностями, с отчуждением соседей, с отказом граждан от участия в общественной жизни» [Фукуяма Ф., 2003, с. 28].

Чувство одиночества, отсутствие доверия и инициативной практики ведет к дезориентации значительной части общества, усугубляя риски социального развития. Если общественные институты не изменяют акцента своих управляющих воздействий с технико-технологического фактора (овеществленный труд) на подлинно человеческий, включая и уровень культурно-моральной полноценности личности, — то *регресс общественных отношений, связанный с вытеснением человеческого компонента из современных человекообразных систем и их все меньшей осознаваемостью, может оказаться неизбежным*, и этот вывод подтверждается не только в рамках философской картины мира. Знаком регресса становится смена эмоционального фона общественного сознания с оптимистичного на крайне пессимистичный, что также негативно сказывается на ходе коммуникаций и взаимопониманиях в социуме. Радость уходит, человек погружается в бездну безынициативности либо в бездну яростных и бессмысленных (ввиду отсутствия конструктивной программы) атак на окружение, существующие социальные институты — а иногда и на самого себя — в попытке отыскать «виновных» в ситуации. Такое умонастроение по-своему свидетельствует о десубъективации современного человека, по-

сколькx именно «оптимизм — это мировоззрение, которое имеет целью преобразовать жизнь человека и развить его способности самому влиять на обстоятельства своей жизни ... по пути самосовершенствования» [Андреева Ю.В., 2020, с. 43].

Технизация, понимаемая как сущностная способность человека, «выход из потаенности», является объективно необходимым процессом. Однако объективные системы, не вполне осознанные с точки зрения их закономерностей, обнаруживают тенденцию разрушать автономность социальной системы, несмотря на ее превосходящую сложность. В этом случае человек оказывается в полной зависимости от технических компонентов труда — и в деятельности, и в коммуникации, и в мышлении (через специализацию и инструментализацию общественного сознания). Отчуждение от других и от самого себя усиливает и ужесточает объективные процессы социальных антагонизмов, ведущие к разрушению целостности личности и потере социальной стабильности всех субъектов участия: от всего человечества, гражданского общества до институциональных и индивидуальных субъектов.

Большинство людей сохраняют «позаимствованную из XIX века старомодную уверенность в том, что машина поможет человеку облегчить тяготы жизни, что она останется средством достижения целей. Они не видят опасности того, что если позволить технологии следовать своей собственной логике, она разрастется как раковая опухоль, угрожающая в конечном счете сложившейся системе индивидуальной и социальной жизни» [Фромм Э., 2004, с. 21]. Человек вынужден вступать в конкуренцию с техникой, технологией — но на фоне этой конкуренции он и сам вынужденно становится «машиноподобным» (ведь в производственном и организационном процессе машине нужно соответствовать), духовно умаляя человеческие качества и таким образом дискредитируя свои собственно человеческие качества и способности — дискредитируя самого себя и перспективы собственного развития. Разрушаемая самооценка ведет к дальнейшей деградации человека в его коммуникативных взаимодействиях. Мы называем такую ситуацию одним из проявлений неподлинного существования. В условиях неподлинности, как считает М. Хайдеггер,

именно человек, превращенный в «свое иное», оказывается «выдан» технике, «затребован» ею [Хайдеггер М., 1993].

Только благодаря сохранению и развитию своего человеческого содержания субъект может использовать НБИК технологии, ИИ и другие информационные объекты безопасным для себя образом, без превращения самого себя «в иное» техники и технологии. В условиях же описанной деградации субъекта *искусственная виртуальность* становится вполне конкурентоспособной в своем противостоянии естественной *виртуальности* духовно развитого человека. Главным критерием потери духовности мы видим обобщающий критерий, найденный философом-гуманистом Эрихом Фроммом: «тенденция к возведению технического прогресса в высшую ценность связана ... с глубокой эмоциональной привязанностью ко всему механическому, неживому, изготовленному человеком» [Фромм Э., 2004, с. 73]. Встраиваясь в технологические сложные системы, человек оказывается превращенным в технический элемент, лишенным своего главного преимущества: духовного мира, сознания, дающего возможность не только знать, но и понимать. Не рефлекслируемая в этой связи волна, затопившая через технизацию человечество вместе со всеми его прежними достижениями, — это волна кибернетической компьютерной виртуальности, напрямую связанная с потоком опасного знания, с потерей идентичности человека, а косвенно — со взрывоподобным увеличением рискогенности технических достижений человечества.

На фоне кажущегося благополучия компьютерное время, «украденное» у субъективной реальности, имплицитно несет в себе мир не подвластных человеку изменений, разрушающих как собственно человеческое в нем, так и *его биологическую основу*. «Врачи в Южной Корее, высокоразвитой индустриальной стране, которая является мировым лидером в области информационных технологий, отметили у молодых взрослых людей участвовавшие случаи нарушения памяти и способности к концентрации, рассеянность внимания, а также явное снижение глубины эмоций и общее притупление чувств. Описанные симптомы позволили врачам выявить новое заболевание — цифровое слабоумие» [Шпитцер М., 2014, с. 8]. «В 2007

году специалисты стали отмечать, что все больше подростков, представителей цифрового поколения, страдают потерей памяти, расстройством внимания, когнитивными нарушениями, подавленностью и депрессией, низким уровнем самоконтроля. Исследование показало, что в мозгу этих пациентов наблюдаются изменения, схожие с теми, что появляются после черепно-мозговой травмы или на ранней стадии деменции — слабоумия, которое обычно развивается в старческом возрасте» [Стрельникова Л.Н., 2014, с. 42]. Эти фактические подтверждения массовой рискогенности современного способа применения информационных технологий отражают еще и вторичную индуцируемую быстрым развитием глобализации опасность происходящих изменений ситуации в т.н. обществе знания.

«Сказать, что дети стали умнее благодаря Интернету, нельзя. Нынешние одиннадцатилетние выполняют задания на уровне восьми- или девятилетних 30 лет назад» [Стрельникова Л.Н., 2014, с. 46]. Нельзя также утверждать, что дети стали креативнее или более эффективно действующими в условиях многозадачности. Система образования все чаще приучает детей искать ответы, не ставя вопросов. Но опасность знания, ориентированного исключительно на инструментальность его применения, скрыта как от индивидуальных субъектов, так и от ведущего института познания — от науки, которая, как отмечалось выше, в современных условиях оказывается лишенной связи с философской методологией. Последние исследования российских психологов и американских социологов подтверждают эти опасные тенденции [Твенге Дж.М., 2019; Коптева Н.В., 2020].

Разумеется, возникает вопрос — что делать для избежания риска деградации общественных отношений, трансформирующихся в силу элиминации человеческого компонента из социотехнических систем, рефлексии в отношении их развития? «По сути, техническое переоборудование производства нацелено на блокирование хаотизирующего ... воздействия субъекта производства, и свободный выбор самого человека — главного участника технологизированных процессов — оказывается подчиненным служению порядку, строгой кнопочно-конвейерной ритмике, уравнивающей живое и мертвое, здоровое и заболевшее, быстрое и

медленное» [Оконская Н.К., Агапитова Л.В., 2014, с. 117]; «встраивание человека в информационное пространство меняет его идентичность, превращая в объект, элемент искусственного мира» [Бурова М.Л., 2014, с. 32]. Очевидно, что «отменить» информатизацию невозможно, однако ее необходимо сбалансировать *направив все усилия на формирование, сохранение и развитие автономности человеческих субъектов, социальных институтов для сохранения человеческого компонента современных общественных отношений и человеко-размерных систем.*

С точки зрения конкретно-научного подхода (неклассической термодинамики) суть управляющего воздействия для обеспечения этого желаемого результата состоит в сохранении *устойчивого неравновесия* через определенную «энтропизацию» окружающей среды [Дружинин В.В., Конторов Д.С., 1976; Назаретян А.П., 1983]. С точки зрения формирования когнитивных способностей человека особое внимание следует обратить, во-первых, на феномен неявного знания: «когнитивные стратегии управления формируются посредством использования массивов *неявного знания* (курсив наш. — Н.О., А.В., И.Б.). Это знание неформализуемо, — каналом его пополнения и распределения является межличностное взаимодействие» [Brylina I.V. et al., 2020, p. 643], основанное на индивидуальном сознании, на субъектности и ценностях людей.

Во-вторых, в современном обществе, в отличие от традиционного, самоидентификация каждого человека является рефлексивной. И если навык рефлексивности ограничен (технизацией, информационными рамками или сферой обыденного сознания), то личность может отчуждать свою идентичность даже в благоприятных социально-экономических условиях, не имея социальных практик контроля и ограничения темпов развития новой виртуальной реальности. Выход видится в опережающем развитии самостоятельного критического мышления, которое в последние годы становится все более востребованным [Полянина О.И. и др., 2018].

Заключение

Исследуемые проблемы, будучи следствиями одной и той же тенденции вытеснения есте-

ственной виртуальности человеческого сознания информационными технологиями в современных человекомерных системах, маркируют область возможного изменения степени рискогенности общественного развития. Все векторы познавательной и практической активности субъектов необходимо скорректировать в сторону усиления роли сознания, полноценной рефлексии, критического мышления. Этот проект можно обозначить как *развитие и применение социогуманитарных технологий*, дополняющих конвергентные NBIC-технологии, превращения их в полноценные NBICS-технологии. Ядром же этой надстройки должна стать новая форма *философии сознания и философии образования*, поскольку слабость понимания происхождения и сущности сознания связана с опасным незнанием последствий ослабления индивидуального сознания среднестатистического пользователя Интернета и современных форм искусственного интеллекта. Являясь самым ценным стратегическим ресурсом, знание человека и человеческое понимание обнаруживают свою ценность в условиях целенаправленного управления его интеллектуальными ресурсами и способностями. Ориентир на работу с сознанием всех социальных субъектов может гармонично включиться в структуру NBICS-технологий [Дубровский Д.И., 2011, с. 61, 71].

Мы полагаем эту область социальной действительности *главной областью контроля за рискогенностью развития информационных технологий*, а также инструментом снижения опасности соответствующего знания. Только работа с сознанием, приводящая к пониманию значения истины, правды, подлинности, веры, оптимизма взамен правдоподобия объективных показателей искусственной виртуальности, может способствовать восстановлению ценностной составляющей коммуникаций субъектов, восстановить их человеческую идентичность, их субъектность как таковую — и тем самым избежать риска деградации общественных отношений. Отметим, что эта работа сможет быть эффективной только при серьезном изменении социальных институтов (в первую очередь — института начальной, средней и высшей школы) и экономических отношений, поскольку именно они в своей современной форме способствуют реализации варианта «человек-потребитель для информатизации»; желатель-

ным же является вариант «информатизация для человека-творца». В свою очередь, такое восстановление функционала ценностных систем должно привести к восстановлению практик смыслополагания, вытесняемых сегодня практикой поиска средств для достижения целей без глубокой рефлексии в отношении того, *насколько человеческими являются эти цели и эти средства*.

Список литературы

Андреева Ю.В. Философская концепция оптимизма М. Зелигмана как перспектива модернизации педагогики успеха // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2020. № 3(29). С. 36–44.

Бельков О.А., Мирошниченко В.М. Опасность как социальное явление и научное понятие // Проблемы безопасности: электронный научный журнал. Т. 1, № 1. URL: [http://www.nic-nauka.ru/materia\(lfnf](http://www.nic-nauka.ru/materia(lfnf) (дата обращения: 20.01.2021).

Бурова М.Л. Идентичность и идентификация в условиях информационного общества // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 5(43), ч. II. С. 32–37.

«Бытие-в-мире» электронной культуры / под общ. ред. Л.В. Бажовой / Астрах. гос. ун-т. СПб.: Реноме, 2020. 192 с.

Дружинин В.В., Конторов Д.С. Проблемы системологии. Проблемы теории сложных систем. М.: Сов. радио, 1976. 296 с.

Дубровский Д.И. Некоторые соображения об актуальных проблемах современной эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 52–71.

Калинина Н.А. Феномен опасного знания в обществе риска // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4(18), ч. II. С. 93–96.

Касавин И.Т. Социальная эпистемология и проблемы истины // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 35–51.

Контева Н.В. Психологические последствия использования информационных технологий в связи с онтологической уверенностью и воплощенностью «Я» (на материале исследования студентов гуманитарного профиля) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2020. Вып. 1. С. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-92-105>

Лекторский В.А. Когнитивная наука как вызов эпистемологии // Эпистемология: новые горизонты: сб. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2011. С. 5–34.

Назаретян А.П. Системное представление информационных процессов и интеграция наук // Философско-методологические основания системных исследований. Системный анализ и системное моделирование: сб.. М.: Наука, 1983. С. 130–155.

Оконская Н.К., Агапитова Л.В. Образовательные свай в технический фундамент будущего // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 10(48), ч. 1. С. 117–119.

Оконская Н.К., Ермаков М.А. Образование как ключевой фактор социальной дифференциации в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 1(11). С. 26–38.

Оконская Н.К., Ермаков М.А., Резник О.А. Специфика методологии мышления в информационном обществе // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2016. № 4(14). С. 14–23.

Полянина О.И., Балева М.В., Шевкова Е.В. Семантическая оценка смысловой динамики учебного пространства ВУЗа в процессе обучения критическому мышлению по модели свободных искусств и наук // Психологическая наука и образование. 2018. Т. 23, № 4. С. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230404>

Соколов Ю.И. Проблемы рисков современного общества // Проблемы анализа риска. 2016. Т. 13, № 2. С. 6–23.

Стрельникова Л.Н. Цифровое слабоумие // Химия и жизнь. 2014. № 12. С. 42–47.

Твенге Дж.М. Поколение I. М.: Рипол Классик, 2019. 406 с.

Фромм Э. Душа человека. М.: АСТ; ООО «Транзиткнига», 2004. 572 с.

Фукуяма Ф. Великий разрыв. М.: АСТ, 2003. 476 с.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Шпитцер М. Антимозг. Цифровые технологии и мозг. М.: АСТ, 2014. 288 с.

Юлина Н.С. Очерки по современной философии сознания. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2015. 408 с.

Brylina I.V., Okonskaya N.K., Turchevskaya B.K., Emelyanenko E.E. Role of cognitive technologies in

innovative management strategies // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS. Krasnoyarsk, 2020. Vol. 90. P. 641–646. URL: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10005/11396/article_10005_11396_pdf_100.pdf (accessed: 24.02.2021). DOI:

<https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.74>

Marx K., Engels F. The German Ideology. Moscow: Progress Publ., 1976. 707 p.

Получена: 01.05.2021. Принята к публикации: 02.06.2021

References

Andreeva, Yu.V. (2020) [M. Seligman's philosophical concept of optimism as a prospect for the modernization of success pedagogy]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 3(29), pp. 36–44.

Baeva, L.V. (ed.) (2020). *«Bytie-v-mire» elektronnoy kul'tury* [«Being-in-the-World» of electronic culture]. Saint Petersburg: Renome Publ., 192 p.

Bel'kov, O.A. and Miroshnichenko V.M. (2008). [Danger as a social phenomenon and a scientific concept]. *Problemy bezopasnosti: elektronnyy nauchnyy zhurnal* [Security Issues: electronic scientific journal]. Vol. 1, no. 1. Available at: <http://www.nic-nauka.ru/materia/lnfnf> (accessed 20.01.2021).

Brylina, I.V., Okonskaya, N.K., Turchevskaya, B.K. and Emelyanenko, E.E. (2020). Role of cognitive technologies in innovative management strategies. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS*. Krasnoyarsk, vol. 90, pp. 641–646. Available at: https://www.europeanproceedings.com/files/data/article/10005/11396/article_10005_11396_pdf_100.pdf (accessed 24.02.2021). DOI: <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.10.03.74>

Burova, M.L. (2014). [Identity and identification under conditions of informational society]. *Istoriicheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 5(43), pt. 2, pp. 32–37.

Druzhinin, V.V. and Kontorov, D.S. (1976). *Problemy sistemologii. Problemy teorii slozhnykh sistem* [Problems of sistemology. Problems of complex systems theory]. Moscow: Sovetskoe Radio Publ., 296 p.

- Dubrovskiy, D.I. (2011). [Some thoughts on the current problems of modern epistemology]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., pp. 52–71.
- Fromm, E. (2004). *Dusha cheloveka* [The heart of man]. Moscow: AST Publ., Tranzitkniga Publ., 572 p.
- Fukuyama, F. (2003). *Velikiy razryv* [The great disruption]. Moscow: AST Publ., 476 p.
- Heidegger, M. (1993). [The question concerning technology]. *Vremya i bytie* [Time and being]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238.
- Kalinina, N.A. (2012). [The phenomenon of dangerous knowledge in a society of risk]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. № 4(18), pt. 2, pp. 93–96.
- Kasavin, I.T. (2011). [Social epistemology and the problems of truth]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., pp. 35–51.
- Kopteva, N.V. (2020). Psychological effects of information technology use in relation to ontological security and embodied self (based on the study of undergraduates of humanitarian faculties). *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psikhologia. Sotsiologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 1, pp. 92–105. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2020-1-92-105>
- Lektorskiy, V.A. (2011). [Cognitive science as a challenge to epistemology]. *Epistemologiya: novye gorizonty* [Epistemology: new horizons]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., pp. 5–34.
- Marx, K. and Engels, F. (1976). The German ideology. Moscow: Progress Publ. 707 p.
- Nazaretyan, A.P. (1983). [Systemic representation of information processes and integration of sciences]. *Filosofsko-metodologicheskie osnovaniya sistemnykh issledovaniy. Sistemniy analiz i sistemnoe modelirovaniye* [Philosophical and methodological foundations of systems research. A systems analysis and systems modeling]. Moscow: Nauka Publ., pp. 130–155.
- Okonskaya, N.K and Agapitova, L.V. (2014). [Educational poling in technological foundation of future]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 10(48), pt. 1, pp. 117–119.
- Okonskaya, N.K and Ermakov, M.A. (2016). [Education as a key factor of social differentiation in the Information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 1(11), pp. 26–38.
- Okonskaya, N.K., Ermakov, M.A. and Reznik, O.A. (2016). [Methodology of thinking specifics in the information society]. *Filosofiya i gumanitarnye nauki v informatsionnom obschestve* [Philosophy and Humanities in Information Society]. No. 4(14), pp. 14–23.
- Polyanina, O.I., Baleva, M.V. and Shevkova, E.V. (2018). [Evaluation of the semantic dynamics of educational space of university in the process of nurturing critical thinking in students of liberal arts and sciences programme]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. Vol. 23, no. 4, pp. 41–51. DOI: <https://doi.org/10.17759/pse.2018230404>
- Sokolov, Yu.I. (2016). [Problems of the risks of modern society]. *Problemy analiza riska* [Issues of Risk Analysis]. Vol. 13, no. 2, pp. 6–23.
- Spitzer, M. (2014). *Antimozg. Tsifrovye tekhnologii i mozg* [Digital technologies and brain]. Moscow: AST Publ., 288 p.
- Strel'nikova, L.N. (2014). [Digital dementia]. *Khimiya i Zhizn'* [Chemistry and Life]. No. 12, pp. 42–47.
- Twenge, J.M. (2019). *Pokolenie I* [IGen]. Moscow: Ripol Klassik Publ., 406 p.
- Yulina, N.S. (2015). *Ocherki po sovremennoy filosofii soznaniya* [Essays on contemporary philosophy of consciousness]. Moscow: Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., 408 p.

Received: 01.05.2021. Accepted: 02.06.2021

Об авторах

Оконская Наталия Камильевна

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Внутских Александр Юрьевич

доктор философских наук, доцент

профессор кафедры философии,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;

профессор кафедры философии и права,
Пермский национальный исследовательский поли-
технический университет,
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

Брылина Ирина Владимировна

доктор философских наук,
доцент Отделения социально-гуманитарных наук
школы базовой инженерной подготовки

Национальный исследовательский
Томский политехнический университет,
634050, Томск, пр. Ленина, 30;
e-mail: ibrylina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>
ResearcherID: E-1609-2018

About the authors

Natalia K. Okonskaya

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: nataokonskaya@rambler.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6052-5827>
ResearcherID: AAS-2052-2021

Alexander Yu. Vnutskikh

Doctor of Philosophy, Docent

Professor of the Department of Philosophy,
Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;

Professor of the Department of Philosophy and Law,
Perm National Research Polytechnic University,
29, Komsomolskiy av., Perm, 614990, Russia;
e-mail: avnut@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4162-1033>
ResearcherID: R-3075-2017

Irina V. Brylina

Doctor of Philosophy, Associate Professor
of Department of Social Sciences and Humanities
of the School of Basic Engineering

Tomsk Polytechnic University,
30, Lenin av., Tomsk, 634050, Russia;
e-mail: ibrylina@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8947-9916>
ResearcherID: E-1609-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Оконская Н.К., Внутских А.Ю., Брылина И.В. Человекоразмерные системы информационного общества и риски регресса общественных отношений // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 191–201. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201

For citation:

Okonskaya N.K., Vnutskikh A.Yu., Brylina I.V. [Human-dimension systems of information society and risks of social relations regress]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 191–201 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-191-201

УДК 316.4/6

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211

ПРИВАТНОСТЬ И ПУБЛИЧНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНО-ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ КАТЕГОРИИ

*Чеснокова Леся Владимировна**Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)*

В последние десятилетия в исследовательских стратегиях по отношению к изучению пространства произошли изменения. Если ранее оно воспринималось как неподвижный «контейнер», вместилище для людей и предметов, никак не влияющее на общественные процессы, то сейчас признаются реципрокные отношения между пространством и социумом. Пространство влияет на поведение людей, и люди преобразуют его в соответствии с экономическими, политическими и культурными особенностями своей эпохи. Тот же подход можно применить при изучении публичности и приватности. В качестве публичного пространства понимается по большей части среда, открытая для публики: улицы, парки и т.п., в то время как область приватного — это в первую очередь жилье как место семейной жизни. Будучи социокультурными конструктами, публичное и приватное пространства не являются изначально заданными. В европейских обществах Нового времени в связи с процессами урбанизации и индивидуализации постепенно растет потребность в своем собственном, закрытом от посторонних, помещении. Нахождение в публичном или приватном пространстве влияет на поведение человека, который вынужден играть социальную роль на публике и может вести себя естественно в семейном кругу. Так, разделение публичного и приватного в XIX в. воспринимается как дихотомический образец социального порядка, считающегося естественным и данным от природы. Формируются строго разделенные гендерные роли, влияющие на нормы мужского и женского поведения. Мужчина должен проводить большую часть жизни вне дома, зарабатывая семье на существование. В обязанности женщины входит создание домашнего уюта и забота о детях. Однако в современном понимании социальные конструкты публичности и приватности не считаются «природными» или «естественными». Публичное и приватное пространства всегда заново конструируются в зависимости от социокультурных процессов и потому не имеют онтологически заданного характера.

Ключевые слова: социология пространства, пространственный поворот, производство пространства, приватное пространство, публичное пространство, локальная приватность, гендерные роли.

PRIVACY AND PUBLICITY AS SOCIO-SPATIAL CATEGORIES

*Lesya V. Chesnokova**Dostoevsky Omsk State University (Omsk)*

In recent decades, there have been changes in research strategies concerning the study of space. It used to be perceived as a motionless «container», a receptacle for people and objects that does not affect social processes in any way, but now reciprocal relations between space and society are recognized. Space affects human behavior, and people transform it in accordance with the economic, political and cultural characteristics of their era. The same approach can be applied to the study of publicity and privacy. The public space is generally understood as an environment open to the public: streets, parks, etc., while the private area is primarily a place of living, a place of family life. Being sociocultural constructs, public and private spaces are not originally specified. In European societies of the Modernity, due to the processes of urbanization and individualization, the need for one's own accommodation, closed from outsiders, is gradually increasing. Be-

ing in a public or private space affects the behavior of a person, who is forced to play a social role in public and can behave naturally in the family circle. The separation of the public and the private in the 19th century is perceived as a dichotomous example of the social order, considered to be natural. There are formed strictly differentiated gender roles that influence the norms of male and female behavior. A man should spend most of his life outside the home, earning money to maintain his family. It is a woman's responsibility to create home comfort and care for children. However, in the modern sense, social constructs of publicity and privacy are not considered «innate» or «natural». Public and private spaces always depend on sociocultural processes and therefore do not have an ontologically determined character.

Keywords: sociology of space, spatial turn, space production, private space, public space, local privacy, gender roles.

Введение

Вопросы изучения пространства в последнее время неизменно вызывают интерес представителей самых разных дисциплин: философии, социологии, культурологии, антропологии, архитектуры, урбанистики. По отношению к пространственной тематике в научных исследованиях происходят изменения, связанные с так называемым «пространственным поворотом». Все социальные и гуманитарные науки «так или иначе упираются в вопросы пространства, поля, пространственного воображения, топологию места, топологическую составляющую сообществ» [Макогон Т.И., 2012, с. 167].

Ранее пространство понималось как материальный феномен, некое место, локация, постоянная физико-географическая величина, существующая как бы независимо от человека и никак не влияющая на социальные процессы, и потому она оставалась вне поля зрения гуманитарных наук. Гораздо больший интерес у исследователей вызывала история как наука, связанная со временем, прогрессом, изучающая происходящие в жизни человека и общества изменения. Пространство же воспринималось как некий «контейнер», вместитель для всех материальных объектов. Предпосылки к новой концептуализации пространства появились в начале XX в., в особенности в связи с теорией относительности А. Эйнштейна. Постепенно приходит осознание, что пространство в социальных процессах производится и изменяется. Пространство понимается как продукт деятельности человека, результат материального освоения природы, место взаимодействия человека и общества.

Это ведет к признанию того, что восприятие пространства всегда формируется в результате социальных связей и отношений. Между пространством и обществом существуют реципрокные отношения: с одной стороны, «про-

странство не может быть определяемо как априорная природная данность, существующая независимо от социальных процессов, как физико-материальный “контейнер”: материальность пространства всегда существует в социальном контексте» [Ruhne R., 2011, S. 73]. С другой стороны, социальная данность может быть понята через ее материально-пространственные условия. В этом случае пространство берется не как независимое и абсолютное, а мыслится только по отношению к социальному миру как зависимое от людей и человеческих действий. Становится очевидным, что окружающий нас социальный мир также разделен и размечен на различные пространства. Иначе говоря, «физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация и натурализация прошлых и настоящих социальных отношений» [Бурдье П., 2007, с. 53].

История изучения пространства в социальных науках

Итак, пространственные структуры можно понимать и описывать как формы социальных структур. «Близость и удаленность, наличие или отсутствие своего места, идентификация местоположения человека или группы с малым или обширным пространством, пустота, нейтральность пространства и многое другое суть сугубо социальные определения» [Филиппов А.Ф., 2008, с. 116].

Сам термин «социология пространства» был предложен Г. Зиммелем, который в своих трудах задается вопросом о том, какое значение имеют пространственные порядки общества и как на его развитие влияют пространственные границы, близость и дистанция, а также соседские отношения. По его мнению, исторические формы общества существуют как так называемые «про-

странственные образования» в определенном месте: деревне, городе, регионе. Величина пространства и теснота отношений влияет на взаимоотношения людей. Небольшой населенный пункт, где все жители знали друг друга, «клат личности пределы, — ее передвижению и внешним сношениям, ее самостоятельности и внутренней дифференциации, — пределы, в которых современный человек задохнулся бы» [Зиммель Г., 2002, с. 8]. Чем меньше пространства, чем теснее взаимоотношения, тем ревностнее общество следит за мыслями, чувствами, поведением индивида. И, соответственно, чем больше это пространство, тем больше свободного пространства ему предоставляется.

Еще одним исследователем, внесшим значительный вклад в социальное изучение пространства, был А. Лефевр, написавший работу «Производство пространства» (1974). Он попытался преодолеть дуальность субъекта и объекта, духовного и материального, ментального и физического пространства. Центральный тезис А. Лефевра гласит, что пространство не является независимой материальной субстанцией, а представляет собой общественно-исторический продукт, который неразрывно связан с социальной реальностью. Социальное пространство генерируется на трех плоскостях: на физической, ментальной и социальной и производится через социальное и культурное действие. Общество создает и изменяет пространство. «Способ производства, наряду с некоторыми социальными отношениями, организует — производит собственное пространство» [Лефевр А., 2015, с. 14]. Лефевр пишет о социальной продуктивности пространства. Он полагает, что существуют пространственные элементы, влияющие на отношения в социуме. Развитие всех человеческих сообществ локализовано в том или ином месте с его природно-климатическими условиями. Не может быть внепространственных социальных отношений. Следовательно, невозможно научное изучение общества, не учитывающее пространственный компонент.

«Социальное пространство» является центральным термином и в трудах П. Бурдьё, задающим топологическую перспективу его исследованиям. Бурдьё понимает пространство как социально сконструированное и маркированное. Физическое пространство есть социальная конструкция и проекция социального пространства, объективация социальных отношений. Человек

представляет собой и биологическое, и социальное существо. Как физические тела и биологические индивиды люди перемещаются в определенном физическом пространстве, которое может быть помыслено как абсолютно (как часть территории, которую занимает субъект), так и относительно (с точки зрения его положения по отношению к другим социальным акторам и предметам). Если физическое пространство определяется как некая локализация, занимаемое место, то социальное пространство — как структура рядоположенности социальных позиций. «Социальные агенты помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами (выше, ниже, между и т.п.) и через дистанцию, отделяющую это место от других» [Бурдьё П., 2007, с. 50].

Физическое пространство, по Бурдьё, дополняется для анализа общества с помощью «социального пространства», которое образует «социальный мир» как структуру социальных позиций. Бурдьё понимает в смысле «социальной топологии» общество как систему положений, основывающихся на отношениях власти. Пространство понимается как силовое поле, в котором субъекты определяются на основании их позиции внутри этого пространства. Это «пространство отношений столь же реально, как географическое пространство, и перемещения внутри него оплачиваются работой, усилиями (идти снизу вверх — значит подниматься, карабкаться и нести на себе следы и отметины этих усилий)» [Бурдьё П., 2007, с. 18]. Поскольку общество имеет иерархическую структуру, все позиции в нем являются отражением иерархического порядка.

Положение агентов социального взаимодействия в пространстве зависит от их габитусов. Габитус определяется как «система схем восприятия и оценивания, как когнитивные и развивающие структуры, которые агенты получают в ходе их продолжительного опыта в какой-то позиции в социальном мире. Габитус есть одновременно система схем производства практик и система схем восприятия и оценивания практик» [Бурдьё П., 2007, с. 75]. Бурдьё полагает, что можно физически занимать некое пространство, но социально не соответствовать ему, если субъект не имеет определенного габитуса. Так, выходцы из низших слоев общества могут физиче-

ски находиться в дорогом районе, но их привычки, сформированные в процессе социализации, не дают возможности адекватного социального употребления этого места обитания.

Чувство положения, занимаемого в социальном пространстве, раскрывается через ощущение позиции, занятой в этой структуре, осознание социальных границ и социальной дистанции. Следовательно, социальное пространство — это место, где «власть утверждается и осуществляется, без сомнения, в самой хитроумной своей форме — как символическое или незамечаемое насилие: архитектурные пространства, чьи бессловесные приказы адресуются непосредственно к телу» [Бурдье П., 2007, с. 52]. В архитектурных пространствах воплощена символика власти.

Публичное и приватное пространства как продукты социокультурных процессов

Представления о реципрокных отношениях пространства и общества можно перенести на исследования публичного и приватного пространств. Публичность и приватность также не существуют сами по себе, а являются продуктами диалектически связанных между собой процессов, которые взаимно имплицитуют друг друга. К. Кекайс полагает, что эти пространства являются «продуктом общественного процесса и практик, а также результатом субъективного восприятия, стратегий приспособления, которые конституируются в действиях и переживаниях социальных акторов» [Kecskes C., 2017, S. 37].

В качестве публичного пространства понимается по большей части городское «внешнее» пространство: улицы, площади, парки и т.п., в то время как приватное пространство — это в первую очередь жилье как место семейной жизни. Публичная и приватная сфера разработана не только как теоретическая схема социального порядка и социальных отношений, но и материализуется конкретно в тесно связанном с этой дихотомией разделении публичного и приватного пространств, требующих своих собственных образцов поведения.

Исходя из предпосылки социальной сконструированности пространства, следует понимать приватное и публичное пространства не как нечто неизменное, неподвижное, данное от природы, а как результат социально-культурных процессов, т.е. в этом контексте следует применять не абсолютистский, а реляционный подход.

Не материальное пространство самостоятельно производит из себя публичность и приватность, а «социальная практика через атмосферу, дискурс, действие и т.п. наполняет его смыслом и значением» [Ruhne R., 2011, S. 94–95]. В свою очередь, материальное пространство, будучи или публичным, или приватным, воздействует на поведение человека.

Приватность и публичность следует рассматривать как социальные конструкты. Как пространство воздействует на социальные процессы и отношения, так и, наоборот, физические пространственные отношения не возникают сами по себе, а являются результатом социальных процессов и социальных практик. Нормативные образцы поведения играют значительную роль в создании пространства. В основе пространственных процессов лежит нормативная регуляция, т.е. связанные с поведением в том или ином обществе нормы, законы и ценности. Будучи подкрепленными потенциальными санкциями за их нарушение, социальные нормы регулируют желательное или запрещенное поведение субъекта в определенной ситуации. Нормы опираются на представления о ценностях, свойственных конкретной исторической эпохе.

Приватность вплетена в общественный нарратив и как продукт общественных процессов подвержена постоянным изменениям. Согласно определению Б. Рёслер, «приватным считается нечто, к чему можно самостоятельно контролировать доступ» [Rössler B., 2001, S. 23]. При этом это «нечто» можно понимать как физически конкретно, так и метафорически. Концепт приватности предполагает наличие как материальных, так и нематериальных границ между приватным и публичным пространствами и наделяет сферу приватного такими атрибутами, как безопасность, защищенность, уютомность и возможность уединения.

Как физическое, так и социальное пространство не может трактоваться как некий пассивный неподвижный фон, на котором происходит социальное взаимодействие. На пространство оказывают влияние процессы и события, происходящие в обществе, и само пространство влияет на социальное бытие. «Сущность социального пространства представлена характером социального взаимодействия. Оно продуцируется внутренними мирами взаимодействующих, являясь в то же время выражением социальной реальности, внешней по отношению к субъектам» [Ви-

ноградова Н.Л., 2005, с. 53]. Исходя из этих характеристик приватность и публичность определяются не как статичные образования, а как динамичные социальные конструкты, устанавливаемые в результате признания границ, которое происходит благодаря договоренностям, принятым социальным акторам.

У приватности и публичности — в физическом и метафизическом смысле — имеются пространственные атрибуты: близость-дистанция, открытость-закрытость и т.п. Их баланс подразумевает возможность быть открытым и доступным для одних и закрытым и недоступным для других. Городское пространство также не статично, границы открытости-закрытости для различных социальных слоев там постоянно меняются. Они подвержены процессам «приватизации» как со стороны представителей элиты, закрывающей доступ в свои районы для большинства городского населения, так и со стороны социальных низов, превращающих некоторые районы в гетто, куда избегает заходить «приличная» публика [Мельников М. В., 2017].

Следовательно, приватность и публичность — это диалектика открытости-закрытости. Их следует понимать «не как неподвижные, застывшие контейнеры материальной или идеальной природы. Скорее, необходимо указать на относительность этих пространств и на гибкую регуляцию доступа к этим пространствам со стороны социальных акторов в различных социальных контекстах» [Keckeis C., 2017, S. 26]. Потребность в приватности и публичности меняется в зависимости от социальных контекстов и жизненных обстоятельств. Сможет ли индивид получить желаемую степень приватности, зависит от многих факторов.

Социокультурное развитие практик публичности и приватности

Человек влияет на пространство, преобразуя его. Социальная сконструированность пространства, его динамичность и изменчивость указывают на то, что для анализа тех или иных феноменов приватного или публичного их ни в коем случае не следует понимать как вневременную универсалию. Хотя различие публичной и приватной областей жизни существовало уже в древнегреческих городах-государствах, в историческом процессе представления об этих сферах подвергались существенным изменениям. Воспринимаемая нами сегодня как сама собой разумею-

щаяся граница между публичностью и приватностью и соответствующие им различные образцы поведения образовались только в эпоху Нового времени.

Дихотомия между публичностью и приватностью зависит от исторического и культурного контекста и представляет собой открытый для изменений социальный конструкт. «Наряду с социальной сконструированностью и тем самым имплицитной изменчивостью следует признать, что пространства конструируются как публичные и приватные ни в коем случае не в произвольном порядке и что они, в свою очередь, также влияют на социальные процессы» [Ruhne R., 2011, S. 95–96]. Каждое общество производит свое собственное публичное и приватное пространства.

Пространственная практика и репрезентации пространства меняются в зависимости от эпохи и исторически и культурно обусловлены. Отношение к пространству зависит от времени, общества и социального слоя. Это отражается в архитектуре различных эпох. В эпоху барокко господствовали помпезные величественные интерьеры, где полагалось постоянно играть социальную роль. Во времена Людовика XIV человек жил только при дворе и для двора: он был влиятельной личностью в том случае, если он имел возможность представать перед монархом, который вообще не имел приватности.

В архитектуре рококо монументальные и помпезные резиденции барокко постепенно заменяются на более скромные городские и летние резиденции, в которых наибольший приоритет получает внутреннее пространство. Здесь присутствует большая интимность, удобство, более скромные пропорции, что соответствует разделению на публичную, представительную и приватную, интимную жизнь. Характерным для этой эпохи зданием является не роскошный помпезный дворец, а небольшой особняк, обставленный с не репрезентативной, а приватной роскошью. Общество, устав от пафоса и торжественности, начинает ценить радости укромной жизни в приватном мире.

В дальнейшем, в буржуазную эпоху, вместе с развитием индивидуализма нарастает тяга к приватному пространству. Бывший «целый дом», где хозяева, их ближние и дальние родственники, слуги и подмастерья составляли единую домашнюю общину, превращается в отдельное жилище малой буржуазной семьи, за-

крытое для публики. В результате нарастающей тяги к уединению в нем происходит дифференциация помещений. В обеспеченных слоях считается желательным, чтобы у каждого человека была «комната для себя» [Вулф В., 2019].

Особенно сильно на становление современных представлений о приватности и публичности повлиял XIX в. Дихотомия приватного и публичного пространств была введена в западный культурный круг в ходе общественных изменений, которые происходили в тесной связи с тогдашней индустриализацией. Введенные в этот период условия производства, требовавшие концентрации рабочих мест, привели к постепенно увеличивавшемуся пространственному разделению на места производительного труда и нуклеарной семьи и домашнего хозяйства. Обе эти сферы строго отделены друг от друга.

Введение дихотомического порядка публичности и приватности было обусловлено ранее неизвестным отделением жилого дома и считавшейся приватной нуклеарной буржуазной семьи от публичности. Улица и городское публичное пространство перестали быть составной частью дома. В этот период происходит противопоставление сурового внешнего мира: места борьбы, конкуренции, добывания средств к существованию — и его противоположности: мира любви и гармонии, семейного очага, счастья и отдыха в кругу семьи. С тех пор материально-пространственное разделение публичного и приватного воспринимается как дихотомический образец социального порядка, считающегося естественным и данным от природы. Связь физического пространства с социальными правилами и нормами следует понимать как конструкцию для создания образцов поведения в публичном и приватном пространствах. В тесной связи с материально-пространственными данностями и социальными нормами возникают два различных типа поведения, которые ведут к дуальной организации общества.

Став одной из важнейших общественных норм в XIX в., дихотомия публичного и приватного пространства одновременно превращается в разграничительную линию между полами. Как само собой разумеющееся в социальном порядке понимается не только различие между публичным и приватным, но и между мужским и женским — в бытовом, повседневном понимании и в научных сочинениях. Формируются строго разделенные гендерные роли, влияющие на

нормы мужского и женского поведения. Возникает противопоставление образа сильного рационального мужчины, добытчика и защитника и пассивной эмоциональной женщины, хранительницы домашнего очага. Мужчина должен проводить большую часть жизни вне дома, зарабатывая семье на существование. В обязанности женщины входит создание домашнего уюта и забота о детях.

Дихотомизация пространства на мужское и женское диктует обоим полам различные культурные образцы поведения. Подобное разделение функций базируется на идеях гендерного эссенциализма, согласно которым существует врожденное различие характеров обоих полов. Согласно этим представлениям женщина «по природе» принадлежит приватному пространству, а мужчина — публичному. Пространство диктует разные нормы и правила поведения. Отсюда вытекает также исключение женщины из публичного пространства, якобы чуждого ее натуре.

Однако в современном понимании публичное и приватное пространства уже не являются «природными» или «само собой разумеющимися». В своей социальной сконструированности публичные и приватные общественные структуры рассматриваются как «открытые, динамичные и изменяющиеся» [Ruhne R., 2011, S. 115]. Публичное и приватное пространства всегда заново конструируются в зависимости от социальных процессов и потому не имеют онтологически заданного характера — они могут меняться и пересматриваться. Представления о публичности и приватности также, в свою очередь, воздействуют на социальные процессы.

Изучение пространства и приватности предполагает восприятие пространства как социального продукта и важной составной части социальной коммуникации. Как приватность, так и публичность метафорически обозначают в пространственных терминах (пространство, сфера, территория), которые обладают атрибутами пространства: границами, протяженностью, вместимостью. В пределах публичного и приватного пространств располагаются предметы и действуют субъекты. Пространство «связывает между собой ментальное и культурное, социальное и историческое, объединяя их в единую практику» [Лефевр А., 2015, с. 11]. Если способ организации пространства воздействует на общество и, в свою очередь, зависит от экономи-

ческих, политических, культурных условий этого общества, значит, он меняется вместе с изменениями, происходящими в обществе. Объекты материального пространства: улицы, площади, дома и т.п. — сами по себе не производят из себя приватности или публичности, а лишь социально-культурная практика наделяет их этими значениями.

Жилище как локальная экспликация приватности

Наиболее очевидна связь приватности с локальной экспликацией. В первую очередь приватность приписывается таким местам, как дом, квартира, комната. Собственные четыре стены понимаются как институционализированное пространство приватного и интимного. Символика приватности тесно связана со структурным отграничением ее от публичной сферы, а также со смысловым содержанием социальных действий людей в этих пространствах. «Дом существует как упорядочивающая структура и тем самым как квазидействующее лицо. Так как материальность и пространственность домашнего ансамбля окружает и воздействует на повседневные отношения между людьми внутри и снаружи дома, на отношения между полами, поколениями, семьей и прислугой, человеком и животными» [Eibach J., 2015, S. 27]. Не только человек обустроивает свое домашнее пространство, исходя из собственных вкусов и потребностей, но и дом влияет на человека.

Представления о приватном и интимном связываются с недоступными для публики помещениями: домом, квартирой, комнатой, которые потому и являются приватными, что не каждый желающий имеет к ним доступ. В основе приватности лежит ее географическая локализуемость, а также ее закрытость и сепарация от публичного. Приватности приписываются такие свойства, как укромность, защита, контроль доступа и возможность уединения и отдыха от необходимости играть социальную роль. Х. Арендт пишет о защитной области двора и дома «где только и можно сберечь и утаить то, что прежде было естественно хранимо надежностью собственных четырех стен и ограждено от глаз толпы» [Арендт Х., 2000, с. 90]. Концепт локального аспекта приватности акцентирует физические, материальные границы между приватным и публичным пространствами.

В концепции Б. Рёслер приватность предполагает возможность контролировать доступ в приватное помещение, а значит, — возможность уединения или общение с ограниченным кругом близких людей. Эта особенность приватных помещений является необходимым условием для автономной жизни [Rössler B., 2018].

Помещения не становятся приватными или публичными сами по себе, а конституируются социальными нормами. «Специфический порядок построения жилых помещений, который установлен с помощью материальных границ — стен, а также связанные с этим возможности и ограничения обусловлены социальными нормами и репродуцируются через социальные и культурные практики» [Keckeis C., 2017, S. 45].

Архитектурные пространства задумываются как публичные или приватные уже в процессе планирования и возведения, причем нормативные представления о приватности обуславливают концепцию конструирования приватных пространств. Принадлежность к тому или иному типу пространства влияет на действия и поведение индивида. Пространство помогает определять, в какой ситуации он находится, и задает особенности поведения людей, действующих в той или иной социально-культурной реальности. Приватная сфера может носить ситуативный характер, она зависит от воли человека и предполагает активную позицию субъектов, которые самостоятельно могут установить желаемую степень приватности.

Пространство, в котором мы обитаем, является социально размеченным и сконструированным. Человек, как правило, спит в спальне, завтракает на кухне, смотрит телевизор в гостиной и т.д. «Спальня» и «кухня» — «не просто объективные характеристики физического места, но именно социальные характеристики, отражающие практические правила, эмоции или рутинные действия» [Филиппов А.Ф., 2008, с. 239]. Действие и поведение в том или ином пространстве социально обусловлены. Эту способность пространства определять поведение человека можно назвать властью.

С другой стороны, человек также влияет на пространство, приспособляя его к своим вкусам и потребностям. Так, в европейских обществах Нового времени в связи с развитием индивидуализма и ростом потребности в своем собственном помещении изменилась архитектура жилых домов, в которых наблюдалась посте-

пенная тенденция к росту числа комнат и дифференциации помещений по их функциональному назначению. В европейском культурном пространстве можно проследить значительные изменения при переходе от так называемого «целого дома», который существовал в Средневековье и в раннее Новое время, к буржуазной «нуклеарной семье».

Пространство влияет на человека, его поведение зависит от публичности или приватности пространства: на многолюдной площади он ведет себя иначе, чем в своей комнате. В публичном пространстве постоянное сознание присутствия зрителей вызывает необходимость позировать и играть социальную роль. Как отмечает Ю.М. Лотман, манера поведения представителя русской дворянской культуры зависела от вида пространства. Существовало два основных типа поведения, определяемые нахождением в том или ином пространстве: нейтральное, «естественное» («приватное») и сознательно театрализованное («публичное»). Поведение в разных типах пространства представляет собой особую семиотическую систему. Камерное, «партикулярное» поведение сознательно противопоставляется публичному ритуалу. Торжественному, ритуальному, публичному поведению русские дворяне обучались с детства, как иностранному языку, а обычное, бытовое усваивалось естественно. «Первое, в частности, подразумевает публично-зрелищный характер, второе совершается при закрытых дверях, в тесном кругу “своих”» [Лотман Ю.М., 2002, с. 237]. Пространство было как бы разделено на сценические площадки, и переход из одной в другую сопровождался сменой типа поведения.

Согласно теории драматургической социологии И. Гофмана, социальное пространство разделено на зону переднего плана (публичное) и заднего плана (приватное), в которых действуют разные системы правил поведения. Зона переднего плана — это место, где дается социальное представление перед зрителями. Исполнение ролей на переднем плане предполагает усилия и напряжение, часто идущие вразрез с истинным настроением. Исполнение социальной роли призвано поддерживать имеющиеся нормы и стандарты.

Зона заднего плана, или «закулисье», — это место, где прячутся скрываемые от публики факты. Здесь хранятся реквизиты для социального спектакля. «Костюмы и другие атрибуты

здесь изучаются, приводятся в порядок и подгоняются к характеру ожидаемой публики» [Гофман И., 2000, с. 149]. За кулисами актер может расслабиться, на время выйти из образа, поскольку, как правило, вход за кулисы, где хранятся секреты спектакля, скрыт для публики.

В публичном и приватном используется два языка поведения: один неформальный, или закулисный, и другой — официальный язык для социального спектакля. Неофициальный язык состоит из «взаимных обращений просто по именам, откровенных замечаний, курения, небрежного стиля одежды, “кисельной” осанки, употребления диалектной или ненормативной лексики, бесцеремонности поведения» [Гофман И., 2000, с. 165].

Пространство влияет на поведение человека. «Каждый знает, что имеется в виду, когда говорят о “комнате” в квартире, об “угле” улицы, о “площади”, о рынке, о торговом или культурном “центре”, о публичном “месте” и т.д.» [Лефевр А., 2015, с. 31]. В процессе социализации дети обучаются воспринимать помещения как публичные или приватные и использовать их соответствующим образом, что согласуется с пространственными практиками того или иного общества. Это восприятие связано с получаемым в процессе социализации знанием о действующем социальном нормировании этих помещений. В процессе социализации ребенок учится правильно «читать» пространство и выбирать присущий ему тип поведения.

Заключение

Таким образом, в настоящее время в научных исследованиях, посвященных изучению пространства, произошли существенные изменения. Пространство более не рассматривается как неподвижный контейнер, статичноеместилище для людей и социальных процессов, признается взаимосвязь пространства и общественных отношений. Социальный мир воздействует на пространство, и материальная среда влияет на отношения в обществе.

Эту же концепцию можно применить и к изучению публичного и приватного пространств, которые также не существуют сами по себе, а являются продуктом диалектически связанных между собой процессов. Общественные изменения, в частности, рост индивидуализма в европейском обществе Нового времени, вызвали потребность в приватном помещении, наличии

«комнаты для себя» и повлияли на архитектуру. Происходит четкая дифференциация между публичностью и приватностью. Приватные помещения изолируются и закрываются от посторонних. Происходит дифференциация жилых помещений в зависимости от их функций.

Находясь в том или ином виде, пространство воздействует на поведение человека, который в процессе социализации учится «читать» пространство и приспосабливать свое поведение к тому месту, где он находится. Публичному и приватному пространству соответствуют разные социальные нормы поведения. Если на публике индивид вынужден играть социальную роль, то в уединении или в общении с близкими людьми он может позволить себе естественное и непринужденное поведение. На основании определения пространства как диалектического процесса, который имплицитно активную роль индивида, можно констатировать, что, с одной стороны, пространство диктует индивиду как себя вести, с другой стороны, отношение к пространству зависит от социальных акторов. Пространство является социально сконструированным и размеченным. Границы между публичным и приватным изменчивы и устанавливаются в зависимости от социально-культурных норм.

Список литературы

Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни / пер. с нем. и англ. В.В. Библихина. СПб.: Алетейя, 2000. 437 с.

Бурдьё П. Социология социального пространства / пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.

Виноградова Н.Л. Социальное пространство и социальное взаимодействие // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 39–54.

Вулф В. Своя комната / пер. с англ. Д. Горяниной. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 144 с.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. 304 с.

Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3(34). URL: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (дата обращения: 07.02.2021).

Лефевр А. Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.

Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб, 2002. 768 с.

Макогон Т.И. «Пространственный поворот» и возможность новационных подходов в социально-философском дискурсе // Известия Томского политехнического университета. 2012. Т. 321, № 6. С. 167–172.

Мельников М.В. Общественное пространство города и его приватизация: анализ социологических подходов // Теория и практика общественного развития. 2017. № 9. С. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.1>

Филиппов А.Ф. Социология пространства. СПб.: Владимир Даль, 2008. 290 с.

Eibach J. Das Haus in der Moderne // Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch / hg. von J. Eibach, J. Schmidt-Voges. Berlin: Walter de Gruyter, 2015. S. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110358988-004>

Keckeis C. Privatheit und Raum — zu einem wechselbezüglichen Verhältnis // Räume und Kulturen des Privaten / hg. von E. Beyvers, P. Helm, M. Hennig, C. Keckeis. Wiesbaden: Springer, 2017. S. 19–56. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-14632-0_2

Rössler B. Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben. Berlin: Suhrkamp Verlag, 2018. 443 S.

Rössler B. Der Wert des Privaten. Fr. a. M.: Suhrkamp Verlag, 2001. 384 S.

Ruhne R. Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum. Wiesbaden: VS Verlag, 2011. 238 S. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-93355-9>

Получена: 08.02.2021. Принята к публикации: 05.03.2021

References

Arendt, H. (2000). *Vita activa, ili o deyatelnoy zhizni* [The human condition]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 437 p.

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Saint Petersburg: Aleteya Publ., 288 p.

Eibach, J. (2015). [The house in the modern]. *Das Haus in der Geschichte Europas: ein Handbuch* [The house in the history of Europe: a handbook]. Berlin: De Gruyter Publ., pp. 19–37. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110358988-004>

Filippov, A.F. (2008). *Sotsiologiya prostranstva* [Sociology of space]. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 290 p.

Goffman, E. (2000). *Predstavleniye sebya drugim v povsednevnoy zhizni* [The presentation of self in everyday life]. Moscow: KANON-Press-C Publ., 304 p.

Keckeis, C. (2017). [Privacy and space — to an interchangeable relationship]. *Räume und Kulturen des Privaten* [Spaces and cultures of the private]. Wiesbaden: Springer Publ., pp. 19–56. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-658-14632-0_2

Lefebvre, H. (2015). *Proizvodstvo prostranstva* [The production of space]. Moscow: Strelka Press Publ., 432 p.

Lotman, Yu.M. (2002). *Istoriya i tipologiya russkoy kul'tury* [History and Typology of the Russian Culture]. Saint Petersburg: Iskusstvo-SPB Publ., 768 p.

Makogon, T.I. (2012). [«Spatial turn» and the possibility of innovative approaches in social and philosophical discourse]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk Polytechnic University]. Vol. 321, no. 6, pp. 167–172.

Mel'nikov, M.V. (2017). [The urban public space and its privatization: the analysis of sociological approaches]. *Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development]. No. 9, pp. 8–11. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2017.9.1>

Rössler, B. (2001). *Der Wert des Privaten* [The value of the private]. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag Publ., 384 p.

Rössler, B. (2018). *Autonomie. Ein Versuch über das gelungene Leben* [Autonomy. An attempt at successful life]. Berlin: Suhrkamp Verlag Publ., 443 p.

Ruhne, R. (2011). *Raum. Macht. Geschlecht. Zur Soziologie eines Wirkungsgefüges am Beispiel von (Un)sicherheiten im Öffentlichen Raum* [Room. Makes. Gender. On the sociology of an effect structure using the example of (uncertainties) in public space]. Wiesbaden: VS Verlag Publ., 238 p. DOI: <https://doi.org/10.1007/978-3-531-93355-9>

Simmel, G. (2002). *Bol'shie goroda i dukhovnaya zhizn'* [Big cities and spiritual life]. *Logos*. No. 3(34). Available at: <https://www.ruthenia.ru/logos/number/34/02.pdf> (accessed 07.02/2021).

Vinogradova, N.L. (2005). [Social space and social interaction]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities]. No. 2, pp. 39–54.

Woolf, V. (2019). *Svoya komnata* [A room of one's own]. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber Publ., 144 p.

Received: 08.02.2021. Accepted: 05.03.2021

Об авторе

Чеснокова Леся Владимировна

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры социологии

Омский государственный университет
им. Ф.М. Достоевского,
644077, Омск, пр. Мира 55а;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>
ResearcherID: AAS-4500-2021

About the author

Lesya V. Chesnokova

Ph.D. in Philosophy, Senior Lecturer
of the Department of Sociology

Dostoevsky Omsk State University,
55a, Mira av., Omsk, 644077, Russia;
e-mail: L.Tchesnokova@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4283-0443>
ResearcherID: AAS-4500-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Чеснокова Л.В. Приватность и публичность как социально-пространственные категории // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 202–211.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211

For citation:

Chesnokova L.V. [Privacy and publicity as socio-spatial categories]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 202–211 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-202-211

УДК 130.2:008

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-212-221

ФЕНОМЕН ТРАНСГЕНДЕРНОСТИ И СОВРЕМЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ АНДРОГИНИИ: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Изрина Светлана Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Статья посвящена раскрытию культурфилософской проблематики феномена трансгендерности сквозь призму современной концепции андрогинии. XX в. становится переломным для многих научных направлений, в том числе гуманитарных. Благодаря активности представителей феминистских течений происходит радикальный пересмотр полоролевых общественных моделей, переосмысливается онтологический статус женщины (Симона де Бовуар), подчеркивается ее самоценность и независимость от мужчины. Вводится отдельное понятие «гендер» («социальный пол»), что приводит к появлению в последней трети XX в. самостоятельного междисциплинарного научного направления — «гендерные исследования», в область интересов которого входит изучение общественных и культурных явлений с помощью теории социального пола. Особое место стали занимать вопросы самоидентификации и гендерной идентичности. Произшедшая в начале XXI в. «трансгендерная революция» вновь актуализирует феномен трансгендера, который становится наиболее яркой формой выражения «иного гендера». Однако стоит отметить, что в основе любой современной вариации «третьего пола» лежит платоновская идея андрогинии, которая находит свое выражение в современных неклассических гендерных моделях. Следовательно, чрезвычайно важным становится рассмотрение трансгендерности как феномена, формирующего отдельный культурный дискурс, в контексте современной интерпретации идеи андрогинии. Автор статьи предпринимает попытку выявить общие метафизические черты обоих антропологических явлений (трансгендера и андрогина) и предположить их «онтологическое родство».

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, трансгендерность, трансгендер, андрогиния, андрогин, иной гендер, гендерная идентичность, философская антропология.

PHENOMENON OF TRANSGENDERISM AND THE MODERN CONCEPT OF ANDROGyny: PHILOSOPHICAL AND CULTURAL ANALYSIS

Svetlana O. Izrina

Saint Petersburg State University (St. Petersburg)

The article deals with the philosophical and cultural issues of the transgenderism phenomenon as seen through the modern concept of androgyny. The 20th century became a turning point for many scientific areas, including the humanities. Due to the activity of feminist movements, there took place a drastic revision of gender-based sociocultural patterns and the ontological status of a woman was changed (starting from Simone de Beauvoir). Moreover, a woman's intrinsic value and independence from a man were proved and postulated. A distinct concept of gender (socially constructed characteristics of men and women). In the last third of the 20th century, that led to the emergence of an independent interdisciplinary scientific area named «Gender Studies», whose field of interest included studies of social and cultural phenomena using the theory of social sex (gender). Furthermore, the issues of self-identification and gender identity began to occupy a special place. The «transgender revolution» that took place at the beginning of the 21st century mainstreamed the transgender phenomenon again. It became the most striking and

widespread form of expressing «other gender». However, it should be noted that any modern variation of the «third sex» is based on the Platonic idea of androgyny, which finds its reflection in modern gender models. Therefore, it is becoming extremely important to consider transgenderism as a phenomenon that forms a separate cultural discourse in the context of the modern idea of androgyny. We make an attempt to identify common metaphysical features of both anthropological phenomena (transgender and androgyne) and to assume their «ontological affinity».

Keywords: gender, gender studies, transgenderism, transgender, androgyny, androgyne, other gender, gender identity, philosophical anthropology.

Рассмотрим фотокадр (URL: <http://images.vfl.ru/ii/1624706991/481e4a1f/34955381.jpg>) из фильма режиссера Тома Хупера «Девушка из Дании» («The Danish Girl», 2015), экранизации одноименной биографической драмы американского писателя Дэвида Эберсхоффа (2000). Попробуйте определить, чей образ запечатлен на фотографии. Вариантов может быть несколько: традиционный образ женщины начала XX в., изображение маскулинной женщины, или переодетого феминного мужчины, или же персонаж андрогинной наружности. С уверенностью можно утверждать лишь то, что это зеркальное отражение героя, обладающего неопределенной гендерной идентичностью¹.

В основу сюжета «Девушки из Дании» легла реальная история художника Эйнара Вегенера (1882–1931), испытавшего кризис гендерной идентичности. После нескольких операций он становится первой трансгендерной женщиной Лили Эльбе, которую губит стремление ощутить себя полноценной женщиной: в результате очередной операции Лили умирает. Уже после смерти Лили Эльбе в свет выходит роман Эрнста Людвиг Хартерн-Якобсона (Ernst Ludwig Harthern Jacobson) под псевдонимом Нильса Хойера (Niels Hoyer) «Man Into Woman: The First Sex Change» («Из мужчины в женщину: первая смена пола»), основанный на записях из дневника Лили. Тем не менее история первой трансгендерной женщины приобретает мировую известность только в начале XXI в.: книга Д. Эберсхоффа становится бестселлером и пе-

реводится на многие языки, а фильм Т. Хупера благосклонно принимается на Венецианском кинофестивале и получает «Оскар» за лучшую женскую роль второго плана.

Несомненно, в XX в. реализованное желание поменять биологический пол на противоположный было скандальным прецедентом (первые в истории человечества трансгендерный переход оказался не только символическим, но и реальным), и несмотря на локальную популярность художника-пейзажиста Эйнара Вегенера, его история получила широкий общественный резонанс только спустя без малого 100 лет. Почему история Лили Эльбе стала широко известна и чрезвычайно популярна именно сейчас? Действительно ли кинокритики и зрители высоко оценили режиссерский талант Т. Хупера, завораживающую игру актеров, качественную операторскую работу? Мнения кинокритиков разделились, однако большинство рассматривает «Девушку из Дании» как коммерческий проект, отмечает отсутствие документальной точности (о реальной биографии Лили Эльбе мало что известно) и подчеркивает чрезмерный блеск и богемность картины. Приведем несколько высказываний кинокритиков. Так, Джонатан Ромни (Jonathan Romney), обозреватель издания «The Guardian», в заглавии рецензии подчеркнул главную особенность кинопроизведения: «The Danish Girl review — a little too much gloss» («Рецензия “Девушка из Дании” — слишком много [эстетического] блеска» (пер. наш. — С.И.)). Он отмечает: «История первого трансгендера Лили Эльбе лишена сложности и опасности в пользу роскошной костюмированной драмы» (пер. наш. — С.И.) [Romney J., 2016]. Мария Кувшинова на страницах российского издания «The Hollywood Reporter» так оценивает экранизацию: «...Перед нами — в первую очередь продюсерский проект, ставка в котором сделана на привлекательный антураж богемной жизни двадца-

¹ Теория гендерной идентичности родилась в результате синтеза психологии (базовым является понятие идентичности Э. Эриксона), социологии (социальная идентичность) и гендерологии. В настоящее время гендерная идентичность определяется как «базовая структура социальной идентичности, которая характеризует человека (индивида) с точки зрения его принадлежности к мужской или женской группе, при этом наиболее значимо, как сам человек себя категоризирует» [Словарь гендерных терминов, 2002. <http://www.owl.ru/gender/020.htm>].

тых, провокационный синопсис и своеобразный саспенс, связанный с поэтапным экранным перевоплощением утонченного господина в элегантную даму»; «Продюсерский интерес к роману Эберсхоффа — часть сегодняшней конъюнктуры... попытка впрыгнуть в вагон поезда, стремительно следующего в сторону толерантности, вариативности самоидентификаций и избавления от стереотипов» [Кувшинова М., 2016].

Таким образом, логическим объяснением высокой популярности кинодрамы может быть то обстоятельство, что фильм «Девушка из Дании» визуализировал и актуализировал наиболее острую проблему определения гендерной идентичности, которая на социокультурном уровне проявляется в формате развития культуры «иного гендера». Гендерное разнообразие, которое мы наблюдаем сегодня в виде появления различных вариаций «третьего пола», напрямую связано с пробуждением интереса к теме гендерной идентичности и способах самоидентификации, а также с переосмыслением концепции маскулинности и феминности, пересмотром границ телесности в целом.

Из истории вопроса

Предпосылки возникновения всплеска интереса к вопросу гендерной самоидентификации и гендерной идентичности, а также актуализации идеи «третьего пола» были сформированы в предыдущем, XX в., когда наиболее значимыми социокультурными явлениями стали радикальный пересмотр полоролевых общественных моделей; переосмысление онтологического статуса женщины (Симона де Бовуар)², постулирование ее самоценности и независимости от мужчины; критика эссенциалистских подходов,

обуславливающих биологическую детерминированность мужского и женского; введение понятия «гендер»³ («социальный пол») в противовес биологическому полу, что привело к появлению в последней трети XX в. самостоятельного междисциплинарного научного направления — «гендерные исследования»⁴, область интересов которого включала поиск и изучение смыслов, «которые появляются в той или иной культуре по поводу полового диморфизма и отношений, возникающих в связи с этим» [Костикова И.В., 2005, с. 16]. Сложившаяся в конце 1980-х гг. гендерная теория стала продуктом феминистской мысли, которая спровоцировала интерес к различным аспектам гендерного неравенства и изменение феминистской методологии [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 53].

Наиболее интенсивно идея гендера начала разрабатываться социологами, которые увидели в ней новый ракурс изучения актуальных общественных проблем, — например, предположений возникновения и механизмов формирования межполового неравенства, — тем самым значительно углубив саму проблематику гендерных исследований. Современные социологи Е.А. Здравомыслова и А.А. Темкина формулируют центральную идею гендерного подхода следующим образом: «различия мужественности и женственности, мужских и женских ролей задаются прежде всего через структурные контексты возраста, расы, класса и сексуальной ориентацией» [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 53]. Таким образом, границы

² Симона де Бовуар в труде «Второй пол» [Бовуар, С.де, 2019] впервые выдвигает идею о том, что женщине присущи феминные черты не по праву рождения в теле женщины (согласно ее биологическому полу), а благодаря соответствующему воспитанию в патриархальной культуре. Следовательно, ставшее уже классическим высказывание «женщиной не рождаются, женщиной становятся» можно интерпретировать как постулирование возможности самостоятельно выбирать, какие гендерные модели усваивать и какие черты (феминные или маскулинные) приобретать. Многие представители различных феминистских направлений обращаются именно к этой работе де Бовуар, что подчеркивает особую значимость данного исследования для развития феминизма, женских исследований (*Women's Studies*) и гендерологии.

³ Существует множество определений понятия *гендер* (англ. *gender* от лат. *genus* — «род»). Вариативность обусловлена, с одной стороны, высокой динамикой развития относительно «молодого» научного направления (конец 1980-х – начало 1990-х гг.), с другой стороны, его спецификой: междисциплинарной и метакультурной. Наиболее распространенным является рассмотрение гендера как ««социального» обозначения биологического пола» [Костикова И.В., 2005, с. 14]. Для настоящего исследования актуально использование понятия «гендер» в значении «пола» как продукта человеческой культуры. Опорным является также понимание гендера как «совокупности социальных и культурных норм и ожиданий в отношении мужчин и женщин; социально формируемых характеристик мужественности и женственности» [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 52].

⁴ Подробнее о гендерных исследованиях как научном направлении см.: [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 52–73; Костикова И.В., 2005, с. 8–25].

гендерного неравенства расширяются и выходят за рамки дихотомии «мужское–женское». Данную тенденцию развивает американский философ Джудит Батлер, которая по традиции феминистского постмодернизма деконструирует категории «мужчина» и «женщина» и утверждает, что гендерная идентичность субъекта постоянно изменяется в зависимости от проигрывания им той или иной социальной роли и никогда не соответствует идеальным гендерным нормам в полной мере [Butler J., 2006, с. 170–180]. На рубеже XX–XXI вв. под влиянием идей М. Фуко [Фуко М., 1998, 2004] и Дж. Батлер [Butler J., 2006] развивается новое направление — *квир-исследования*, одной из целей которого становится исключение категории идентичности как таковой, поскольку идентичности свойственна пластичность и открытость, тотальная изменчивость [Jagose A., 1996]⁵. С этой точки зрения получается, что собственно идентичности не существует, а любые социокультурные паттерны являются атавизмами и не могут определить гендерную природу индивида, они задают лишь внешние модели, которые достаточно быстро меняются. Таким образом, возникает основание для пересмотра структуры гендерной системы и включения в нее дополнительной категории «третьего гендера», к которому можно отнести всех представителей небинарного гендера (тех, чья гендерная идентичность не вписывается в традиционную бинарную модель или отсутствует вовсе). На социокультурном уровне тенденция преодоления структурных ограничений проявляется в виде образования групп — носителей новой культуры, под влиянием которой начинают активнее транслировать собственные ценности и идеалы.

Попытки изменения традиционного общественного уклада и борьба против гегемонии одной социальной группы являются достаточно частым явлением, и гендерное пространство — не исключение. На протяжении значительного периода развития человечества ведущей моделью социального устройства является *патри-*

*архат*⁶, тогда как формой культурного доминирования признается *андроцентризм*⁷. Айрис Янг, феминистский теоретик, в работе «Justice and the Politics of Difference» [Young I.M., 1990] описала механизмы угнетения, которые использует одна доминирующая социальная группа по отношению к другой. Среди этих механизмов для нас наибольший интерес представляет *культурный империализм* (гендерным вариантом которого является андроцентризм), под которым подразумевается «возведение в абсолют опыта и культуры одной из групп и объявление только этого опыта и этой культуры нормой» [цит. по: Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 44]. Таким образом, складывается ситуация, при которой представители субординированных групп вынужденно становятся носителями одновременно двух культур: внешне — социально транслируемой господствующей культуры, усвоенной в виде норм и правил, а внутренне — собственной уникальной культуры, основанной на индивидуальных интерпретационных схемах и символических кодах. В XX в. роль «женского взгляда» на социальное мироустройство стала настолько весомой, что позволила инициировать создание собственных институтов, направлений, призванных изменить статус женщин на равноправный, а также сформировать непосредственно саму культуру феминизма (однако весьма разностороннюю и противоречивую). В XXI в. гендерная парадигма еще больше усложняется, открываются возможности для легализации существования других групп меньшинств, которые активно начинают транслировать собственную внутреннюю культуру. В настоящее время некоторые западные

⁶ Патриархат (от гр. πατήρ — «отец» и ἀρχή — «начало, власть») — это «андроцентрическая организация общества с зафиксированным в нем неравенством и жесткой регламентацией полоролевых отношений. Патриархатными называют общества, в которых мужчины являются “доминантным элементом” в семейной, хозяйственной и общественной жизни» [Шевченко З.В., 2016. <http://a-z-gender.net/patriarxat.html>].

⁷ Андроцентризм — «система патриархата, при которой практики, символически маркированные как “мужские”, считаются универсально нормативными и наделяются символической властью. Соответственно практики, определяемые как “женские”, считаются символически менее значимыми» [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 44].

⁵ Квир-теоретики критикуют гендерную бинарную модель за ее идеологичность и дискурсивность, а концепты маскулинного и феминного, мужского и женского — за неисторичность и отрыв от культуры [Здравомыслова Е.А., Темкина А.А., 2015, с. 71].

страны (Великобритания, Германия, Австрия, Канада и некоторые др.) официально признают существование «третьего пола» как правомерного элемента альтернативной гендерной системы. *Каминг-аут*⁸ уже не является исключением: многие представители зарубежного истеблишмента открыто заявляют о своей принадлежности к гендерному или сексуальному меньшинству и призывают свободно выражать собственную идентичность. Наиболее отчетливо процесс подобной экспансии можно представить на примере анализа социокультурного феномена трансгендерности, о котором мы поговорим подробнее.

Современный феномен трансгендерности

Как уже было отмечено, одним из примеров выхода за рамки классической модели нормативности является так называемая «трансгендерная революция», произошедшая в 2014–2015 гг. и получившая статус культурного феномена [Чукуров А.Ю., 2017, с. 53]. Наряду с уже упомянутой «Девушкой из Дании» внимание общественности привлекают и другие фильмы о трансгендерах: «В год тринадцати лун» («In einem Jahr mit 13 Monden») (1978, реж. Райнер Вернер Фассбиндер), «Мир по Гарпу» («The World According to Harp») (1982, реж. Джордж Рой Хилл), «Жестокая игра» («The Crying Game») (1992, реж. Нил Джордан), «Парни не плачут» («Boys Don't Cry») (1999, реж. Кимберли Пирс), «Девочка» («The Girl») (2012, реж. Джулиан Джаррольд), «Мандарин» («Tangerine») (2015, реж. Шон Бэйкер) и др.

Феномен трансгендерности постепенно становился объектом культурологического анализа. А.Ю. Чукуров в статье «Трансгендерность как феномен культуры и его репрезентация в художественном тексте» анализирует сюжеты фильмов о трансгендерах и типологизирует их по характеру конфликта. Он выделяет: 1) непреодолимый конфликт между трансгендером и социумом (в центре — борьба трансгендера за выживание и принятие социумом его гендерной идентичности; как правило, финал

трагичен, но остается надежда на будущее примирение); 2) преодоленный конфликт трансгендера и общества (гармоничная интеграции трансгендера в социум); 3) внутренний конфликт главного героя (либо самого трансгендера, либо персонажа, который столкнулся с необходимостью принятия феномена трансгендерности) [Чукуров А.Ю., 2017]. Таким образом, через изображение проблем трансгендеров в художественном произведении происходит активная интеграция данного феномена в культуру. А.Ю. Чукуров рассматривает трансгендерность как механизм самоидентификации и самозащиты в условиях постоянно изменяющейся среды, а также описывает способы включения трансгендерной проблематики в культурное поле посредством кинематографа. Автор утверждает, что в эпоху стремительно развивающегося и изменяющегося информационного общества с его агрессивными вызовами, технологическим прогрессом и глобализацией актуализация феномена трансгендеров отвечает современным реалиям, в которых каждый индивид самостоятельно конструирует собственную идентичность, в том числе выбирая модели поведения и собственный гендер [Чукуров А.Ю., 2017, с. 57].

Трансгендерность и андрогиния

Большинство дефиниций описывают, называя термином *трансгендер*, человека, чья гендерная идентичность не совпадает или частично совпадает с полом при рождении. Речь идет преимущественно о людях, которые хотят совершить или уже совершили «переход» (спец. обозначение трансгендерного перехода посредством операции по смене пола) либо от мужчины к женщине MtF (male-to-female), либо от женщины к мужчине FtM (female-to-male). Важно отметить, что изначально они могли иметь признаки гермафродитизма (внешние или внутренние)⁹ и, как правило, страдали гендерной дисфорией¹⁰. Таким образом, к этой

⁸ Каминг-аут (англ. *coming out* — «выход», «раскрытие») — «добровольное и сознательное разглашение человеком информации о своей сексуальной ориентации или гендерной идентичности» [Шевченко З.В., 2016. <http://a-z-gender.net/kaming-aut.html>].

⁹ О биологических признаках гермафродитизма подробнее см.: [Калинченко Н.Ю., Тюльпаков А.Н., 2008].

¹⁰ Термин ввел Гарри Бенджамин для обозначения ухудшения качества жизни трансгендерного индивида, вызванного острой неудовлетворенностью собственным гендерным статусом (мужским или женским) [Чукуров А.Ю., 2017, с. 56].

группе вполне можно отнести и тех, кто обладает конфликтной гендерной идентичностью и испытывает в этой связи психологический дискомфорт, но не стремится изменять свои биологические характеристики. Следовательно, понятие *трансгендерности* является многозначным и охватывает все виды несовпадения гендерной идентичности индивида с его биологическим полом.

Группа ученых из Университета Оттавы провела исследование¹¹ среди трансгендерных респондентов с целью определения степени их принадлежности к бинарной (устойчивой) гендерной парадигме (т.е. постоянной самоидентификации с мужской или женской гендерной ролью), а также диагностики присутствия изменчивой гендерной идентичности (т.е. возможности совмещения двух гендерных парадигм). В результате исследования стало возможным выделить двух подгрупп трансгендеров: устойчивого и изменчивого гендера.

Кроме того, интерес для ученых представляло определение степени выраженности внутреннего конфликта в обеих группах (устойчивой и изменчивой гендерной идентичности). Исследование показало, что респонденты с изменчивым гендером являются более психологически неустойчивыми и подверженными стрессам, поскольку испытывают потребность в стабилизации своей гендерной идентичности и нахождении баланса между мужскими и женскими моделями поведения [Ватсон Д.Б., Сайдль Х., 2017, с. 37]. Выделение в отдельную группу трансгендеров с неустойчивой кроссгендерной самоидентификацией (сочетающих в себе признаки мужского и женского гендера) стало предпосылкой для сопоставления данного явления с уже существующим в культуре феноменом *андрогинии*.

В современном научном дискурсе термин *андрогинность* (греч. *andros* — «мужчина», *gynai* — «женщина») имеет множество контекстных значений. Наиболее распространенными являются определения, предложенные специалистами в области психологии, социологии и гендерных исследований. Под *андрогин-*

ностью традиционно понимается совмещение (относительно равное) в одном индивиде *маскулинных*¹² и *феминных*¹³ черт, составляющих основу в первую очередь социально-психологического портрета личности.

70-е гг. XX в. являются переломными для гендерной психологии: традиционное гендерное несоответствие (несовпадение биологического пола человека с его поведенческими гендерными моделями) перестает восприниматься зарубежными психологами в качестве патологического [Бем С.Л., 2004, с. 167]. Дихотомия мужского и женского начинает переосмысливаться (во многом благодаря созданию аналитическим психологом К.Г. Юнгом концепции *анимы* и *анимуса*¹⁴), в результате чего происходит деконструкция маскулинности и феминности, приводящая к контаминации гендерных социопсихологических характеристик у представителей одного биологического пола.

Впервые концепция *андрогинии* была предложена американским психологом и феминистским философом Сандрой Бем, которая рассматривает дискуссионные вопросы социального пола (или гендера) и анализирует характер влияния укорененных в культуре и социуме представлений о мужчинах и женщинах на формирование психологии индивида. Для оценки маскулинности и феминности (M-F Assessment) в 1974 г. С. Бем разрабатывает тест из 60 гендерно-стереотипных (т.е. определяемых большинством как истинно мужские или женские) или гендерно-нейтральных утверждений¹⁵, с которым респонденты должны согла-

¹² Маскулинность (мужественность) представляет собой «комплекс аттитудов, характеристик поведения, возможностей и ожиданий, детерминирующих социальную практику той или иной группы, объединенной по признаку пола. Другими словами, маскулинность — это то, что добавлено к анатомии для получения мужской гендерной роли» [Словарь гендерных терминов, 2002, <http://www.owl.ru/gender/197.htm>].

¹³ Феминность — (женственность) — «характеристики, связанные с женским полом, или характерные формы поведения, ожидаемые от женщины в данном обществе, или же социально определенное выражение того, что рассматривается как позиции, внутренне присущие женщине», цит. по: [Словарь гендерных терминов, 2002, <http://www.owl.ru/gender/233.htm>].

¹⁴ Анима и анимус — «персонификация женской природы в бессознательном мужчины и мужской природы в бессознательном женщины» [Юнг К.Г., 1996, с. 536].

¹⁵ BSRI, Bem Sex Role Inventory [Бем С.Л., 1978].

¹¹ Подробнее об истории развития феномена трансгендеров, а также материале, методах и результатах исследования см.: [Ватсон Д.Б., Сайдль Х., 2017].

ситься или не согласиться¹⁶. Основной целью теста являлось создание универсального инструмента, способного проводить «инвентаризацию» социально-половых ролей, выявляя маскулинные и феминные черты индивида¹⁷. В результате исследования было обнаружено, что кроме индивидов с явно выраженной женской или мужской доминантой можно отдельно выделить тип респондентов, в равной степени демонстрирующих как маскулинные, так и феминные поведенческие модели. С. Бем обозначила их *андрогинами*, подчеркивая, что подобные люди обладают относительно равными показателями по шкале М-Ф, при этом данные показатели не обязательно будут высокими [Bem S.L., 1978; Davis S.N., 2017]¹⁸.

Андрогинность может рассматриваться в символическом или реальном ключе [Шишлова Е.Э., 2014, с. 249–250]. *Символический андрогин* «рождается» в античной мифологии в диалоге Платона «Пир» [Платон, 1993, с. 81–134] в образе совершенного Первочеловека и тесно связан с темой любви (Эроса) и стремлением обрести целостность через воссоединение с возлюбленной отчужденной половиной¹⁹. Таким образом, Платон задает философскую тему гармонизации мужского и женского, маскулинных и феминных черт в человеке и поднимает проблему достижения андрогинии как возвращение к состоянию Первочеловека.

Идея первичной целостности человека в Средние века была подхвачена представителями гностицизма и греческой патристики и переосмыслена в русле христианской религиозной традиции: в концепции Первочеловека, ко-

торый в результате наказания за грехопадение «перешел от духовного существования к физическому, от андрогинности к полу» [Шишлова Е.Э., 2014, с. 246]. Возвращение к первичному единству возможно либо в загробном мире (после смерти), либо в результате достижения святости при жизни. Представители гностицизма пытались, исходя из убеждений в андрогинности Первоматерии, разработать средство для достижения человеческого бессмертия, т.е. осуществить переход от смертного физического состояния к бессмертному духовному [Шишлова Е.Э., 2014, с. 246]. Андрогиния как признак духовного самосовершенствования рассматривалась и мыслителями Нового времени (Ф. Шлегель, Э. Сведенборг), и представителями русской философии (В. Соловьев, Н. Бердяев). В дальнейшем идея андрогинии как синтеза мужского и женского начал будет активно использоваться философами, социологами, психологами, культурологами и искусствоведами XX в., а в конце XX – начале XXI в. станет одной из центральных тем науки о гендере.

В XXI в. обнаруживается существование *реального андрогина* и обозначается переход от символического андрогина к реальному. Под термином *реальный андрогин* подразумеваются различные проявления андрогинности в физическом мире. Впрочем, исследователи давно выделяли ритуального андрогина как элемент социокультурных практик многих народов. Так, М. Элиаде, румынский философ, религиовед и культуролог, в работе «Мефистофель и андрогин, или тайна целостности» [Элиаде М., 1998] рассказывает о мистических практиках, обрядах и ритуальных переодеваниях различных народов, в ходе которых происходила символическая андрогинизация, т.е. обретение целостности через воссоединение с противоположным полом. В XXI в. проявления реальной андрогинии стали предметом исследований психологов и гендерологов, результатом чего стало выявление особого андрогинного психологического типа [Бем С.Л., 2004] и возникновение концепции «третьего пола».

В современной научной традиции принято разделять понятия андрогинии и трансгендерности; тем не менее, по мнению автора, между ними есть немало общего. Самое очевидное — оба эти феномена являются частью небинарной гендерной системы. Как уже было отмечено

¹⁶ Подробнее о методике тестирования см.: [Davis S.N., 2017].

¹⁷ На сегодняшний день тест является актуальным и эффективным инструментом для оценки гендерных ролей, несмотря на постепенное изменение социальных стереотипов относительно традиционных маскулинных и феминных характеристик.

¹⁸ Необходимо добавить, что полороловой опросник С. Бем использовался в качестве одного из инструментов оценки уровня маскулинности и феминности трансгендеров в процессе исследования ученых Оттавского университета.

¹⁹ Андрогиния, имеющие биологические признаки обоих полов и способные к самооплодотворению, были разрезаны Зевсом пополам в наказание за гордыню. С тех пор половинки обречены на поиск «части себя», чтобы воссоединиться, обрести целостность и продолжить род [Платон, 1993, с. 81–134].

выше, гендерная идентичность большинства трансгендеров либо совпадает с противоположным (биологическому полу) гендером, либо сочетает в себе последовательно или одновременно признаки мужского и женского гендеров. Таким образом, по крайней мере, некоторые трансгендеры оказываются носителями андрогинного психологического типа, что подтверждается упомянутым исследованием ученых Оттавского университета. Это дает нам право говорить о родственном характере этих феноменов. Кроме того, если опереться на тезис квир-теоретиков о постоянной изменчивости гендерной идентичности классических представителей бинарного гендера (самоидентифицирующих себя строго с мужчиной или с женщиной), можно предположить, что у трансгендеров изначально заложен более острый внутренний конфликт, последствия которого даже после перехода остаются заметными, и одним из возможных выходов для них оказывается обращение к андрогинности.

Список литературы

- Бем С.Л. Линзы гендера: трансформация взглядов на проблему неравенства полов / пер. с англ. Д. Викторова. М.: РОССПЭН, 2004. 336 с.
- Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. И. Малахова, Е. Орлова, А. Сабашникова. СПб.: Азбука, 2019. 928 с.
- Ватсон Д.Б., Сайдль Х. Эволюция взглядов на гендерную идентичность: расстройство или «новая» норма? // Российский психиатрический журнал. 2017. № 5. С. 33–39.
- Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 768 с.
- Калинченко Н.Ю., Тюльпаков А.Н. Новая классификация заболеваний, связанных с нарушением формирования пола. Обсуждение международного консенсуса по пересмотру терминологии и классификации гермафродитизма // Вестник репродуктивного здоровья. 2008. № 3–4. С. 48–51.
- Кости́кова И.В. и др. Введение в гендерные исследования: учеб. пособие для студентов вузов / под общ. ред. И.В. Костиковой. М.: Аспект Пресс, 2005. 235 с.
- Кувшинова М. Рецензия: «Девушка из Дании» с Эдди Редмейном // The Hollywood Reporter: российское издание. 2016. 27 янв. URL: <http://thr.ru/cinema/recenzia-devuska-iz-danii-s-eddi-redmejnoma/> (дата обращения: 14.05.2020).
- Платон. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. Л.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1993. 528 с.
- Словарь гендерных терминов / под ред А.А. Денисовой. М.: Информация – XXI век, 2002. URL: <http://www.owl.ru/gender/> (дата обращения: 08.05.2020).
- Фуко М. Использование удовольствий. История сексуальности. Т. 2 / пер. с фр. В. Каплуна. СПб.: Академ. проект, 2004. 432 с.
- Фуко М. Забота о себе. История сексуальности. Т. 3 / пер. с фр. Т.Н. Титовой, О.И. Хомы. Киев: Дух и литера; Грунт; М.: Рефл-бук, 1998. 288 с.
- Чукуров А.Ю. Трансгендерность как феномен культуры и его репрезентация в художественном тексте // Общество. Среда. Развитие. 2017. № 3. С. 53–60.
- Шевченко З.В. Словник гендерних термінів. Черкаси: Видавець Чабаненко Ю., 2016. URL: <http://a-z-gender.net/> (дата обращения: 13.05.2020).
- Шишлова Е.Э. Психологическая и философская рефлексия феномена андрогина как «пост-гендера» // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1(34). С. 244–253.
- Элиаде М. Мефистофель и Андрогин / пер. с фр. Е.В. Баевской, О.В. Давтя. СПб.: Алетейя, 1998. 374 с.
- Юнг К.Г. Дух и жизнь / пер. с нем. Л.О. Акоюяна; под ред. Д.Г. Лахути. М.: Практика, 1996. 551 с.
- Bem S.L. Bem Sex Role Inventory professional manual. Palo Alto, CA: Consulting Psychology Press, 1978. 37 p.
- Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. London: Routledge, 2006. 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203824979>
- Davis S.N. Bem Sex-Role Inventory // Encyclopedia Britannica. 2017. URL: <https://www.britannica.com/science/Bem-Sex-Role-Inventory> (accessed: 26.04.2020).
- Jagose A. Queer theory: an introduction. N.Y.: New York University Press, 1996. 156 p.
- Romney J. The Danish Girl review — a little too much gloss // The Guardian. 2016. Jan. 3. URL: <https://www.theguardian.com/film/2016/jan/03/the-danish-girl-film-review-eddie-redmayne-alicia-vikander> (accessed: 14.05.2020).
- Young I.M. Justice and the Politics of Difference. Princeton: Princeton University Press, 1990. 286 p.

Получена: 20.06.2020. Доработана после рецензирования: 13.09.2020. Принята к публикации: 08.10.2020

References

- Beauvoir, S. de (2019). *Vtoroy pol* [The second sex]. Saint Petersburg: Azbuka Publ., 928 p.
- Bem, S.L. (1978). *Bem sex role inventory professional manual*. Palo Alto, CA: Consulting Psychology Press, 37 p.
- Bem, S.L. (2004). *Linzy gendera: transformatsiya vzglyadov na problemu neravenstva polov* [The lenses of gender: transforming the debate on sexual inequality]. Moscow: ROSSPEN Publ., 336 p.
- Butler, J. (2006). *Gender trouble: feminism and the subversion of identity*. London: Routledge, 272 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203824979>
- Chukurov, A.Yu. (2017). [Transgenderism as a cultural phenomenon and its representation in a literary text]. *Obschestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development]. No. 3, pp. 53–60.
- Davis, S.N. (2017). Bem sex-role inventory. *Encyclopedia Britannica*. Available at: <https://www.britannica.com/science/Bem-Sex-Role-Inventory> (accessed 26.04.2020).
- Denisova, A.A. (ed.). (2002). *Slovar' gendernykh terminov* [Gender terms dictionary]. Moscow: Informatsiya – 21 vek Publ. Available at: <http://www.owl.ru/gender/> (accessed 08.05.2020).
- Eliade, M. (1998). *Mefistofel' i Androgin* [Mephistopheles and androgyne, or mystery of integrity]. Saint Petersburg: Aleteiya Publ., 374 p.
- Foucault, M. (1998). *Zabota o sebe. Istoriya seksual'nosti. T. 3* [The history of sexuality: The care of the self. Vol. 3]. Kiev: Dukh i Litera Publ.; Moscow: Refl-Buk Publ., 288 p.
- Foucault, M. (2004). *Ispolzovanie udovol'stviy. Istoriya seksual'nosti. T. 2* [The use of pleasure. The history of sexuality. Vol. 2]. Saint Petersburg: Akademicheskii Proekt Publ., 432 p.
- Jagose, A. (1996). *Queer theory: an introduction*. New York: New York University Press, 156 p.
- Kalinchenko, N.Y. and Tyulpakov, A.N. (2008). *Novaya klassifikatsiya zabolovaniy, svyazannykh s narusheniem formirovaniya pola. Obsuzhdenie mezhdunarodnogo konsensusa po peresmotru terminologii i klassifikatsii germafroditizma* [The new classification of the disease associated with violation of gender formation. Discussion of international consensus on revision of terminology and classification of hermaphroditism]. *Vestnik reproduktivnogo zdorov'ya* [Bulletin of Reproductive Health]. No. 3-4, pp. 48–51.
- Kostikova, I.V. et al. (2005). *Vvedenie v gendernye issledovaniya* [Introduction to gender studies]. Moscow: Aspekt Press Publ., 235 p.
- Kuvshinova, M. (2016). *Retsenziya: «Devushka iz Danii» s Eddi Redmaynom* [«Danish Girl» with Eddie Redmayne. Review]. *The Hollywood Reporter. Russian Edition*. Jan. 27. Available at: <http://thr.ru/cinema/recenzia-devuska-iz-danii-s-eddi-redmejnomo/> (accessed 14.05.2020).
- Plato (1993). *Sobranie sochineniy v 4 t. T. 2* [Plato. Collected works in 4 vols. Vol. 2]. Moscow: Mysl' Publ., 528 p.
- Romney, J. (2016). The Danish Girl review — a little too much gloss. *The Guardian*. Jan. 3. Available at: <https://www.theguardian.com/film/2016/jan/03/the-danish-girl-film-review-eddie-redmayne-alicia-vikander> (accessed 14.05.2020).
- Shevchenko, Z.V. (2016). *Slovník genderných terminů* [Gender vocabulary]. Cherkasy: Vydavets' Chabanenko Yu. Publ. Available at: <http://a-z-gender.net/> (accessed 13.05.2020).
- Shishlova, E. (2014). [Phenomenon of androgyne as «post-gender»: psychological and philosophical analysis]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations]. No. 1(34), pp. 244–253.
- Watson, D.B. and Seidl, H. (2017). [Changing perspectives on gender identity: disorder or the «new» normal?]. *Rossiyskiy psikhiatricheskii zhurnal* [Russian Journal of Psychiatry]. No. 5, pp. 33–39.
- Young, I.M. (1990). *Justice and the politics of difference*. Princeton: Princeton University Press, 286 p.
- Yung, K.G. (1996). *Dukh i zhizn'* [Spirit and life]. Moscow: Praktika Publ., 551 p.
- Zdravomyslova, E.A. and Temkina, A.A. (2015). *12 lektsiy po gendernoy sotsiologii* [12 lectures on sociology of gender. Study guide]. Saint Petersburg: EUSP Publ., 768 p.

Received: 20.06.2020. Revised: 13.09.2020. Accepted: 08.10.2020

Об авторе

Изрина Светлана Олеговна

магистр культурологии,
аспирант Института философии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;
e-mail: s.o.izrina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2220-8182>
ResearcherID: AAS-4631-2021

About the author

Svetlana O. Izrina

MA in Cultural Studies,
Ph.D. Student of the Institute of Philosophy

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: s.o.izrina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2220-8182>
ResearcherID: AAS-4631-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Изрина С.О. Феномен трансгендерности и современная концепция андрогинии: культурфилософский анализ // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2021. Вып. 2. С. 212–221.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-212-221

For citation:

Izrina S.O. [Phenomenon of transgenderism and the modern concept of androgyny: philosophical and cultural analysis]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 212–221 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-212-221

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235

**ТЕМНАЯ ТЕТРАДА ЛИЧНОСТИ:
ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ***Дериш Федор Валерьевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)*

Последние исследования в изучении социально-неодобряемых (негативных) личностных характеристик посвящены расширению и улучшению существующих концептов и моделей. Путем присоединения к Темной триаде негативных черт повседневного садизма была сформирована модель «Темная Тетрада» личности. Целью настоящей работы является анализ современных исследований, направленных на изучение Темной Тетрады личности, а именно Макиавеллизма, субклинической психопатии, нарциссизма и садизма. Исследования показывают, что в последнее время повседневный садизм рассматривается как нормативная черта личности, характеризующаяся склонностью к целенаправленному унижению других людей, причинению физических, сексуальных или психологических страданий другим людям ради получения удовольствия. Сходными проявлениями повседневного садизма и черт Темной триады являются асоциальное поведение в повседневности и в сети Интернет. Повседневный садизм выступает лучшим предиктором различных проявлений: девиантного поведения подростков, неспровоцированной агрессии, травли, кибербуллинга, контрпродуктивного поведения на работе. Садизм и психопатия являются наиболее негативными чертами и связаны с девиантными и асоциальными проявлениями. В исследованиях, посвященных анализу структуры черт Тетрады, было показано, что (1) садизм приводит к большей устойчивости Темной Тетрады, (2) черты комплекса эмпирически и теоретически перекрываются, а (3) общим ядром выступают скорее дефицит эмпатии (бессердечность) и манипулятивность, нежели другие характеристики.

Ключевые слова: личность, личностные черты, Темная триада, Темная Тетрада, Макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, повседневный садизм.

THE DARK TETRAD OF PERSONALITY: REVIEW OF RECENT RESEARCH*Fedor V. Derish**Perm State University (Perm)*

Recent studies of socially aversive (negative) personality traits have focused on the expansion of different concepts and models. As a result, there emerged the Dark Tetrad personality model (which includes Machiavellianism, subclinical psychopathy, narcissism, and sadism). The paper provides a review of current works on the Dark Tetrad of personality. According to recent research, everyday sadism is a personality trait characterized by a tendency to purposefully humiliate people, causing physical, sexual or psychological suffering for the sake of pleasure. Similar manifestations of everyday sadism and the Dark Triad are antisocial behavior in everyday life and on the Internet. Everyday sadism is the best predictor of various features: deviant behavior in adolescents, affective and cognitive empathy, unprovoked aggression, bullying, cyberbullying, and counterproductive work behavior. Sadism and psychopathy have the «darkest» properties. In general, the results of the studies demonstrate that (1) sadism leads to greater sta-

bility of the Dark Tetrad as a complex of personality traits, (2) all of the «dark» properties overlap empirically and theoretically, and (3) the Dark Core is described by empathy deficit (callousness) and manipulativeness rather than other characteristics (e.g. Factor 1 of psychopathy).

Keywords: personality, personality traits, Dark triad, Dark Tetrad, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, everyday sadism.

Введение

На протяжении почти 20 лет у исследователей сохраняется интерес к так называемой Темной триаде личности, представленной тремя негативными нормативными чертами: Макиавелизмом, нарциссизмом и психопатией [Paulhus D.L., Williams K., 2002]. Они описывают социально-нежелательные формы поведения, такие как доминирование, манипулирование, эксплуатацию, злорадство, циничность и мн. др. [Paulhus D.L., 2014; Корниенко Д.С., Дериш Ф.В., 2019; Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014]. На настоящий момент интерес к «темной стороне» личности сохраняется и проявляется в расширении числа и содержания таких характеристик, позволяющих исследователям изучать индивидуальные различия в целом во всей популяции. Последние работы в данном направлении посвящены расширению и улучшению существующих концептов и моделей «темных» черт [Dinić B.M. et al., 2021; Bertl B. et al., 2017]. Так, в процессе осмысления получаемых результатов возникла модель Темная Тетрада личности, состоящая уже из четырех негативных черт: к Темной триаде был присоединен повседневный садизм. Целью настоящей работы является анализ современных исследований, направленных на изучение Темной Тетрады личности как комплекса. В частности, будут рассмотрены структура и новая для комплекса черта — субклинический садизм.

Садизм как «темная» черта личности

В руководстве к психическим расстройствам от 1987 г. [Diagnostic and statistical manual..., 1987] указаны критерии садистического расстройства личности. В нем описывается стойкая и неадаптивная модель доминирующего, жестокого, унижающего и агрессивного поведения [Millon T. et al., 2004]. В критериях подчеркивается, что садистическое поведение может быть связано с причинением как физических (например, агрессия), так и психологических (например, унижение, запугивание)

страданий. Основными мотивами садистического поведения являются доминирование над другими, причинение боли и страданий. Кроме того, дополнительно садизм может проявляться в склонности наблюдать за страданиями других людей и животных. Данные критерии расстройства личности являются наиболее существенными, поскольку они отражают крайние проявления садизма как черты личности.

В целом садизм определяется как паттерн жестокого и асоциального поведения, как склонность к целенаправленному унижению других людей, а также к причинению физических, сексуальных или психологических страданий другим людям для получения удовольствия [O'Meara A. et al., 2011]. Такое определение позволяет расширить концепт садизма от психопатологии до нормы, до так называемого субклинического садизма. Рассматривая такой садизм, авторы выделяют разные особенности. Например, Е. Бакелс и коллеги (2013) подчеркивают наличие мотивации жестокости у садистов как самоцели, т.е. когда садист стремится причинить боль ради факта причинения самой боли [Buckels E.E. et al., 2013]. Другие авторы включают в понятие садизма доминирование и опосредованные мотивы жестокого поведения [Chabrol H. et al., 2009; O'Meara A. et al., 2011].

В недавнем обзоре Ю.А. Атаджиковой и С.Н. Ениколопова подробно рассматривается садизм и его основные формы [Атаджикова Ю.А., Ениколопов С.Н., 2021]. Вкратце обозначим, что при изучении садизма выделяют сексуальную форму, подразумевая расстройство влечения (парафилия) [Bixby K. et al., 2019; Ткаченко А.А., 1999], антисоциальную форму (физический, прямой садизм как проявление расстройства личности) [Hagger-Johnson G., Egan V., 2010; Holt S.E. et al., 1999], субклиническую форму (повседневный садизм как нормативная черта личности) [Balakrishnan A. et al., 2017; Buckels E.E. et al., 2013]. На данный момент садизм определяется как уникальная черта личности, которая характеризует в норме социально-нежелательные

формы поведения и при экстремальных значениях выраженности говорит о повышенной вероятности расстройства личности [Buckels E.E. et al., 2013]. Соответственно, исследования на нормативной выборке рассматривают формы садизма как проявления граней личностной черты.

Исследование субклинического садизма возникло относительно недавно [Buckels E.E. et al., 2013; Chabrol H. et al., 2009]. Так, в исследовании девиантного поведения подростков [Chabrol H. et al., 2009] было обнаружено, что садизм оказался умеренно связанным с такими проявлениями, как поиск ощущений, депрессивность, импульсивность, нарциссизм, психопатия и Макиавеллизм. При оценке вклада в девиантное поведение именно садизм обладал наибольшей предсказательной способностью, причем это было характерно только для мальчиков. Авторы объясняли данный результат ролью психопатических черт.

Для выделения садизма как отдельной личностной черты необходимо подтвердить ее исключительность и несводимость к другим характеристикам. Например, характерной особенностью садизма является направленность на нанесение вреда, что очень близко к представлениям об агрессивном поведении. Сходным для психопатии и садизма является также склонность причинять боль и страдания. Однако психопатические личности делают это ради того, чтобы получить то, что они хотят, не заботясь о том, что они причинили кому-либо вред [Hare R.D., Neumann C.S., 2008]. Садисты же причиняют боль ради удовольствия, которое они получают от этого [Paulhus D.L., Dutton D.G., 2016].

В одном из самых известных исследований, посвященных изучению особенностей поведения садистов, было показано, что садизм оказался связанным с меньшей вероятностью отказа от попыток неспровоцированной агрессии и связан с большей вероятностью отказа от агрессии, если противник был агрессивен по отношению к ним. В совокупности эти результаты свидетельствуют о том, что садисты обладают внутренней мотивацией причинять страдания невинным людям — мотивацией, которая уникальна для данной черты [Buckels E.E. et al., 2013].

В двух других исследованиях изучалась связь между садизмом, психопатией и агрессией. В

одном исследовании было обнаружено, что признаки садистического расстройства личности на неклинической выборке тесно связаны с прямой агрессией и косвенной агрессией — агрессией против социального статуса (например, сплетни, распространение слухов) [Schmeelk K.M. et al., 2008]. Как и в большинстве исследований по агрессивности, садизм и психопатия мужчин умеренно связаны с обоими типами агрессии. В другом исследовании изучалась связь имплицитного садизма, субклинической психопатии и неспровоцированной агрессии. Исследователи предполагали, что психопатия является более общей личностной характеристикой по сравнению с садизмом, который будет выступать как медиатор связи между психопатией и неспровоцированной агрессией. Однако оказалось, что психопатия и имплицитный садизм вносят независимый друг от друга вклад в неспровоцированную агрессию. Полученные результаты показывают, что садизм и агрессия являются различными личностными характеристиками [Reidy D.E. et al., 2011].

В недавнем метаанализе [O'Connell D., Marcus D., 2019] предпринята попытка обобщить исследования взаимосвязи психопатии и садизма у заключенных мужчин. Усредненная корреляция составила 0,25, причем достоверных различий не было обнаружено между тем, как оценивался садизм (клинический чек-лист или самооценочный опросник), несмотря на большую корреляцию самооценочного садизма, рассматриваемого как черта личности (0,38 против 0,21). Несмотря на то что садизм и психопатия тесно связаны между собой, некоторые виды антисоциального поведения и удовольствия от причинения вреда могут быть уникальными для садизма, что подтверждается рядом других исследований [James J., Proulx J., 2014; Kirsch L.G., Becker J.V., 2007; Porter S. et al., 2003].

Темная триада и повседневный садизм

Субклиническая психопатия вместе с субклиническим нарциссизмом и Макиавеллизмом образуют так называемую Темную триаду личности — комплекс черт, характеризующийся относительным постоянством эмпирических взаимосвязей, сходством в проявлениях и связях с другими характеристиками. В исследованиях, посвященных изучению агрессивного по-

ведения и черт Темной триады, были обнаружены тесные взаимосвязи. Психопатия является наиболее социально-нежелательной чертой среди черт Темной триады, она наиболее тесно связана с реактивной и проактивной агрессией [Barlett C.P., 2016; Jonason P.K. et al., 2015], а совместно с Макиавеллизмом предсказывает акты насилия [Pailing A. et al., 2014]. Макиавеллизм также демонстрирует прямую связь с проактивной и реактивной агрессией [Barlett C.P., 2016]. Для нарциссизма характерны проявления агрессии в результате провокаций или оскорблений (реактивная агрессия) [Book A. et al., 2016]. В недавнем исследовании [Dinić B.M., Wertag A., 2018] было показано, что все черты Темной триады связаны с реактивной и проактивной агрессией. Причем с реактивной агрессией связи слабее, чем с проактивной. Кроме того, обычные садисты, по сравнению с несадистами, получают больше удовольствия, причиняя вред, при этом степень удовольствия положительно коррелирует с повышением тяжести наносимого вреда [Chester D.S. et al., 2019]. Черты Темной триады и субклинический садизм обнаруживают сходство в проявлении большей агрессии. Постоянство в реализации агрессивных тенденций предполагает сниженную способность в сопереживании (или эмпатии) объектам агрессии.

Сниженная эмпатия является одной из характерных особенностей Темной триады личности. В одном исследовании [Pajevic M. et al., 2018] было показано, что все «темные» черты отрицательно связаны с аффективной эмпатией. В свою очередь, для когнитивной эмпатии связи различались: когнитивная эмпатия отрицательно коррелировала с Макиавеллизмом и психопатией и положительно — с нарциссизмом. Связи отличались в зависимости от способа измерения эмпатии. Было обнаружено [Kajonius P.J., Björkman T., 2020], что черты Темной триады отрицательно связаны с самооценочной эмпатией и не связаны с эмпатией, оцененной с помощью теста способностей. Подобные особенности обнаружены и в отношении садизма. Так, Р. Баумейстер [Baumeister R.F., Campbell W.K., 1999] утверждал, что настоящие садисты используют свою способность к пониманию состояния другого для использования чувств других людей, чтобы причинять им страдания. Позднее было показа-

но, что садизм отрицательно связан с аффективной эмпатией и не связан или незначительно положительно коррелирует с когнитивной эмпатией [Sest N., March E., 2017; Buckels E.E. et al., 2013; O'Meara A. et al., 2011]. Как оказалось, «темные» личности способны понимать состояния других людей, но не склонны к этому.

Указанные сходства четырех социально-нежелательных черт показывают расширение Темной триады за счет присоединения повседневного садизма. Наиболее общие проявления повседневного садизма и черт Темной триады фокусируются на бессердечии и сниженной эмпатии [Paulhus D.L., 2014; Pajevic M. et al., 2018]. Кроме того, по результатам разных исследований повседневный садизм не сводится к чертам Темной триады. Повседневный садизм имеет общие с ними корреляты и обладает собственной уникальной особенностью — стремлением к получению удовольствия от страданий других людей [Chester D.S. et al., 2019].

Проявления Темной Тетрады личности

Впервые в работе Г. Шаброль (2009) было предложено включить субклинический садизм в Темную Тетраду личности, поскольку данные черты сходным образом предсказывали девиантное поведение у подростков. Еще в первом исследовании было обнаружено, что садизм положительно коррелирует с чертами Темной Триады на уровне от 0,27 до 0,37 [Chabrol H. et al., 2009]. В дальнейшем данный эмпирический факт неоднократно подтверждался. В последних работах корреляция между Макиавеллизмом, психопатией, нарциссизмом и повседневным садизмом варьирует от 0,21 до 0,69 [Fernández-Del-Río E. et al., 2021; Van Geel M. et al., 2017; Book A. et al., 2016]. Однако исследований Темной Тетрады, в которых оценивается совместный вклад в различные характеристики, относительно немного. В соответствии с целью данного обзора далее будут рассмотрены те исследования, в которых одновременно рассматривались все черты Темной Тетрады.

При изучении связи Темной Тетрады с эмпатией результаты оказываются различными для отдельных черт комплекса. Несмотря на наличие отрицательных корреляций с аффективной эмпатией, при оценке совместного вклада Макиавеллизм, психопатия и нарцис-

сизм отрицательно предсказывали значения аффективной эмпатии, Макиавеллизм отрицательно, а нарциссизм положительно предсказывали значения когнитивной эмпатии. Удивительным фактом является то, что садизм был единственным значимым предиктором распознавания эмоций [Pajević M. et al., 2018]. В более позднем исследовании было доказано, что Макиавеллизм, нарциссизм и психопатия предсказывают эмпатию как черту личности и не связаны с распознаванием эмоций, что подтверждает результаты, полученные М. Пажевик и коллегами [Kajonius P.J., Björkman T., 2020]. Вероятно, садизм и нарциссизм играют существенную роль в понимании эмоций и состояний других людей. Если для нарциссизма ориентация на других людей необходима для эксплуатации и управления впечатлением, то для садизма является характерным поиск уязвимостей людей [Ritchie M.B. et al., 2019]. Для нарциссизма, психопатии и Макиавеллизма характерна общая незаинтересованность к чувствам других людей, что и объясняет получаемые в разных исследованиях результаты.

Асоциальное поведение также является характерной особенностью для «темных» черт, в том числе и для Темной Тетрады. Как было указано ранее, между чертами Темной Тетрады обнаружена тесная связь с девиантным поведением подростков [Chabrol H. et al., 2009]. Кроме того, Темная Тетрада является предиктором вандального поведения. Наибольшую роль в вандализме играют психопатия и садизм, что связано с естественным для садизма стремлением получать удовольствие от нанесения вреда и характерным для психопатии игнорированием норм и правил [Pfattheicher S. et al., 2019]. Реализуемое асоциальное поведение всегда сопровождается определенными рисками, склонность к которому связана с чертами Темной Тетрады. При детальном анализе обнаружено, что Макиавеллизм не вносит существенного вклада в склонность к риску, по-видимому, из-за более высокой саморегуляции макиавеллистов. Для садизма склонность к риску более характерна, чем для черт Тетрады [Stanwix S., Walker B.R., 2020].

Асоциальные проявления для черт Тетрады наблюдаются и в сети Интернет. В обзоре последних работ, посвященных изучению связи негативных черт личности и характеристик

асоциального поведения в сети [Moog L., Anderson J.R., 2019], показано, что черты Темной Тетрады связаны с высмеиванием других в сети, отправкой откровенных изображений, распространением сообщений, содержащих сексуальный контент; неконтролируемым увлечением онлайн-играми, Интернетом, социальными сетями; скрытым наблюдением за партнерами в сети. Обобщая роль отдельных черт Тетрады, психопатия оказалась наиболее сильно и устойчиво связанной с большинством асоциальных форм поведения в Интернете, за ней следовали Макиавеллизм и повседневный садизм. Нарциссизм был связан с менее асоциальными формами поведения: со склонностью к скрытому слежению за своими партнерами и распространением сексуального контента.

Некоторые интересные результаты для черт Темной Тетрады были получены при изучении деструктивного поведения на работе. Так, в серии исследований [Fernández-Del-Río E. et al., 2020] после контроля факторов пола, возраста и включения переменных, связанных с работой, а также Честности-склонности к обману и черт Большой пятерки нарциссизм и Макиавеллизм оказались положительно связаны с продуктивностью по задачам, в то время как психопатия и садизм — отрицательно. Нарциссизм из всех черт Тетрады вносит наибольший вклад в контекстуальную деятельность, тем самым демонстрируя просоциальное поведение. Если для нарциссизма контекстуальная деятельность обеспечивает достижение собственных целей и оказание влияния на других людей, то для садизма наиболее характерны контрпродуктивное поведение, характеризующееся унижением коллег, участием и организацией травли; агрессия и жестокость в рабочих отношениях [Fernández-Del-Río E. et al., 2021]. Вероятно, что бессердечие и сниженная эмпатия обуславливают связь между травлей на работе и чертами Темной Тетрады. В целом рабочее поведение, связанное с межличностными взаимоотношениями, в большей мере обусловлено чертами Темной Тетрады, нежели обобщенными чертами личности, причем садизм играет существенную роль в деструктивных отношениях на работе. Сходные результаты были получены и в других исследованиях [Zeigler-Hill V., Besser A., 2019; Min H. et al., 2019].

Помимо обнаруженного сходства в агрессивности и эмпатии, общими проявлениями черт Темной Тетрады являются асоциальное поведение в повседневности [Chabrol H. et al., 2009] и в Интернете [Smoker M., March E., 2017; Sest N., March E., 2017], травля [Van Geel M. et al., 2017], деструктивные рабочие отношения [Fernández-Del-Río E. et al., 2020, 2021], а также предпочтение играть в видеоигры, содержащие насилие [Greitemeyer T., Sagioglou C., 2017]. Параллельно с прикладными исследованиями, демонстрирующими сходство черт Тетрады, существуют более фундаментальные работы, позволяющие ответить на вопрос о структуре Темной Тетрады.

Структура Темной Тетрады личности

В качестве альтернативы многомерному подходу к изучению множества «темных» черт личности (межличностного антагонизма, эгоизма, нарциссизма, разных типов агрессивности, психопатии, Макиавеллизма, садизма, злорадства, зависти и пр.) некоторые авторы отстаивают идею единого общего фактора [Bertl B. et al., 2017] по аналогии с Общим фактором личности [Егорова М.С., Паршикова О.В., 2018]. Данный фактор обозначается как «Темное ядро». Потенциальные характеристики, которые могут выступать в качестве такого ядра, были подробно рассмотрены ранее М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой [Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014]. В последних же работах на роль ядра предлагаются следующие: низкая Доброжелательность и Сознательность модели Большой пятерки [Furnham A. et al., 2013; Paulhus D.L., Williams K., 2002], бессердечие (черствость) и манипулятивность [Bertl B. et al., 2017; Jones D.N., Figueredo A.J., 2013], первичная психопатия [Jones D.N., Figueredo A.J., 2013], быстрая жизненная стратегия [Jonason P.K. et al., 2010], Честность — склонность к обману модели HEXACO [Hodson G. et al., 2018; Book A. et al., 2015].

В масштабном исследовании А. Бук и коллег (2016) была проведена оценка ядра негативных черт посредством эмпирического сопоставления нескольких моделей личности [Book A. et al., 2016]. Проверялись такие характеристики, как факторы Большой пятерки и HEXACO, дефицит эмпатии и быстрая жизненная стратегия. При использовании процедуры канониче-

ского корреляционного анализа модель HEXACO объяснила 84 % общей вариативности негативных черт, тем самым показала наилучшую предсказательную способность. Далее на основе общей вариативности черт Тетрады авторы выявили ядро комплекса и проанализировали его связь с чертами HEXACO. Так, ядро Темной Тетрады охарактеризовалось сниженными Честностью, склонностью к обману, Эмоциональностью, Доброжелательностью и Сознательностью. Важной особенностью Темного ядра оказалась гораздо меньшая, но существенная представленность нарциссизма по сравнению с другими чертами Тетрады. Дополнительно исследователи провели регрессионный анализ для оценки уникальности каждой из черт Тетрады. Так, Макиавеллизм и психопатия в наибольшей степени предсказывались низкой Честностью, склонностью к обману, нарциссизм — Экстраверсией, а садизм — сниженной Эмоциональностью. Таким образом, модель HEXACO оказалась более обобщенной, чем Темная Тетрада, которая, в свою очередь, проявляется в асоциальности и склонности к эксплуатации других.

С другой стороны, исследователями ставится под сомнение включение садизма в Темную Тетраду. В работе Б. Бертл и коллег (2017) сравнивались разные структурные модели парселов (шкал опросников) негативных черт. В результате лучше всего объясняла данные иерархическая модель, состоящая из шкал «длинных» опросников черт Темной триады. Модель состоит из явных переменных — шкал «длинных» опросников, одной скрытой переменной, обозначенной как «Темное ядро», и двух явных переменных: Бессердечия (черствости) и Манипулирования, которые определяют скрытую переменную «Темное ядро» [Bertl B. et al., 2017]. При добавлении садизма и тем самым расширении модели до Темной Тетрады индексы модели становились лучше, но не намного. В связи с этим авторы сделали вывод, что добавление садизма является избыточным.

В исследованиях Б. Динич и коллег (2020) посредством сетевого и таксономического анализа было выявлено, что первичная психопатия (манипулирование и бессердечие) является центральной характеристикой Темной Тетрады (Темным ядром) [Dinić B.M. et al., 2020]. Садизм же делает Темную триаду еще «темнее»,

усиливая асоциальные проявления, однако является скорее избыточным [Dinić B.M. et al., 2021]. При оценке темных черт совместно с просоциальными характеристиками нарциссизм оказывается наиболее важной чертой среди остальных [Parageorgiou K.A. et al., 2019]. Однако когда анализируются только темные черты, нарциссизм также кажется излишним, но он может играть посредническую роль в соединении просоциальных и асоциальных характеристик.

Таким образом, при анализе структуры Темной Тетрады и ее ядра были получены результаты, с одной стороны, поддерживающие расширение Темной триады до Тетрады [Tran U.S. et al., 2018; Book A. et al., 2016], а с другой стороны, наоборот, редуцирующие ее вплоть до Темной диады (нарциссизм и психопатия) [Dinić B.M. et al., 2021; Bertl B. et al., 2017] и исключения нарциссизма [Book A. et al., 2016, 2015]. Интересно, что в случае использования «длинных» версий опросников Темной триады, которые измеряют черты многомерно и затрагивают близкий к патологическому уровень выраженности, субклинический садизм становится избыточным для комплекса. Вероятно, такие результаты обусловлены несколькими причинами: во-первых, в работах использовались разные методологии при анализе данных (факторные против таксономических методов), во-вторых, черты Темной Тетрады оценивались разными опросниками, и, в-третьих, установки исследователей различались относительно потенциального ядра негативных черт личности. Концептуально и эмпирически большая часть исследователей склоняется к тому, что ядерной и более содержательной характеристикой «темных» черт личности является первичная психопатия, представленная дефицитом эмпатии (бессердечностью) и склонностью к манипулированию другими [Dinić B.M. et al., 2021; Bertl B. et al., 2017; Paulhus D.L., 2014].

Заключение

Включение субклинического (повседневного) садизма в комплекс Темной триады является одним из логичных следствий развития познания негативных черт личности. Повседневный садизм имеет общее с чертами Темной триады и в то же время обладает собственной спецификой. Однако садизм отличается по разнооб-

разию проявлений и связей с другими характеристиками. В проанализированных выше исследованиях показано, что черты Темной Тетрады эмпирически и теоретически перекрываются, а садизм хотя и приводит к большей устойчивости комплекса, но это может быть обусловлено тесной связью с психопатией. После добавления садизма комплекс негативных черт становится еще «негативнее».

В изучении негативных черт личности в отечественной психологии наиболее известны исследования Темной триады [Егорова М.С., Ситникова М.А., 2014; Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В., 2016; Корниенко Д.С., Дериш Ф.В., 2019]. Исследования носят в основном прикладной характер, дополняя мировые тренды в изучении личности, а также верифицируя негативные черты личности на российских выборках. Настоящая работа позволяет расширить представления о темных чертах с целью последующего изучения различных аспектов личностного функционирования. Для дальнейшего изучения Темной Тетрады в отечественной психологии необходимы соответствующие инструменты, позволяющие измерять субклинический садизм.

Наиболее перспективным в дальнейшем изучении негативных черт личности представляется продолжение исследований, посвященных изучению структуры Темной Тетрады, изучению «позитивных» (адаптивных, просоциальных) аспектов, половых и возрастных особенностей.

Список литературы

- Атаджыкова Ю.А., Ениколопов С.Н. Феномен обыденного садизма // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2021. № 1. С. 38–56. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.02>
- Егорова М.С., Паришкова О.В. Общий фактор личности // Психологические исследования. 2018. Т. 11, № 62. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1653-egorova62.html> (дата обращения: 25.04.2021).
- Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 38. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (дата обращения: 25.04.2021).
- Корниенко Д.С., Дериш Ф.В. Психометрические характеристики «Короткого опросника Тем-

ной триады» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 525–538. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538>

Красавцева Ю.В., Корнилова Т.В. Свойства Темной триады в регуляции стратегий принятия решений (на материале игровой задачи Айова – IGT) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2016. № 2. С. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-2-22-33>

Ткаченко А.А. Сексуальные извращения — педофилии. М.: Триада-X, 1999. 461 с.

Balakrishnan A., Plouffe R.A., Saklofske D.H. What do sadists value? Is honesty-humility an intermediary? Replicating and extending findings on the link between values and «dark» personalities // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 109. P. 142–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.055>

Barlett C.P. Exploring the correlations between emerging adulthood, Dark Triad traits, and aggressive behavior // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 101. P. 293–298. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.061>

Baumeister R.F., Campbell W.K. The intrinsic appeal of evil: Sadism, sensational thrills, and threatened egotism // Personality and Social Psychology Review. 1999. Vol. 3, iss. 3. P. 210–221. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_4

Bertl B., Pietschnig J., Tran U.S., Stieger S., Voracek M. More or less than the sum of its parts? Mapping the Dark Triad of personality onto a single Dark Core // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 114. P. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.04.002>

Bixby K., White J., Lester D. The Characteristics of Sexual Sadists // Journal of Psychiatry and Behavioral Health Forecast. 2019. Vol. 2, ed. 1. URL: <https://scienceforecastoa.com/Articles/JPBHF-V2-E1-1009.pdf> (accessed: 25.04.2021).

Book A., Visser B.A., Blais J., Hosker-Field A. et al. Unpacking more «evil»: What is at the core of the dark tetrad? // Personality and Individual Differences. 2016. Vol. 90. P. 269–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.11.009>

Book A., Visser B., Volk A.A. Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad // Personality and Individual Differences. 2015. Vol. 73. P. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.09.016>

Buckels E.E., Jones D.N., Paulhus D.L. Behavioral confirmation of everyday sadism // Psychological

Science. 2013. Vol. 24, iss. 11. P. 2201–2209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797613490749>

Chabrol H., Van Leeuwen N., Rodgers R., Séjourné N. Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency // Personality and Individual Differences. 2009. Vol. 47, iss. 7. P. 734–739. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.020>

Chester D.S., DeWall C.N., Enjaian B. Sadism and Aggressive Behavior: Inflicting Pain to Feel Pleasure // Personality Social and Psychological Bulletin. 2019. Vol. 45, iss. 8. P. 1252–1268. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167218816327>

Diagnostic and statistical manual of mental disorders. 3rd ed., revised. Washington, DC: American Psychiatric Association, 1987. 567 p.

Dinić B.M., Sadiković S., Wertag A. Factor mixture analysis of the Dark Triad and Dark Tetrad: Could sadism make a difference? // Journal of Individual Differences. 2021. Vol. 42, iss. 2. P. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000331>

Dinić B.M., Wertag A. Effects of Dark Triad and HEXACO traits on reactive/proactive aggression: Exploring the gender differences // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 123. P. 44–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.003>

Dinić B.M., Wertag A., Tomašević A., Sokolovska V. Centrality and redundancy of the Dark Tetrad traits // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 155. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919305537?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109621>

Fernández-Del-Río E., Ramos-Villagrasa P.J., Barrada J.R. Bad guys perform better? The incremental predictive validity of the Dark Tetrad over Big Five and Honesty-Humility // Personality and Individual Differences. 2020. Vol. 154. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919306403?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109700>

Fernández-Del-Río E., Ramos-Villagrasa P.J., Escartín J. The incremental effect of Dark personality over the Big Five in workplace bullying: Evidence from perpetrators and targets // Personality and Individual Differences. 2021. Vol. 168. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920304815?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110291>

Furnham A., Richards S.C., Paulhus D.L. The Dark Triad: A 10 year review // *Social and Personality Psychology Compass*. 2013. Vol. 7, iss. 3. P. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>

Greitemeyer T., Sagioglou C. The longitudinal relationship between everyday sadism and the amount of violent video game play // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. P. 238–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.021>

Hagger-Johnson G., Egan V. Sadistic personality disorder and sensational interests: What is the size and specificity of the association? // *Journal of Forensic Psychiatry Psychology*. 2010. Vol. 21, iss. 1. P. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/14789940903174220>

Hare R.D., Neumann C.S. Psychopathy as a clinical and empirical construct // *Annual Review of Clinical Psychology*. 2008. Vol. 4, iss. 2. P. 17–46. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091452>

Hodson G., Book A., Visser B.A., Volk A.A., Ashton M.C., Lee K. Is the Dark Triad Common Factor Distinct from low Honesty-Humility? // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 73. P. 123–129. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.11.012>

Holt S.E., Meloy J.R., Strack S. Sadism and psychopathy in violent and sexually violent offenders // *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. 1999. Vol. 27. P. 23–32.

James J., Proulx J. A psychological and developmental profile of sexual murderers: A systematic review // *Aggression and Violent Behavior*. 2014. Vol. 19, iss. 5. P. 592–607. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.08.003>

Jonason P.K., Duineveld J.J., Middleton J.P. Pathology, pseudopathology, and the Dark Triad of personality // *Personality and Individual Differences*. 2015. Vol. 78. P. 43–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.028>

Jonason P.K., Koenig B.L., Tost J. Living a fast life: The Dark Triad and life history theory // *Human Nature*. 2010. Vol. 21, iss. 4. P. 428–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12110-010-9102-4>

Jones D.N., Figueredo A.J. The core of darkness: Uncovering the heart of the Dark Triad // *European Journal of Personality*. 2013. Vol. 27, iss. 6. P. 521–531. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1893>

Kajonius P.J., Björkman T. Individuals with dark traits have the ability but not the disposition to empathize // *Personality and Individual Differences*. 2020. Vol. 155. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919306567?via%3Dihub>

(accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109716>

Kirsch L.G., Becker J.V. Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior // *Clinical Psychology Review*. 2007. Vol. 27, iss. 8. P. 904–922. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2007.01.011>

Millon T., Grossman S., Millon C., Meagher S., Ramnath R. Personality disorders in modern life. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley Sons Inc., 2004. 624 p.

Min H., Pavisic I., Howald N., Highhouse S., Zickar M.J. A systematic comparison of three sadism measures and their ability to explain workplace mistreatment over and above the dark triad // *Journal of Research in Personality*. 2019. Vol. 82. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0092656619300844?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.103862>

Moor L., Anderson J.R. A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 144. P. 40–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.027>

O'Connell D., Marcus D. A meta-analysis of the association between psychopathy and sadism in forensic samples // *Aggression and Violent Behavior*. 2019. Vol. 46. P. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.02.013>

O'Meara A., Davies J., Hammond S. The psychometric properties and utility of the short sadistic impulse scale (SSIS) // *Psychological Assessment*. 2011. Vol. 23, iss. 2. P. 523–531. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022400>

Pailing A., Boon J., Egan V. Personality, the Dark Triad and violence // *Personality and Individual Differences*. 2014. Vol. 67. P. 81–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.11.018>

Pajević M., Vukosavljevic-Gvozden T., Stevanovic N., Neumann C.S. The relationship between the dark tetrad and a two-dimensional view of empathy // *Personality and Individual Differences*. 2018. Vol. 123. P. 125–130. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.009>

Papageorgiou K.A., Benini E., Bilello D., Gianniou F.-M., Clough P.J., Costantini G. Bridging the gap: A network approach to Dark Triad, Mental Toughness, the Big Five, and perceived stress // *Journal of Personality*. 2019. Vol. 87, iss. 6. P. 1250–1263. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12472>

Paulhus D.L. Toward a taxonomy of dark personalities // *Current Directions in Psychological Science*.

2014. Vol. 23, iss. 6. P. 421–426. DOI:

<https://doi.org/10.1177/0963721414547737>

Paulhus D.L., Dutton D.G. Everyday sadism // The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology / ed. by V. Zeigler-Hill, D.K. Marcus. Washington, DC: American Psychological Association, 2016. P. 109–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/14854-006>

Paulhus D.L., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy // Journal of Research in Personality. 2002. Vol. 36, iss. 6. P. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/s0092-6566(02)00505-6)

Pfattheicher S., Keller J., Knezevic G. Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 140. P. 52–56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.049>

Porter S., Woodworth M., Earle J., Drugge J., Boer D. Characteristics of sexual homicides committed by psychopathic and nonpsychopathic offenders // Law and Human Behavior. 2003. Vol. 27, iss. 5. P. 459–470. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1025461421791>

Reidy D.E., Zeichner A., Seibert L.A. Unprovoked aggression: Effects of psychopathic traits and sadism // Journal of Personality. 2011. Vol. 79, iss. 1. P. 75–100. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00691.x>

Ritchie M.B., Blais J., Forth A.E. «Evil» intentions: Examining the relationship between the Dark Tetrad and victim selection based on nonverbal gait cues // Personality and Individual Differences. 2019. Vol. 138. P. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.09.013>

Schmeelk K.M., Sylvers P., Lilienfeld S.O. Trait correlates of relational aggression in a nonclinical sample: DSM-IV personality disorders and psychopathy // Journal of Personality Disorders. 2008. Vol. 22, iss. 3. P. 269–283. DOI: <https://doi.org/10.1521/pedi.2008.22.3.269>

Sest N., March E. Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 119. P. 69–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.038>

Smoker M., March E. Predicting perpetration of intimate partner cyberstalking: Gender and the Dark Tetrad // Computers in Human Behavior. 2017. Vol. 72. P. 390–396. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.012>

Stanwix S., Walker B.R. The Dark Tetrad and advantageous and disadvantageous risk-taking // Per-

sonality and Individual Differences. 2020. Vol. 168. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920305298?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110338>

Tran U.S., Bertl B., Kossmeier M., Pietschnig J., Stieger S., Voracek M. «I'll teach you differences»: Taxometric analysis of the Dark Triad, trait sadism, and the Dark Core of personality // Personality and Individual Differences. 2018. Vol. 126. P. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.01.015>

Van Geel M., Goemans A., Toprak F., Vedder P. Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism // Personality and Individual Differences. 2017. Vol. 106. P. 231–235. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.10.063>

Zeigler-Hill V., Besser A. Dark personality features and workplace outcomes: The mediating role of difficulties in personality functioning // Current Psychology. 2019. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-019-00527-z> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00527-z>

Получена: 30.04.2021. Принята к публикации: 29.05.2021

References

- Atadzhikova, Yu.A. and Enikolopov, S.N. (2021). [The phenomenon of ordinary sadism]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin]. No. 1, pp. 38–56. DOI: <https://doi.org/10.11621/vsp.2021.01.02>
- Balakrishnan, A., Plouffe, R.A. and Saklofske, D.H. (2017). What do sadists value? Is honesty-humility an intermediary? Replicating and extending findings on the link between values and «dark» personalities. *Personality and Individual Differences*. Vol. 109, pp. 142–147. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.12.055>
- Barlett, C.P. (2016). Exploring the correlations between emerging adulthood, Dark Triad traits, and aggressive behavior. *Personality and Individual Differences*. Vol. 101, pp. 293–298. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.05.061>
- Baumeister, R.F. and Campbell, W.K. (1999). The intrinsic appeal of evil: Sadism, sensational thrills, and threatened egotism. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 3, iss. 3, pp. 210–221. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr0303_4

- Bertl, B., Pietschnig, J., Tran, U.S., Stieger, S. and Voracek, M. (2017). More or less than the sum of its parts? Mapping the Dark Triad of personality onto a single Dark Core. *Personality and Individual Differences*. Vol. 114, pp. 140–144. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.04.002>
- Bixby, K., White, J. and Lester, D. (2019). The characteristics of sexual sadists. *Journal of Psychiatry and Behavioral Health Forecast*. Vol. 2, ed. 1. Available at: <https://scienceforecasto.com/Articles/JPBHF-V2-E1-1009.pdf> (accessed 25.04.2021).
- Book, A., Visser, B.A., Blais, J., Hosker-Field, A. et al. (2016). Unpacking more «evil»: What is at the core of the dark tetrad? *Personality and Individual Differences*. Vol. 90, pp. 269–272. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.11.009>
- Book, A., Visser, B. and Volk, A. (2015). Unpacking «evil»: Claiming the core of the Dark Triad. *Personality and Individual Differences*. Vol. 73, pp. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2014.09.016>
- Buckels, E.E., Jones, D.N. and Paulhus, D.L. (2013). Behavioral confirmation of everyday sadism. *Psychological Science*. Vol. 24, iss. 11, pp. 2201–2209. DOI: <https://doi.org/10.1177/0956797613490749>
- Chabrol, H., Van Leeuwen, N., Rodgers, R. and Séjourné, N. (2009). Contributions of psychopathic, narcissistic, Machiavellian, and sadistic personality traits to juvenile delinquency. *Personality and Individual Differences*. Vol. 47, iss. 7, pp. 734–739. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2009.06.020>
- Chester, D.S., DeWall, C.N. and Enjaian, B. (2019). Sadism and aggressive behavior: inflicting pain to feel pleasure. *Personality Social and Psychological Bulletin*. Vol. 45, iss. 8, pp. 1252–1268. DOI: <https://doi.org/10.1177/0146167218816327>
- Diagnostic and statistical manual of mental disorders* (1987). 3rd ed., revised. Washington, DC: American Psychiatric Association, 567 p.
- Dinić, B.M., Sadiković, S. and Wertag, A. (2021). Factor mixture analysis of the Dark Triad and Dark Tetrad: Could sadism make a difference? *Journal of Individual Differences*. Vol. 42, iss. 2, pp. 74–83. DOI: <https://doi.org/10.1027/1614-0001/a000331>
- Dinić, B.M. and Wertag, A. (2018). Effects of Dark Triad and HEXACO traits on reactive/ proactive aggression: Exploring the gender differences. *Personality and Individual Differences*. Vol. 123, pp. 44–49. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.003>
- Dinić, B.M., Wertag, A., Tomašević, A. and Sokolovska, V. (2020). Centrality and redundancy of the Dark Tetrad traits. *Personality and Individual Differences*. Vol. 155. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919305537?via%3Dihub> (accessed 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109621>
- Egorova, M.S. and Parshikova, O.V. (2018). [General factor of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 11, no. 62. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n62/1653-egorova62.html> (accessed 25.04.2021).
- Egorova, M.S. and Sitnikova, M.A. (2014). [Dark Triad]. *Psikhologicheskie issledovaniya*. Vol. 7, no. 38. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n38/1071-egorova38.html> (accessed 25.04.2021).
- Fernández-Del-Río, E., Ramos-Villagrasa, P.J. and Barrada, J. (2020). Bad guys perform better? The incremental predictive validity of the Dark Tetrad over Big Five and Honesty-Humility. *Personality and Individual Differences*. Vol. 154. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919306403?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109700>
- Fernández-Del-Río, E., Ramos-Villagrasa, P.J. and Escartin, J. (2021). The incremental effect of Dark personality over the Big Five in workplace bullying: Evidence from perpetrators and targets. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920304815?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110291>
- Furnham, A., Richards, S.C. and Paulhus, D.L. (2013). The Dark Triad: A 10-year review. *Social and Personality Psychology Compass*. Vol. 7, iss. 3, pp. 199–216. DOI: <https://doi.org/10.1111/spc3.12018>
- Greitemeyer, T. and Sagioglou, C. (2017). The longitudinal relationship between everyday sadism and the amount of violent video game play. *Personality and Individual Differences*. Vol. 104, pp. 238–242. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.08.021>
- Hagger-Johnson, G. and Egan, V. (2010). Sadistic personality disorder and sensational interests: What is the size and specificity of the association? *Journal of Forensic Psychiatry Psychology*. Vol. 21, iss. 1, pp. 113–120. DOI: <https://doi.org/10.1080/14789940903174220>
- Hare, R.D. and Neumann, C.S. (2008). Psychopathy as a clinical and empirical construct. *Annual Review of Clinical Psychology*. Vol. 4, iss. 2, pp. 17–46.

DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.clinpsy.3.022806.091452>

Hodson, G., Book, A., Visser, B.A., Volk, A.A., Ashton, M.C. and Lee, K. (2018). Is the Dark Triad common factor distinct from low honesty-humility? *Journal of Research in Personality*. Vol. 73, pp. 123–129. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2017.11.012>

Holt, S.E., Meloy, J.R. and Strack, S. (1999). Sadism and psychopathy in violent and sexually violent offenders. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. Vol. 27, pp. 23–32.

James, J. and Proulx, J. (2014). A psychological and developmental profile of sexual murderers: A systematic review. *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 19, iss. 5, pp. 592–607. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2014.08.003>

Jonason, P.K., Duineveld, J.J. and Middleton, J.P. (2015). Pathology, pseudopathology, and the Dark Triad of personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 78, pp. 43–47. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.01.028>

Jonason, P.K., Koenig, B.L. and Tost, J. (2010). Living a fast life: The Dark Triad and life history theory. *Human Nature*. Vol. 21, iss. 4, pp. 428–442. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12110-010-9102-4>

Jones, D.N. and Figueredo, A.J. (2013). The core of darkness: Uncovering the heart of the Dark Triad. *European Journal of Personality*. Vol. 27, iss. 6, pp. 521–531. DOI: <https://doi.org/10.1002/per.1893>

Kajonius, P.J. and Björkman, T. (2020). Individuals with dark traits have the ability but not the disposition to empathize. *Personality and Individual Differences*. Vol. 155. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886919306567?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.109716>

Kirsch, L.G. and Becker, J.V. (2007). Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: Implications for violent and sadistic behavior. *Clinical Psychology Review*. Vol. 27, iss. 8, pp. 904–922. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2007.01.011>

Kornienko, D.S. and Derish, F.V. (2019). [Psychometric properties of the Short Dark Triad measure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 4, pp. 525–538. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-525-538>

Krasavceva, Yu.V. and Kornilova, T.V. (2016). [The Dark Triad traits in the regulation of decision-making strategies]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikholog-*

icheskie nauki [Bulletin of Moscow State Region University. Series: Psychology]. No. 2, pp. 22–33. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2016-2-22-33>

Millon, T., Grossman, S., Millon, C., Meagher, S. and Ramnath, R. (2004). *Personality disorders in modern life*. 2nd ed. Hoboken, NJ: John Wiley Sons Inc. Publ., 624 p.

Min, H., Pavisic, I., Howald, N., Highhouse, S. and Zickar, M.J. (2019). A systematic comparison of three sadism measures and their ability to explain workplace mistreatment over and above the dark triad. *Journal of Research in Personality*. Vol. 82. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0092656619300844?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jrp.2019.103862>

Moor, L. and Anderson, J.R. (2019). A systematic literature review of the relationship between dark personality traits and antisocial online behaviours. *Personality and Individual Differences*. Vol. 144, pp. 40–55. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.02.027>

O’Connell, D. and Marcus, D. (2019). A meta-analysis of the association between psychopathy and sadism in forensic samples. *Aggression and Violent Behavior*. Vol. 46, pp. 109–115. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.avb.2019.02.013>

O’Meara, A., Davies, J. and Hammond, S. (2011). The psychometric properties and utility of the short sadistic impulse scale (SSIS). *Psychological Assessment*. Vol. 23, iss. 2, pp. 523–531. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0022400>

Pailing, A., Boon, J. and Egan, V. (2014). Personality, the Dark Triad and violence. *Personality and Individual Differences*. Vol. 67, pp. 81–86. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.11.018>

Pajevic, M., Vukosavljevic-Gvozden, T., Stevanovic, N. and Neumann, C.S. (2018). The relationship between the dark tetrad and a two-dimensional view of empathy. *Personality and Individual Differences*. Vol. 123, pp. 125–130. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.11.009>

Papageorgiou, K.A., Benini, E., Bilello, D., Gianniou, F., Clough, P.J. and Costantini, G. (2019). Bridging the gap: A network approach to Dark Triad, Mental Toughness, the Big Five, and perceived stress. *Journal of Personality*. Vol. 87, iss. 6, pp. 1250–1263. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12472>

Paulhus, D.L. (2014). Toward a taxonomy of dark personalities. *Current Directions in Psychological Science*. Vol. 23, iss. 6, pp. 421–426. DOI: <https://doi.org/10.1177/0963721414547737>

- Paulhus, D.L. and Dutton, D.G. (2016). Everyday sadism. *The dark side of personality: Science and practice in social, personality, and clinical psychology*, ed. by V. Zeigler-Hill, D.K. Marcus.. Washington, DC: American Psychological Association Publ., pp. 109–120. DOI: <https://doi.org/10.1037/14854-006>
- Paulhus, D.L. and Williams, K. (2002). The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. *Journal of Research in Personality*. Vol. 36, iss. 6, pp. 556–563. DOI: [https://doi.org/10.1016/s0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/s0092-6566(02)00505-6)
- Pfafftheicher, S., Keller, J. and Knezevic, G. (2019). Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences*. Vol. 140, pp. 52–56. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.049>
- Porter, S., Woodworth, M., Earle, J., Drugge, J. and Boer, D. (2003). Characteristics of sexual homicides committed by psychopathic and nonpsychopathic offenders. *Law and Human Behavior*. Vol. 27, iss. 5, pp. 459–470. DOI: <https://doi.org/10.1023/a:1025461421791>
- Reidy, D.E., Zeichner, A. and Seibert, L.A. (2011). Unprovoked aggression: Effects of psychopathic traits and sadism. *Journal of Personality*. Vol. 79, iss. 1, pp. 75–100. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2010.00691.x>
- Ritchie, M.B., Blais, J. and Forth, A.E. (2019). «Evil» intentions: Examining the relationship between the Dark Tetrad and victim selection based on nonverbal gait cues. *Personality and Individual Differences*. Vol. 138, pp. 126–132. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.09.013>
- Schmeelk, K.M., Sylvers, P. and Lilienfeld, S.O. (2008). Trait correlates of relational aggression in a nonclinical sample: DSM-IV personality disorders and psychopathy. *Journal of Personality Disorders*. Vol. 22, iss. 3, pp. 269–283. DOI: <https://doi.org/10.1521/pedi.2008.22.3.269>
- Sest, N. and March, E. (2017). Constructing the cyber-troll: Psychopathy, sadism, and empathy. *Personality and Individual Differences*. Vol. 119, pp. 69–72. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.06.038>
- Smoker, M. and March, E. (2017). Predicting perpetration of intimate partner cyberstalking: Gender and the Dark Tetrad. *Computers in Human Behavior*. Vol. 72, pp. 390–396. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chb.2017.03.012>
- Stanwix, S. and Walker, B.R. (2020). The Dark Tetrad and advantageous and disadvantageous risk-taking. *Personality and Individual Differences*. Vol. 168. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0191886920305298?via%3Dihub> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2020.110338>
- Tkachenko, A.A., (1999). *Seksual'nye izvrashcheniya — parafilii* [Sexual perversions — paraphilias]. Moscow: Triada-X Publ., 461 p.
- Tran, U.S., Bertl, B., Kossmeier, M., Pietschnig, J., Stieger, S. and Voracek, M. (2018). «I'll teach you differences»: Taxometric analysis of the Dark Triad, trait sadism, and the Dark Core of personality. *Personality and Individual Differences*. Vol. 126, pp. 19–24. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.01.015>
- Van Geel, M., Goemans, A., Toprak, F. and Veder, P. (2017). Which personality traits are related to traditional bullying and cyberbullying? A study with the Big Five, Dark Triad and sadism. *Personality and Individual Differences*. Vol. 106, pp. 231–235. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2016.10.063>
- Zeigler-Hill, V. and Besser, A. (2019). Dark personality features and workplace outcomes: The mediating role of difficulties in personality functioning. *Current Psychology*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s12144-019-00527-z> (accessed: 25.04.2021). DOI: <https://doi.org/10.1007/s12144-019-00527-z>

Received: 30.04.2021. Accepted: 29.05.2021

Об авторе

Дериш Федор Валерьевич
старший преподаватель кафедры
общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>
ResearcherID: ASS-7480-2021

About the author

Fedor V. Derish
Senior Lecturer of the Department
of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: fedor.derish@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8929-9093>
ResearcherID: ASS-7480-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Дериш Ф.В. Темная Тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 222–235. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235

For citation:

Derish F.V. [The Dark Tetrad of personality: review of recent research]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 222–235 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235

УДК 159.922.6–053.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-236-249

**ОТНОШЕНИЕ КО ВРЕМЕНИ И СВОЕМУ ВОЗРАСТУ
ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПСИХОЛОГИЧЕСКИМ БЛАГОПОЛУЧИЕМ
И САМООЦЕНКОЙ ЗДОРОВЬЯ
НА ЭТАПЕ ПОЗДНЕГО ОНТОГЕНЕЗА**

Павлова Надежда Сергеевна

Институт психологии Российской академии наук (Москва)

Целью работы является изучение временной перспективы личности и субъективного возраста как детерминант психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем людей на этапе позднего онтогенеза, ведущих различный образ жизни. На основе результатов Опросников ZPTI (Ф. Зимбардо), «Диагностики субъективного возраста» (Б. Барак), SF-36 «Health status survey» и «Шкал психологического благополучия» (К. Рифф) анализируются особенности временной перспективы личности, субъективного возраста, самооценки здоровья и психологического благополучия в группах пенсионеров (58–93 года), ведущих различный образ жизни: пожилые люди, находящиеся на надомном социальном обслуживании; неработающие пенсионеры, ведущие активный образ жизни. Показано, что категории «временная перспектива» и «субъективный возраст» выражают отношение человека ко времени, но относятся к разным аспектам индивидуальности. Субъективный возраст более связан с оценкой физического состояния — физический компонент качества жизни, связанного со здоровьем. Временная перспектива — с личностными особенностями — психологический компонент качества жизни, связанного со здоровьем, психологическое благополучие. Самооценка здоровья и психологическое благополучие тесно коррелируют с отношением к настоящему и прошлому. Модус будущего остается в зоне высокой неопределенности. Чем моложе чувствует себя человек, тем выше показатели качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического благополучия. Активный образ жизни является ресурсом, позволяющим оценивать моложе биологический и социальный субъективный возраст, быть более ориентированными на будущее и иметь более высокие показатели качества жизни, связанного со здоровьем. Ограничения, связанные со здоровьем, и домашний образ жизни проявляются в сниженной самооценке здоровья и тесной связи всех исследуемых переменных. Период 65–74 лет, по сравнению с периодом 58–64 и 75–93 года, характеризуется более частой сбалансированной временной перспективой, а также более высокими показателями качества жизни и психологического благополучия. Основные изменения в жизни людей позднего возраста начинаются после 75 лет: снижение всех показателей качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического благополучия (кроме «Автономии»), а также усиление ориентации на «Фаталистическое настоящее». Таким образом, в работе показана взаимосвязь отношения ко времени и своему возрасту с самооценкой здоровья и психологическим благополучием. Исследование субъективного возраста в нашей стране почти не ведется, в этой связи наша работа позволяет расширить знания о субъективном возрасте на российской выборке.

Ключевые слова: благополучное старение, временная перспектива, субъективный возраст, качество жизни, самооценка здоровья, психологическое благополучие, пожилой возраст, активные пенсионеры, пенсионеры на надомном социальном обслуживании.

ATTITUDE TO TIME AND AGE IN RELATION TO PSYCHOLOGICAL WELL-BEING AND HEALTH SELF-ASSESSMENT AT THE LATE ONTOGENESIS STAGE

Nadezhda S. Pavlova

Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences (Moscow)

The aim of the work is to study time perspective and subjective age as determinants of psychological well-being and health-related life quality of people at the late ontogenesis stage, leading a different lifestyle. Based on the results of the ZPTI Questionnaire (F. Zimbardo), «Age-of-me» (B. Barak), SF-36 «Health status survey» and «Psychological well-being Scales» (K. Riff) the features of the time perspective, subjective age, health self-assessment and psychological well-being are analyzed in groups of pensioners (58–93 years old) leading a different lifestyle: elderly non-working people who receive home-based social services and elderly non-working people which lead an active lifestyle. It is shown that the categories «time perspective» and «subjective age» express a person's attitude to time, but relate to different aspects of individuality. Subjective age is more connected with the assessment of physical health status — the physical component of health-related life quality. Time perspective is more connected with personal characteristics — psychological component of health-related life quality; psychological well-being. Self-assessment of health and psychological well-being are closely correlated with the attitude to the present and the past. While the future is in a zone of high uncertainty. The younger the subjective age, the higher the indicators of psychological well-being and health-related life quality. An active lifestyle is a resource that allows pensioners to assess biological and social subjective age younger, be more future-oriented, and have higher indicators of health-related life quality. Health limitations and home lifestyle observed in a reduced health self-assessment and close correlations of all the variables studied. The 65–74 years period, compared to the 58–64 and 75–93 years periods, is characterized by higher indicators of life quality, psychological well-being and the predominance of a balanced time perspective. The main changes in the late-aged people life begin after the age of 75: a decrease in all indicators of health-related life quality and psychological well-being (except for «Autonomy»), as well as an increased focus on the «Fatalistic Present». Thus, the research shows the correlations between attitude to time and age and psychological well-being and health self-assessment. There is almost no study of subjective age in our country. Therefore our work allows us to expand knowledge about subjective age in the Russian sample.

Keywords: well-being aging, time perspective, subjective age, life quality, health self-assessment, psychological well-being, old age, active pensioners, pensioners receiving home-based social services.

Введение

Период позднего онтогенеза характеризуется глобальными физическими и личностными изменениями, касающимися телесности, здоровья, Я-концепции, духовно-нравственной сферы и др. [Кулешова Л.Н., Стрижицкая О.Ю., 2008; Яркин А.В., 2017]. Кроме того, «в этот период происходит выбор пути развития в период старения» [Стрижицкая О.Ю., 2013, с. 119]. В этой связи особую актуальность приобретает исследование внутренних ресурсов личности, позволяющих поддерживать высокий уровень качества жизни и психологического благополучия на этапе позднего онтогенеза.

В нашей работе исследуется взаимосвязь психологического благополучия и самооценки здоровья с отношением ко времени: временная

перспектива личности как преобладающие временные ориентации на будущее, настоящее или прошлое и субъективный возраст как отношение к себе и оценка личного временного ресурса. Изучению временной перспективы людей позднего возраста в последнее время стало уделяться больше внимания [Ермаков С.А., Кашина О.П., 2016; Озерина А.А. и др., 2019; Сурикова Я.А., 2011; Чуева Е.Н., 2011 и др.], в то время как особенности субъективного возраста остаются почти неисследованными в нашей стране. Подробный анализ новейших зарубежных исследований субъективного возраста представлен А.Е. Сергиенко [Сергиенко Е.А., 2020]. Показано, что «субъективный возраст (более старший относительно хронологического) является предиктором смерти, деменции, выраженности посттравматической симптоматики», а также неблагополуч-

ного течения и исхода тяжелого заболевания [Сергиенко Е.А., 2020, с. 25]. В свою очередь, молодой субъективный возраст «становится модератором, смягчающим последствия травматических событий, и связан с благополучным развитием тяжелого заболевания» [Сергиенко Е.А., 2020, с. 25]. У людей старшего возраста он является показателем возможностей справиться со стрессовыми ситуациями (включая старение) и благополучного психического развития.

Кроме того, как потенциал для развития в позднем возрасте отмечается важная роль активности самого субъекта [Ермолаева М.В., 2011; Кулешова Л.Н., Стрижицкая О.Ю., 2008].

Н.С. Пряжниковым предложена периодизация позднего возраста, основанная на анализе социальной ситуации развития, личностных новообразований и ведущей деятельности: «пожилой, предпенсионный возраст (примерно с 55 лет до выхода на пенсию, ожидание и подготовка к пенсии); период после выхода на пенсию (первые несколько лет на пенсии, освоение нового социального статуса); период собственно старости, период стабильной старости (через несколько лет после выхода на пенсию и до момента серьезного ухудшения здоровья); старость и долгожительство в условиях значительного ухудшения состояния здоровья; долгожительство при относительно хорошем здоровье, стабильное долгожительство (примерно после 75–80 лет и старше)» [Пряжников Н.С., 1999, с. 113].

Целью нашей работы является изучение временной перспективы личности и субъективного возраста как детерминант психологического благополучия и качества жизни, связанного со здоровьем людей на этапе позднего онтогенеза, ведущих различный образ жизни.

Исследование организовано на базе Центра социального обслуживания города Москвы с участием неработающих пенсионеров ($N = 48$). Для анализа общая выборка была разбита на подгруппы в зависимости от возраста (58–64 года ($n = 12$); 65–74 года ($n = 14$); 75–93 года ($n = 22$)) и образа жизни:

– Пенсионеры, посещающие Отделение дневного пребывания (ОДП) центра социального обслуживания, т.е. ведущие активный образ жизни, занимающиеся в кружках, секциях, посещающие театры, экскурсии ($n = 19$).

– Одинокие и одиноко проживающие пенсионеры Отделения социального обслуживания

(ОСО) на дому, т.е. имеющие социального работника, который осуществляет помощь по ведению хозяйства и в решении бытовых проблем: доставка продуктов и лекарств, запись к врачу, сопровождение по городу, помощь в оформлении документов и пр. ($n = 29$). Такие люди большую часть времени проводят дома одни либо с сиделкой.

Следует отметить, что группы ОСО и ОДП различны по возрасту ($U = 79,0$; $p = 0,000$). Уравнять их — сложная задача, продиктованная логикой жизни: с увеличением возраста снижается жизненная активность большинства людей. Тем не менее такое деление видится нам важным в контексте изучения субъективных факторов здоровья. Важно отметить также еще одно ограничение выборки — преобладающей частью респондентов являются женщины. В таблице представлены половозрастные и социальные характеристики респондентов.

Для диагностики применялись следующие психодиагностические методики:

1. Опросник SF-36 «Health status survey» (русскоязычная версия, созданная и рекомендованная Межнациональным центром исследования качества жизни) для оценки физического (физическое функционирование, ролевое функционирование, боль, общее здоровье) и психологического (жизнеспособность, социальное функционирование, эмоциональное функционирование, психологическое здоровье) компонентов здоровья [Гуревич К.Г., Фабрикант Е.Г., 2008].

2. «Шкалы психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т.Д. Шевеленковой, П.П. Фесенко [Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П., 2005].

3. Опросник временной перспективы ZPTI Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой и соавторов для диагностики ориентации субъекта на прошлое, настоящее и будущее [Сырцова А. и др., 2008].

4. Опросник «Диагностика субъективного возраста» Б. Барак [Barak B., 2009].

5. Авторская анкета, вопросы которой направлены на изучение ближайших и отдаленных целей субъекта, представлений об идеальной жизни, удовлетворенности жизнью и самореализацией.

Для математической обработки применялись следующие методы математической статистики: критерий Колмогорова–Смирнова для проверки

формы распределения, коэффициент ранговой корреляции Спирмана (r_s), U-критерий Манна–Уитни, t-критерий Стьюдента. Статистический

анализ полученных данных проводился с помощью пакета программ SPSS/Win (версия 16.0; SPSS Inc., США).

Половозрастные и социальные характеристики выборки

Gender, age, and social characteristics of the sample

Характеристики	Группа ОДП		Группа ОСО	
	Число респондентов	%	Число респондентов	%
<i>Пол</i>				
Женщины	16	84,2	26	89,7
Мужчины	3	15,8	3	10,3
<i>Возраст</i>				
58–64 года	10	52,6	2	6,9
65–74 года	6	31,6	8	27,6
75–93 года	3	15,8	19	65,5
<i>Образование</i>				
Среднее специальное	4	21,0	4	13,8
Высшее	15	79,0	20	69,0
Ученая степень	0	0,0	5	17,2
<i>Наличие детей</i>	15	78,9	21	72,4
<i>Проживание</i>				
С родственниками	9	52,9	7	29,2
С сиделкой	0	0	2	8,3
Одинокое проживающие	7	41,2	14	58,3
С домашними животными	1	5,9	1	4,2

Результаты исследования

Особенности качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического благополучия

В предыдущих наших статьях [напр., Павлова Н.С., Сергиенко Е.А., 2020а, 2020б] уже были описаны результаты данного исследования, в этой же работе мы хотим сделать акцент на отношении ко времени и своему возрасту и их взаимосвязи с психологическим благополучием и самооценкой здоровья.

В целом, нами показано, что основные изменения в жизни людей позднего возраста начинаются после 75 лет. Они касаются, прежде всего, снижения всех показателей качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического благополучия (кроме «Автономии», которая, наоборот, с возрастом увеличивается $r_s = 0,369$; $p = 0,012$).

Окончание трудовой деятельности и выход на пенсию (возраст 58–64 года) является кризисным периодом и связан с глобальными изменениями образа жизни и самоидентичности. После 65 лет происходит принятие себя в новой роли, жизнь наполняется новыми событиями. Далее по мере старения (после 75 лет) физические ограничения все более накладывают отпе-

чаток на образ жизни людей. Такая динамика находит отражение на всех показателях качества жизни и шкалах психологического благополучия, кроме «Автономии»: наблюдается сначала рост показателей (в группе 65–74-летних, по сравнению с группой 58–64-летних), а затем их снижение (в группе 74–93-летних, по сравнению с группой 65–74-летних). Статистически значимые различия установлены по всем параметрам самооценки здоровья между группами 65–74 года и 75–93 года, а также по всем параметрам, кроме «Общего здоровья (GH)», между группами 58–64 года и 75–93 года; по «Шкалам психологического благополучия» — между возрастными группами 65–74 и 75–93.

Аналогичная динамика (сначала увеличение, потом снижение) между группами разных возрастов наблюдается в количестве корреляций¹ между психологическим благополучием и качеством жизни, связанным со здоровьем. По мере старения более сопряженными становятся психологическое благополучие и Психологический компонент здоровья, роль Физического компонента снижается.

¹ Здесь и далее, где речь идет о количестве корреляций, учитываются взаимосвязи при $p \leq 0,05$.

Группа активных пенсионеров характеризуется большим разнообразием целей, занятий и увлечений как дома, так и вне его. Образ жизни пенсионеров, находящихся на надомном социальном обслуживании, существенно ограничен состоянием их здоровья, что проявляется среди основных занятий и увлечений, желаемых изменений в себе, основных достижений в жизни и планов на ближнюю и дальнюю перспективу. Они ниже оценивают также состояние своего здоровья: «Физическое функционирование (PF)» ($U = 67,5$ $p = 0,000$), «Боль (BP)» ($U = 132,5$ $p = 0,002$), «Общее здоровье (GH)» ($U = 166,5$ $p = 0,021$), «Жизнеспособность (VT)» ($U = 164,5$ $p = 0,019$), «Социальное функционирование (SF)» ($U = 182,0$ $p = 0,045$), «Физический компонент здоровья (PH)» ($U = 89,0$ $p = 0,000$).

Между группами людей с разным образом жизни нет различий по «Шкалам психологического благополучия».

Интересно отметить, что в группе активных пенсионеров отсутствуют корреляции хронологического возраста с показателями качества жизни и психологического благополучия. В то время как у людей, зависящих от социальной помощи, эти связи есть. Это может свидетельствовать о том, что активный образ жизни позволяет поддерживать более высокий уровень качества жизни вне зависимости от возраста. Однако данный вывод требует проверки ввиду различного возраста респондентов в сравниваемых группах.

Особенности временной перспективы

Данные теста ZPTI показывают, что преобладающими временными ориентациями как для общей выборки, так и для подгрупп ОСО и ОДП являются «Позитивное прошлое» и «Будущее». Вместе с тем сбалансированная временная перспектива, характеризующаяся одновременно высокими показателями по шкалам «Позитивное прошлое», «Гедонистическое настоящее» и «Будущее» и низкими — по шкалам «Негативное прошлое» и «Фаталистическое настоящее» [Сырцова А., 2008], наблюдается лишь у трети респондентов (общая выборка — 28,3 %, ОДП — 27,8 %, ОСО — 28,6 %). Отношение к прошлому и настоящему взаимосвязаны между собой, в то время как модус будущего оказался обособленным. Таким образом, ориентация на будущее в исследуемом возрастном диапазоне

не зависит от прошлого опыта человека и его отношения к настоящим событиям.

Кроме того, подчеркнем выраженность «Позитивного прошлого» во всех возрастных периодах, особенно после 65 лет. Помимо этого, многочисленные исследования [Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А., 2015; Сергиенко Е.А., 2012, 2013b; Barak B., 2009; Baumeister R.F., 1998; Galambos N.L. et al., 2005, 2007; Underhill L., Caldwell F., 1984 и др.], в том числе и наше, показали, что с увеличением количества прожитых лет характерна положительная иллюзия оценки возраста (подробнее см. ниже). Это означает, что людям свойственно оценивать себя моложе своих лет. Эта иллюзия, с одной стороны, позволяет человеку субъективно увеличивать свой временной ресурс, а с другой — опирается на сравнение и идентификацию себя в прошлом.

«Позитивное прошлое» положительно связано с «Гедонистическим настоящим» (общая выборка: $r_s = 0,358$; $p = 0,015$) и отрицательно — с «Фаталистическим настоящим» (общая выборка: $r_s = -0,375$; $p = 0,010$), с «Негативным прошлым» (общая выборка: $r_s = -0,326$; $p = 0,027$). По всей видимости, приятные воспоминания и положительное отношение к своему прошлому являются ресурсным аспектом, поддерживающим пожилого человека и в настоящем времени.

Однако группа активных пенсионеров отличается отсутствием интеграции ее модусов: настоящего, прошлого и будущего. В рамках данного исследования однозначно трудно интерпретировать такие результаты. Можно предположить, что насыщенная увлечениями и различными событиями жизнь способствует образованию сложных нелинейных взаимосвязей аспектов временной перспективы. А домашний образ жизни, ввиду однообразия, актуализирует связь удовлетворенности сегодняшним днем и положительных воспоминаний о прошлом.

С точки зрения отношения ко времени период 64–75 лет является наиболее сбалансированным, когда все три модуса времени актуализированы и интегрированы во временной перспективе личности и коррелируют с качеством жизни. В этом возрасте более высокий уровень качества жизни связан с умением находить радость в сегодняшнем дне. По сравнению с периодом 58–64 лет, возрастает ориентация на «Гедонистическое настоящее» и «Позитивное прошлое». Ведущими ориентациями в группе людей 58–64 лет являются «Позитивное прошлое»

и «Будущее». Аспект настоящего выражен слабо. Опора на свой положительный опыт поддерживает более высокую самооценку здоровья. После 75 лет категория «Позитивное прошлое» также остается одной из ведущих, но вместе с тем значительно возрастает роль «Фаталистического настоящего». Установлено также в целом, усиление ориентации на «Фаталистическое настоящее» по мере старения.

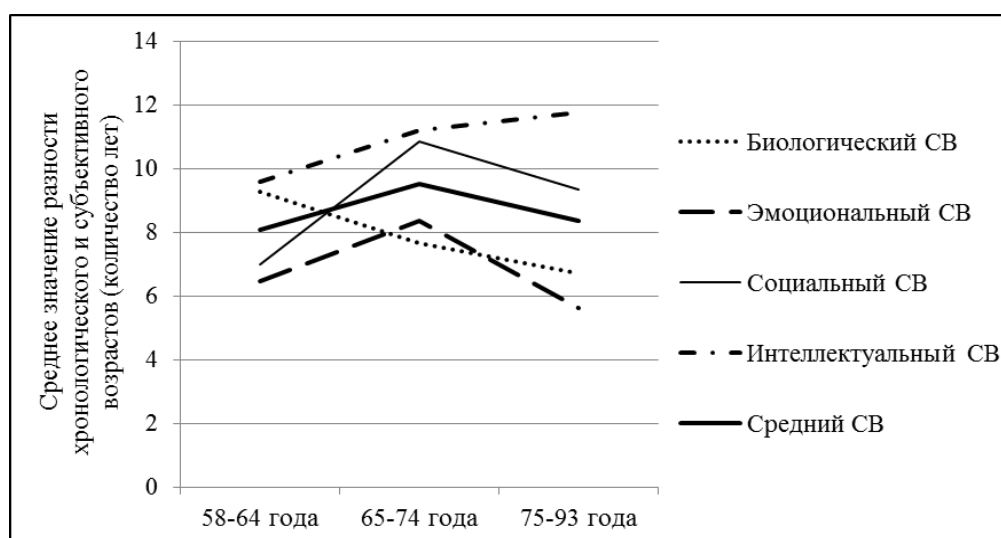
Особенности субъективного возраста и его взаимосвязь с временной перспективой

Субъективный возраст — неоднородный конструкт. Он включает в себя «биологический субъективный возраст — на сколько лет человек себя чувствует; эмоциональный субъективный возраст — на сколько лет он выглядит; социальный субъективный возраст — на сколько лет он действует и интеллектуальный субъективный возраст — какому возрасту соответствуют его интересы» [Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е., 2018, с. 249].

На этапе позднего онтогенеза в оценке субъективного возраста свойственна положительная иллюзия. Люди в среднем занижают свой возраст на 8,7 лет. Статистически значимые сдвиги в оценке возраста наблюдаются по всем четырем компонентам на общей выборке, а также в анализируемых подгруппах, кроме группы 58–64-летних, где достоверные различия получены только для социального и интеллектуального субъективного возрастов.

Активный образ жизни позволяет пожилым людям чувствовать (биологический субъективный возраст, $U = 145,0$ $p = 0,023$) и действовать (социальный субъективный возраст, $U = 155,5$ $p = 0,042$) моложе своего возраста, по сравнению с респондентами, часто находящимися дома. Кроме того, респонденты группы ОДП, по сравнению с группой ОСО, чаще оценивают моложе социальный ($\varphi^* = 2,219$; $p = 0,013$) и средний ($\varphi^* = 2,219$; $p = 0,013$) субъективный возраст и реже оценивают адекватно социальный субъективный возраст ($\varphi^* = 1,663$; $p = 0,048$).

Несмотря на отсутствие статистически значимых различий в оценке своего возраста между респондентами разных возрастных групп, а также отсутствие корреляций хронологического и субъективного возраста, наблюдаются различия в графиках средних значений разницы субъективного и хронологического возрастов в разных возрастных группах (рисунок). Для биологического субъективного возраста присуща тенденция к сокращению разницы в течение всего анализируемого возрастного периода. Для среднего, эмоционального и социального субъективных возрастов после 58 лет по мере старения характерно сначала увеличение разницы, а затем ее уменьшение. Здесь прослеживается параллель с качеством жизни: вместе со снижением качества жизни после 70 лет уменьшается положительная иллюзия оценки возраста и субъективный возраст начинает приближаться к хронологическому.

Динамика оценки субъективного возраста (СВ) по мере старения

Dynamics of subjective age assessment with aging

Интересно отметить, что единственная составляющая субъективного возраста, которая продолжает снижаться по мере старения, — интеллектуальный субъективный возраст. По всей видимости, в отличие от самочувствия, внешнего облика и действий, увлечения меньше подвержены изменению с течением времени и являются как бы проводником к тому возрасту, когда они появились или были наиболее сильными. Так или иначе это отсылка к себе более молодому.

Вместе с тем установлена отрицательная корреляция между разницей интеллектуального субъективного и хронологического возрастов и модуса «Будущее» временной перспективы личности (общая выборка: $r_s = -0,312$; $p = 0,042$; ОДП: $r_s = -0,549$; $p = 0,022$). Таким образом, чем более интересы человека приближены к хронологическому возрасту², тем больше он видит перспектив в будущем. Такая взаимосвязь установлена только в группе активных пенсионеров и в общей выборке. Для группы активных пенсионеров в целом характерна большая ориентация на будущее, по сравнению с группой людей, зависящих от социальной помощи ($t = 2,128$; $p = 0,039$). Здесь можно предположить, что чем больше увлечений среди сверстников (занятия в кружках, посещение экскурсий, тематических мероприятий и пр.), тем более приближенным к хронологическому человек оценивает свой интеллектуальный возраст. А общение в среде единомышленников, наблюдение за их самореализацией в интересном деле, сопоставление себя и своих возможностей позволяет увидеть в будущем больше перспектив для развития. Возможно, в первую очередь именно в сфере увлечений.

Других взаимосвязей, кроме описанной выше и специфичной для группы активных пенсионеров, между субъективным и хронологическим возрастом нет. Вероятно, категории «временная

перспектива» и «субъективный возраст», несмотря на то, что выражают отношение человека ко времени, относятся к разным аспектам индивидуальности. В рамках системно-субъектного подхода в контексте проблемы соотношения категорий «субъект» и «личность» [Сергиенко Е.А., 2013а] гипотетически мы полагаем, что временная перспектива — характеристика личности, а субъективный возраст, отражающий «общую оценку биопсихосоциальных ресурсов человека» [Сергиенко Е.А., 2020, с. 25], «выступает в качестве гибкого психологического механизма регуляции собственных возможностей в различных жизненных ситуациях» [Сергиенко Е.А., 2020, с. 36] и является скорее показателем субъектно-личностной согласованности. Данные гипотезы требуют отдельного анализа и самостоятельного исследования.

Взаимосвязь временной перспективы с самооценкой здоровья и психологическим благополучием

На общей выборке нами показана тесная взаимосвязь временной перспективы с самооценкой здоровья и психологическим благополучием. Временная перспектива личности более связана с Психологическим компонентом здоровья и его составляющими (13 корреляций), чем с Физическим (6 корреляций).

На общей выборке как с Психологическим, так и с Физическим компонентами здоровья наиболее связаны аспекты настоящего времени: «Фаталистическое настоящее» (отрицательные корреляции) — 8 корреляций и «Гедонистическое настоящее» (положительные корреляции) — 7 корреляций. Таким образом, самооценка своего здоровья напрямую связана с отношением к актуальным событиям: позитивная окраска способствует поддержанию более высокого уровня качества жизни, в то время как вера в предопределенность и безнадежное отношение к жизни снижает показатели здоровья. Вместе с тем и уровень качества жизни сопряжен с отношением к временной перспективе: более высокие его показатели позволяют насладиться текущим моментом и укрепить веру в свои силы в противовес убеждению о фаталистичности и предопределенности событий.

С «Психологическим компонентом здоровья» отрицательно связан также фактор «Негативное

² Процент людей, завышающих интеллектуальный субъективный возраст, в группе ОДП равен 0, в группе ОСО — 7, в общей выборке — 4. Процент людей, занижающих интеллектуальный субъективный возраст, в группе ОДП равен 83, в группе ОСО — 74, в общей выборке — 78. Поэтому здесь корректнее говорить именно о приближении разницы к хронологическому возрасту, нежели о завышении субъективного возраста относительно хронологического.

прошлое» — 4 корреляции. Пессимистическое отношение к своему прошлому соответствует сниженному фону настроения, отсутствию жизненных сил, энергии, что, в свою очередь, отражается и на выполнении повседневных дел.

Фактор «Будущее» не имеет статистически значимых корреляций с качеством жизни ни в общей выборке, ни в одной из подгрупп, различных по возрасту или образу жизни. Это говорит о том, что планирование будущего и реализация поставленных целей не связаны с самооценкой здоровья, оставляя будущее в зоне высокой неопределенности.

При рассмотрении групповых особенностей ключевую роль играет фактор прошлого. Активный образ жизни становится субъективным ресурсом обращения к позитивному прошлому, что связано с высоким уровнем качества жизни (с «Позитивным прошлым» — 4 корреляции, с «Негативным прошлым» — 2 корреляции), в то время как ограничения здоровья и связанный с ними домашний образ жизни, наоборот, актуализирует связь пессимистического или негативного отношения к прошлому со снижением самооценки здоровья (с «Позитивным прошлым» — 0 корреляций, с «Негативным прошлым» — 9 корреляций). Группа людей, зависящих от социальной помощи, отличается также большим числом связей модуса настоящего с показателями качества жизни: «Гедонистическое настоящее» ОСО — 5 корреляций, ОДП — 1 корреляция; «Фаталистическое настоящее» ОСО — 2 корреляции, ОДП — 0 корреляций.

Таким образом, для людей, большую часть времени проводящих дома, в целом характерна большая сопряженность временной перспективы и качества жизни. Вместе с тем, как мы отмечали выше, у них наблюдается сниженная самооценка здоровья, по сравнению с группой активных пенсионеров. Это может означать, что снижение показателей качества жизни отражается на жизнедеятельности человека в целом и на отношении ко времени в частности, тем самым усиливая интеграцию с временной перспективой личности.

Анализ возрастной динамики корреляций показал, что наибольшая интеграция временной перспективы и качества жизни наблюдается в возрасте 64–75 лет — 8 связей; в группе 58–64-летних — 6 связей; в группе 75–93-летних — 4 связи. Из всех связей всего 5 касаются Физического компонента здоровья и его параметров,

остальные 13 — Психологического компонента здоровья и его параметров.

Со стороны временной перспективы наблюдаются возрастные особенности: в возрасте 58–64 лет с качеством жизни наиболее связан аспект «Позитивного прошлого» (4 положительные корреляции), в возрасте 65–74 лет — аспект «Гедонистического настоящего» (6 положительных корреляций) и в возрасте 75–93 лет — аспект «Негативного прошлого» (3 отрицательные корреляции). Следовательно, после выхода на пенсию опора на свой положительный опыт поддерживает более высокий уровень качества жизни и психологического благополучия. Этот период характеризуется сменой социального статуса, образа жизни, изменениями самоидентичности. Здесь именно принятие своего прошлого способствует положительному фону настроения, ощущению полноты сил и жизненной энергии, а также отсутствию ощущения сильных физических ограничений в выполнении ежедневных дел. После 65 лет происходит принятие себя в новой роли, жизнь наполняется новыми событиями, увлечениями, и в этой связи более высокий уровень качества жизни связан именно с умением находить радость в сегодняшнем дне. Далее, по мере старения, физические ограничения все более накладывают отпечаток на образ жизни людей. Она становится менее насыщенной событиями, поэтому люди опять обращаются к прошлому опыту. Но здесь уже, наоборот, негативная его оценка связана с возрастанием депрессии, тревоги, переживанием болевых ощущений и связанных с ними ограничениями в осуществлении ежедневной активности.

Временная перспектива личности также сильно взаимосвязана с психологическим благополучием. Установлены корреляции всех шкал теста ZPTI со всеми показателями психологического благополучия, кроме «Автономии» (всего 27 корреляций). Более всего связей с модусами настоящего и прошлого, в то время как с будущим корреляций почти нет. Таким образом, отношение ко времени напрямую связано с отношением к себе, саморазвитием, наличием целей и осмысленности жизни, управлением повседневными делами, отношениями с окружающими. Автономия, т.е. личностная независимость, регуляция поведения и оценка себя исходя из собственных стандартов, является очень ста-

бильным образованием, не связанным с самооценкой здоровья и временной перспективой.

В группе людей, зависящих от социальной помощи (22 корреляции), аналогично с качеством жизни наблюдается больше взаимосвязей и с психологическим благополучием, по сравнению с группой активных пенсионеров (13 корреляций). Отличительной особенностью является также наличие сопряженности показателей психологического благополучия и «Гедонистического настоящего» у людей, проводящих большую часть времени дома (ОСО — 6 корреляций, ОДП — 0 корреляций).

По мере старения связей психологического благополучия и временной перспективы становится больше (58–64 года — 5 корреляций; 65–74 года — 8 корреляций; 75–93 года — 16 корреляций). Однако и у людей, зависящих от социальной помощи, также наблюдается больше корреляций. Принимая во внимание факт, что люди этой группы старше, в рамках нашего исследования невозможно однозначно сказать о том, какой фактор ведущий в увеличении числа корреляций: возраст или образ жизни.

Также можно отметить следующие возрастные особенности: в возрасте 58–64 лет с психологическим благополучием наиболее связан аспект «Позитивного прошлого» (4 положительные корреляции), в возрасте 65–74 лет — аспект «Гедонистического настоящего» (6 положительных корреляций) и в возрасте 75–93 лет — аспект «Негативного прошлого» (5 отрицательных корреляций), «Позитивного прошлого» (5 положительных корреляций), «Фаталистического настоящего» (4 отрицательные корреляции). Аналогичные особенности проявляются и во взаимосвязях с качеством жизни. Они были описаны выше. Отличием является большая сопряженность психологического благополучия и временной перспективы в возрасте старше 75 лет. Низкие показатели психологического благополучия связаны с преобладанием негативной оценки своего прошлого, со снижением позитивного отношения к прошлому и веры в предопределенность настоящего.

Взаимосвязь субъективного возраста с самооценкой здоровья и психологическим благополучием

Чем ниже субъективный возраст (средний, биологический, эмоциональный и социальный), тем выше показатели качества жизни, связанного со

здоровьем. Всего на общей выборке установлено 16 корреляций. Со стороны субъективного возраста наибольшее число корреляций оказалось с биологическим возрастом (как я себя чувствую) — 5, а со стороны качества жизни — с физическим компонентом и его составляющими — 15. С психологическим компонентом здоровья и его составляющими взаимосвязей почти нет. Интеллектуальный субъективный возраст, будучи не связанным с состоянием здоровья, является ресурсным и позволяет в среднем чувствовать себя моложе.

У пожилых людей, занижающих свой возраст, по сравнению с пенсионерами, завышающими или оценивающими адекватно субъективный возраст, более высокие показатели «Жизнеспособности» (для эмоционального субъективного возраста), а также Физического компонента здоровья (для биологического, эмоционального, социального и среднего субъективного возраста) и таких его составляющих, как «Ролевое (физическое) функционирование» (для эмоционального субъективного возраста), «Боль» (для биологического и среднего субъективного возраста), «Общее здоровье» (для биологического, эмоционального, и среднего субъективного возраста). У людей с разной оценкой интеллектуального субъективного возраста различий в самооценке здоровья не установлено. Однако численность группы людей, завышающих субъективный возраст, очень мала. Поэтому эти результаты требуют дополнительной проверки на большей выборке.

Вместе с тем по мере старения корреляций субъективного возраста и качества жизни становится больше (58–64 года — 1 корреляция; 65–74 года — 2 корреляции; 75–93 года — 5 корреляций).

Сравнительный корреляционный анализ групп людей, ведущих различный образ жизни, показал, что для респондентов, большую часть времени проводящих дома, характерны схожие с общей выборкой связи. В то время как для людей, ведущих активный образ жизни, значимых корреляций не уставлено вообще. Мы объясняем это тем, что для людей, почти все время находящихся дома, в оценке качества жизни субъективные (внутренние) компоненты выходят на передний план и поэтому тесно взаимосвязаны с ней. Самооценка возраста оказывается сильно зависящей от показателей здоровья, так как состояние здоровья вносит существенные коррек-

тивы в образ жизни и самовосприятие субъекта. Когда субъект имеет более насыщенную социальную, культурную жизнь, а также больше возможностей для реализации своих интересов, таких однозначных связей нет. Самовосприятие возраста и оценка человеком качества жизни становятся более дифференцированными, и, по всей видимости, вклад субъективных параметров снижается.

Субъективный возраст менее сопряжен с показателями психологического благополучия, чем с самооценкой здоровья. На общей выборке получено 5 статистически значимых корреляций: биологический субъективный возраст — «Личностный рост» ($r_s = 0,3337$; $p = 0,027$); эмоциональный субъективный возраст — «Личностный рост» ($r_s = 0,346$; $p = 0,023$), «Самопринятие» ($r_s = 0,348$; $p = 0,022$), «Интегральный показатель» ($r_s = 0,370$; $p = 0,015$); интеллектуальный субъективный возраст — «Автономия» ($r_s = 0,317$; $p = 0,039$).

Установлены также более высокие значения по шкале «Автономия» у людей, занижающих средний субъективный возраст и все его компоненты, по сравнению с людьми, завышающими оценку своего возраста (биологический $U = 3,5$ $p = 0,040$, эмоциональный $U = 2,0$ $p = 0,007$, социальный $U = 5,5$ $p = 0,048$, интеллектуальный $U = 5,5$ $p = 0,050$ и средний $U = 5,5$ $p = 0,047$ субъективный возраст). Аналогично выше баллы интегрального показателя психологического благополучия у респондентов, занижающих эмоциональный (как я выгляжу) субъективный возраст, по сравнению с респондентами, завышающими его ($U = 12,5$ $p = 0,045$). Однако численность группы людей, завышающих субъективный возраст, очень мала. Поэтому эти результаты требуют дополнительной проверки на большей выборке.

Интересно отметить, что в группах людей 58–64 лет и 65–74 лет не установлено взаимосвязи субъективного возраста и психологического благополучия. В группе респондентов старше 75 лет наблюдается корреляция эмоционального (как я выгляжу) субъективного возраста со шкалой «Управление средой» ($r_s = 0,486$; $p = 0,041$). Таким образом, наличие сопряженности субъективного возраста и психологического благополучия в общей выборке людей пожилого и старшего возраста и отсутствие корреляций в разных возрастных группах еще раз указывают на то, что субъективный возраст является уникальным

конструктом, не зависимым от возраста хронологического.

Аналогично взаимосвязям субъективного возраста и качества жизни, связанного со здоровьем, в группе людей, зависимых от социальной помощи, корреляций субъективного возраста с психологическим благополучием больше, по сравнению с людьми, ведущими активный образ жизни. В группе ОСО установлены следующие корреляции: «Автономия» — социальный ($r_s = 0,420$; $p = 0,037$), интеллектуальный ($r_s = 0,453$; $p = 0,023$), средний ($r_s = 0,435$; $p = 0,030$) субъективный возраст; «Интегральный показатель» — эмоциональный субъективный возраст ($r_s = 0,398$; $p = 0,049$). В группе ОДП лишь одна связь — «Управление средой» и средний субъективный возраст ($r_s = -0,470$; $p = 0,049$).

Выводы

1. Преобладающими временными ориентациями на этапе позднего онтогенеза являются «Позитивное прошлое» и «Будущее». Сбалансированная временная перспектива наблюдается у трети респондентов. В оценке субъективного возраста свойственна положительная иллюзия.

2. Категории «временная перспектива» и «субъективный возраст» выражают отношение человека ко времени, но относятся к разным аспектам индивидуальности. Субъективный возраст более связан с оценкой физического состояния — физический компонент качества жизни, связанного со здоровьем. Временная перспектива — с личностными особенностями — психологический компонент качества жизни, связанного со здоровьем; психологическое благополучие.

3. Самооценка здоровья и психологическое благополучие тесно связаны с отношением к настоящему и прошлому. Модус будущего остается в зоне высокой неопределенности.

4. Чем моложе чувствует себя человек, тем выше показатели качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического благополучия. Самооценка здоровья более сопряжена с биологическим (как я себя чувствую) субъективным возрастом, в то время как психологическое благополучие — с эмоциональным (как я выгляжу) субъективным возрастом.

5. Интеллектуальный (интересы) субъективный возраст и личностная автономия положительно взаимосвязаны между собой, при этом не

коррелируют с самооценкой здоровья и временной перспективой личности. Кроме того, личностная автономия выше у людей, занижающих субъективный возраст, по сравнению с респондентами, завышающими его.

6. Активный образ жизни является ресурсом, позволяющим оценивать моложе биологический и социальный субъективный возраст и быть более ориентированными на будущее. Респонденты этой группы отличаются более высокими показателями самооценки здоровья и меньшим числом корреляций изучаемых переменных, что говорит о множественных вариантах благополучного старения.

7. Ограничения, связанные со здоровьем, и домашний образ жизни проявляются в сниженной самооценке здоровья и тесной связи всех исследуемых переменных. С одной стороны, это говорит о том, что при сниженных показателях качества жизни, актуализируется его взаимосвязь с психологическим благополучием, временной перспективой и субъективным возрастом. А с другой стороны — об интеграции личностных ресурсов для поддержания жизнедеятельности и психологического благополучия.

8. В оценках качества жизни ключевую роль играет аспект прошлого: активный образ жизни порождает связи «Позитивного прошлого» с высоким уровнем качества жизни, в то время как ограничения здоровья и связанный с ними домашний образ жизни, наоборот, актуализируют связь «Негативного прошлого» со снижением самооценки здоровья. У людей, зависящих от социальной помощи, положительная оценка событий настоящего связана с переживанием психологического благополучия.

9. В рамках исследуемого возрастного диапазона период 65–74 года, по сравнению с периодами 58–64 и 75–93 года, характеризуется более высокими показателями качества жизни и психологического благополучия, а также их наиболее тесной связью. Кроме того, в этом возрасте чаще наблюдается сбалансированная временная перспектива и наибольшее число ее корреляций с качеством жизни. По мере старения становится больше взаимосвязей временной перспективы и психологического благополучия, а также субъективного возраста и качества жизни.

10. Основные изменения в жизни людей позднего возраста начинаются после 75 лет: снижение всех показателей качества жизни, связанного со здоровьем, и психологического

благополучия (кроме «Автономии»), а также усиление ориентации на «Фаталистическое настоящее».

Заключение

Таким образом, наше исследование показало особенности временной перспективы и субъективного возраста людей на этапе позднего онтогенеза, ведущих различный образ жизни. Установлена также связь отношения ко времени и своему возрасту с психологическим благополучием и показателями качества жизни, связанного со здоровьем. Большое количество исследований субъективного возраста проводится за рубежом. В нашей стране такая работа почти не ведется, хотя этот конструкт является крайне важным не только как самостоятельный феномен, но и как предиктор деменции, выраженности посттравматической симптоматики, неблагоприятного течения и исхода тяжелого заболевания и даже смерти. В этой связи наше исследование позволяет расширить знания о субъективном возрасте на российской выборке.

Кроме того, данная работа затронула важную методологическую проблему, требующую отдельного рассмотрения и изучения: отношение человека ко времени и соотношение категорий «временная перспектива» и «субъективный возраст» в контексте проблемы субъектно-личностной организации человека.

В настоящий момент нами планируется дополнить выборку респондентами из другого региона и продолжить дальнейшее исследование временной перспективы и субъективного возраста людей на этапе позднего онтогенеза.

Выражение признательности

Исследование выполнено в соответствии с Государственным заданием Минобрнауки РФ № 0138-2021-0005 «Онто- и субъектогенез психического развития человека в разных жизненных ситуациях».

Acknowledgements

The research was carried out in accordance with the state assignment of the Russian Ministry of Education No. 0138-2021-0005 «Ontogenesis and subject-genesis of a human's psychological development in various life situations».

Список литературы

- Гуревич К.Г., Фабрикант Е.Г. Методические рекомендации по организации программ профилактики хронических неинфекционных заболеваний / Московский государственный медико-стоматологический университет. 2008. URL: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html> (дата обращения: 21.02.2019).
- Ермаков С.А., Кашина О.П. Децентрация времени в жизни человека зрелого возраста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 5(67). С. 83–86.
- Ермолаева М.В. Психолого-педагогическое сопровождение пожилого человека: учеб. пособие. М.: Московский психолого-социальный университет, 2011. 464 с.
- Кулешова Л.Н., Стрижицкая О.Ю. Активность личности как потенциал развития в период поздней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2008. Вып. 4. С. 111–118.
- Мелёхин А.И., Сергиенко Е.А. Предикторы субъективного возраста в пожилом и старческом возрасте // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 3. С. 185–201. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080316>
- Озерина А.А., Суворова О.В., Дмитриева Е.Е. Представления о жизненном пути у женщин в поздней взрослости // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7, № 1. URL: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/929> (дата обращения: 21.02.2021). DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-1-8>
- Павлова Н.С., Сергиенко Е.А. Образ жизни пенсионеров и их отношение ко времени // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-46-61>
- Павлова Н.С., Сергиенко Е.А. Субъективное качество жизни, психологическое благополучие, отношение к временной перспективе и возрасту у пенсионеров, ведущих разный образ жизни // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2020. Т. 10, вып. 4. С. 384–401. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>
- Празжников Н.С. Личностное самоопределение в преклонном возрасте // Мир психологии. 1999. № 2. С. 111–123.
- Сергиенко Е.А. Когнитивная иллюзия возраста // Психология зрелости и старения. 2012. № 4(60). С. 5–32.
- Сергиенко Е.А. Проблема соотношения понятий субъекта и личности // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 2. С. 5–16.
- Сергиенко Е.А. Субъективный возраст как предиктор течения тяжелой болезни // Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование. 2020. № 1. С. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-25-39>
- Сергиенко Е.А. Субъективный и хронологический возраст человека // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 30. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/853> (дата обращения: 21.02.2021).
- Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 3. С. 243–257. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.303>
- Стрижицкая О.Ю. Самодетерминация в период поздней взрослости и старения: теоретические подходы и проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2013. Вып. 4. С. 118–127.
- Сурикова Я.А. Особенности временной перспективы пожилых, проживающих в условиях социальной изоляции // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2(18). С. 90–97.
- Сырцова А. Возрастная динамика временной перспективы личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с.
- Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 3. С. 101–109.
- Чуева Е.Н. Особенности восприятия жизненного пути в разные периоды зрелости // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2011. № 2(18). С. 98–107.
- Шевеленкова Т.Д., Фесенко П.П. Методика исследования психологического благополучия личности // Психологическая диагностика. 2005. № 3. С. 95–129.
- Яркин А.В. Феномен пожилого возраста: социально-философский анализ: дис. ... канд. филос. наук. М., 2017. 158 с.
- Barak B. Age identity: A cross-cultural global approach // Intern. Journal of behavioral development. 2009. Vol. 33, iss. 1. P. 2–11. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025408099485>

Baumeister R.F. The self // The handbook of social psychology / ed. by D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. Boston, MA: McGraw-Hill, 1998. Vol. 1. P. 680–740.

Galambos N.L., Darrah J., Magill-Evans J. Subjective Age in the Transition to Adulthood for Persons with and without Motor Disabilities // Journal of Youth and Adolescence. 2007. Vol. 36, iss. 6. P. 825–834. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-007-9190-6>

Galambos N.L., Turner P.K., Tilton-Weaver L.C. Chronological and subjective age in emerging adulthood: the crossover effect // Journal of Adolescent Research. 2005. Vol. 20, iss. 5. P. 538–556. DOI: <https://doi.org/10.1177/0743558405274876>

Underhill L., Caldwell F. «What age do you feel?»: Age perception study // Journal of Consumer Marketing. 1984. Vol. 1, iss. 1. P. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.1108/eb008080>

Получена: 27.04.2021. Принята к публикации: 25.05.2021

References

Barak, B. (2009). Age identity: A cross-cultural global approach. *Intern. Journal of Behavioral Development*. Vol. 33, iss. 1, pp. 2–11. DOI: <https://doi.org/10.1177/0165025408099485>

Baumeister, R.F. (1998). The self. *The handbook of social psychology*, ed. by D.T. Gilbert, S.T. Fiske, G. Lindzey. Boston, MA: McGraw-Hill Publ., vol. 1, pp. 680–740.

Chueva, E.N. (2011). [Course of life perception in various periods of maturity] *Vestnik KRAUNTs. Gumanitarnye nauki* [Bulletin KRASEC. Section «The Humanities»]. No. 2(18), pp. 98–107.

Ermakov, S.A. and Kashina, O.P. (2016). [Decentration of time in the life of a person of mature age]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice]. No. 5(67), pp. 83–86.

Ermolaeva, M.V. (2011). *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie pozhilogo cheloveka* [Psychological and pedagogical support of an elderly person]. Moscow: Moscow Psychology and Social Institute Publ., 464 p.

Galambos, N.L., Darrah, J. and Magill-Evans, J. (2007). Subjective age in the transition to adulthood for persons with and without motor disabilities. *Journal of Youth and Adolescence*. No. 36, iss. 6, pp. 825–834. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10964-007-9190-6>

Galambos, N.L., Turner, P.K. and Tilton-Weaver, L.C. (2005). Chronological and subjective age in emerging adulthood: the crossover effect. *Journal of Adolescent Research*. Vol. 20, iss. 5, pp. 538–556. DOI: <https://doi.org/10.1177/0743558405274876>

Gurevich, K.G. and Fabrikant, E.G. (2008). *Metodicheskie rekomendatsii po organizatsii programm profilaktiki khronicheskikh neinfektsionnykh zabolevaniy* [Methodological recommendations for the organization of programs for the prevention of chronic non-communicable diseases]. Available at: <http://bono-esse.ru/blizzard/RPP/M/ORGZDRAV/Orgproga/p1.html> (accessed 21.02.2019).

Kuleshova, L.N. and Strizhitskaya, O.Yu. (2008). [Personality activity as a potential of development in late adulthood period]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. Iss. 4, pp. 111–118.

Melekhin, A.I. and Sergienko, E.A. (2015). [Subjective age and emotional health in the elderly]. *Ekspериментal'naya psikhologiya* [Experimental Psychology]. Vol. 8, no. 3, pp. 185–201. DOI: <https://doi.org/10.17759/exppsy.2015080316>

Ozerina, A.A., Suvorova, O.V., Dmitrieva, E.E. (2019). [The representation of life way of women at late adulthood]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Vestnik of Minin University]. Vol. 7, no. 1. Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/929> (accessed 21.02.2021). DOI: <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2019-7-1-8>

Pavlova, N.S. and Sergienko, E.A. (2020). [Pensioners' way of living and their relation to time]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: Psychology]. No. 2, pp. 46–61. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7235-2020-2-46-61>

Pavlova, N.S. and Sergienko, E.A. (2020). [Subjective life quality, psychological well-being and attitude to the time perspective as well as age among pensioners leading different lifestyles]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology]. Vol. 10, iss. 4, pp. 384–401. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu16.2020.401>

Pryazhnikov, N.S. (1999). [Personal self-determination in old age]. *Mir psikhologii* [World of psychology]. No. 2, pp. 111–123.

Sergienko, E.A. (2012). [Cognitive illusion of age]. *Psikhologiya zrelosti i stareniya* [Psychology of Maturity and Aging]. No. 4(60), pp. 5–32.

Sergienko, E.A. (2013). [Subjective and chronological human age]. *Psikhologicheskie issledovaniia* [Psychological Studies]. Vol. 6, no. 30. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2016v9n50/853> (accessed 21.02.2021).

Sergienko, E.A. (2013). [The problem of relationship between subject and personality]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 34, no. 2, pp. 5–16.

Sergienko, E.A. (2020). [Subjective age as a predictor of the course of a severe disease]. *Vestnik RGGU. Seriya: Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie* [RGGU Bulletin. Series: Psychology. Pedagogics. Education]. No. 1, pp. 25–39. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2020-1-25-39>

Sergienko, E.A. and Kharlamenkova, N.E. (2018). [Psychological factors of well-being aging]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya i pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Pedagogy]. Vol. 8, iss. 3, pp. 243–257. DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.303>

Strizhitskaya, O.Yu. (2013). [Self-determination in midlife and aging: theoretical approaches and challenges]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. Iss. 4, pp. 118–127.

Surikova, Ya.A. (2011). [Socially-isolated aged people's temporal perspective] *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki* [Bulletin KRASEC. Section «The Humanities»]. No. 2(18), pp. 90–97.

Syrtsova, A. (2008). *Vozrastnaya dinamika vremennoy perspektivy lichnosti: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk* [Age dynamics of a personality's time perspective: Abstract of Ph.D. dissertation]. Moscow, 25 p.

Syrtsova, A., Sokolova, E.T. and Mitina, O.V. (2008). [Exploratory and confirmatory factor analysis, time orientations, time perspective, ZTPI]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 29, no. 3, pp. 101–109.

Shevelenkova, T.D. and Fesenko, P.P. (2005). [Research methodology of psychological well-being of personality]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnosis]. No. 3, pp. 95–129.

Underhill, L. and Caldwell, F. (1984). «What age do you feel?»: Age perception study. *Journal of Consumer Marketing*. Vol. 1, iss. 1, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.1108/eb008080>

Yarkin, A.V. (2017). *Fenomen pozhilogo vozrasta: sotsial'no-filosofskiy analiz: dis. ... kand. filos. nauk* [The phenomenon of old age: social and philosophical analysis: Ph.D. Thesis]. Moscow, 158 p.

Received: 27.04.2021. Accepted: 25.05.2021

Об авторе

Павлова Надежда Сергеевна

кандидат психологических наук,
научный сотрудник

Институт психологии Российской академии наук,
129366, Москва, ул. Ярославская, 13;
e-mail: makarachka@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1518-1137>
ResearcherID: AAR-1728-2021

About the author

Nadezhda S. Pavlova

Ph.D. in Psychology, Researcher

Institute of Psychology of Russian Academy
of Sciences,
13, Yaroslavskaya str., Moscow, 129366, Russia;
e-mail: makarachka@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1518-1137>
ResearcherID: AAR-1728-2021

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Павлова Н.С. Отношение ко времени и своему возрасту во взаимосвязи с психологическим благополучием и самооценкой здоровья на этапе позднего онтогенеза // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 236–249. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-236-249

For citation:

Pavlova N.S. [Attitude to time and age in relation to psychological well-being and health self-assessment at the late ontogenesis stage]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 236–249 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-236-249

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-250-259

**ЦИФРОВАЯ СОЦИОЛОГИЯ
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА***Добринская Дарья Егоровна**Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)*

Наступление цифровой эры стало серьезным вызовом для исследователей в различных областях научного знания. Социология, которая пыталась дать адекватный ответ на вопрос о том, как меняется современный мир, не осталась в стороне. Цель данной статьи — очертить контуры нового социологического направления — цифровой социологии, которое получает активное развитие в последние годы. Дается обзор отечественных и зарубежных исследований, внесших вклад в оформление предметного поля этого направления, определения его исследовательских задач. В центре внимания цифровых социологов находится цифровое общество, которое возникает благодаря разработке и внедрению современной технологической инфраструктуры, представленной ключевыми цифровыми технологиями (коммуникационные сети, технологии больших данных, алгоритмы и сложные алгоритмические системы, платформы, технологии искусственного интеллекта, облачные вычисления, технологии дополненной и виртуальной реальности и др.). Эта чрезвычайно сложная инфраструктура оказывает решающее влияние на появление новых социальных практик, на идентичность, на повседневную жизнь как отдельного индивида, так и общества в целом. Цифровая социология направлена на теоретическое критическое осмысление цифровизации, датификации, алгоритмизации и платформизации, определение социальных последствий этих процессов. Кроме того, цифровая социология предлагает ряд методологических приемов и инструментов, основанных на цифровых технологиях, которые предоставляют новые возможности для проведения количественных и качественных социологических исследований. Цифровая социология также рассматривается и как профессиональная социологическая практика, которая включает преподавание дисциплины, осуществление научных коммуникаций и распространение результатов научной деятельности социологов.

Ключевые слова: цифровая социология, цифровое общество, цифровизация, алгоритмы, датификация, платформы, сеть.

DIGITAL SOCIOLOGY FOR EXPLORING DIGITAL SOCIETY*Daria E. Dobrinskaya**Lomonosov Moscow State University (Moscow)*

The advent of the digital age has become a serious challenge for researchers in various fields of scientific knowledge. Among others, this refers to sociology, which tried to give an adequate answer to the question of how the world is changing. The purpose of this article is to outline the contours of a new sociological field — digital sociology, which has been actively developing in recent years. The article provides an overview of Russian and international studies that have contributed to the formation of the scope of research and research objectives of digital sociology. It focuses on digital society, which appears due to the development and implementation of modern technological infrastructure represented by key digital tech-

nologies (communication networks, big data technologies, algorithms and complex algorithmic systems, platforms, artificial intelligence technologies, cloud computing, augmented and virtual reality technologies, etc.). This extremely complex infrastructure has a decisive influence on the emergence of new social practices, on identity, on the everyday life of both the individual and society as a whole. Digital sociology aims to theorize critically about digitalization, datafication, algorithmization, and platformization, and to determine the social implications of these processes. Moreover, digital sociology offers a range of methodological techniques and tools based on digital technologies that provide new possibilities for quantitative and qualitative sociological research. Digital sociology is also seen as a professional sociological practice which includes teaching the discipline, carrying out scientific communications, and sharing the results of sociologists' scientific work.

Keywords: digital sociology, digital society, digitalization, algorithms, datafication, platforms, network.

Введение

Социология как наука об обществе с самого момента своего возникновения была и остается чрезвычайно чувствительной к социальным изменениям. Именно «реальное историческое общество в его социологической интерпретации и теоретической форме» задает «тот горизонт понимания» и представляет собой «ту контролируемую инстанцию», которые определяют смысл социологического теоретизирования [Добренков В.И., Полякова Н.Л., 2011, с. 38]. Анализ становления и развития цифрового общества не мог остаться в стороне для представителей социальных наук, которые с помощью различных наименований («киберсоциологии», «социологии Интернета», «е-социологии», «социологии онлайн-коммуникации», «социологии социальных медиа» и «социологии киберкультуры» [Lupton D., 2012]) стремились очертить исследовательские контуры изучения общества в условиях повсеместной цифровизации. Цифровое общество стало возможным благодаря внедрению сложной технологической инфраструктуры, совокупность элементов которой составляет суть цифровизации. Цифровизация меняет общество, практически каждый аспект его преобразуется. Австралийский исследователь Н. Селвин выделяет четыре технологии, которые должны быть в фокусе современной социологии и требуют социологического осмысления. Этими технологиями выступают сети, большие данные, алгоритмы и платформы [Selwyn N., 2019]. Развитие идей Селвина позволяет дать определение цифрового общества через описание его технологической инфраструктуры, которая представлена коммуникационными сетями, технологиями больших данных, функционированием алгоритмов и алгоритмических систем на ба-

зе различного рода платформенных решений. Более того, суть цифровизации как движущей силы становления и развития цифрового общества проявляется в процессах сетевизации, датификации, алгоритмизации и платформизации. В настоящее время в социологическом дискурсе активно развивается направление цифровой социологии, где используется целый комплекс подходов, описывающих и объясняющих «цифровые социальные объекты, явления и процессы, которые составляют относительно самостоятельную, особую сферу жизни общества» [Ничевич В.Ф., 2018, с. 21].

Что такое цифровая социология?

Происхождение термина «цифровая социология» связывают с работой американского исследователя Дж. Уинна [Wynn J.R., 2009], в которой речь шла о роли информационно-коммуникационных технологий и новых медиа в расширении возможностей для преподавания социологии и проведения социологических исследований. Это и есть, по мнению ученого, цифровая социология. Работы, в которых используется словосочетания «цифровая социология» появляются в 2010-х гг. в зарубежных публикациях, преимущественно исследователей из Великобритании и Австралии. В первой полномформатной работе по цифровой социологии (2015) австралийский социолог Д. Лаптон определяет это направление как социологическую «субдисциплину», в фокусе которой находятся исследования и теоретическое описание социологами того, как используются цифровые технологии и цифровые данные в современном цифровом обществе, а также вопросы о социологической практике и специфике проведения социологических исследований [Lupton D., 2014]. Примечательно, что цифровая социология по-

явилась «не как маркер нового эмпирического подхода — нового способа сбора данных или внедрения методов проведения социологических исследований, а как новый способ коммуникаций в социологической среде» [Marres N., 2017, p. 96]. Так, в работе «Цифровая социология: введение», Д. Лаптон заявляет о необходимости ликвидировать пробелы, связанные с отсутствием цифровой социологии в ряду множества «цифровых» дисциплин («цифровая антропология», «цифровые гуманитарные науки», «цифровые культуры» и т.п.) [Lupton D., 2012]. Актуальность цифровой социологии она объясняет потребностями самих социологов. Цифровые технологии — часть их повседневной жизни, важный элемент успешной профессиональной практики. Для социологов — это новые инструменты для проведения исследований и новые возможности для представления результатов своей работы. Д. Лаптон полагает, что цифровые медиа расширяют возможности профессиональной практики цифровых социологов посредством создания и расширения сети профессиональных контактов, поддержания онлайн-профиля, публикации и распространения результатов исследований, а также взаимодействия в цифровой среде со студентами. Подтверждением эффективности этих инструментов является ее профессиональная деятельность (блог Sociological Life), ведение профилей в Facebook, Twitter, Researchgate и др. Английский исследователь М. Карриган предлагает свой интеллектуальный проект цифровой социологии [Carrigan M., 2014], в котором рассматриваются перспективы создания инфраструктуры для институционализации этого направления.

В России первые работы по цифровой социологии появились позднее. Однако эта проблематика становится все более востребованной, о чем свидетельствуют рост числа публикаций и организация специальных дискуссий по цифровой социологии. Большинство из них посвящены практикам проведения эмпирических социологических исследований [Журавлева Е.Ю., 2015; Крыштановская О.В., 2018; Дудина В.И., 2015; Лавров И.А., 2019], а также изучению технологий больших данных [Губа К., 2018; Волков В.В. и др., 2016; Толстова Ю.Н., 2015; Одинцов А.В., 2017]. В этих работах не всегда артикулируется вопрос цифровой социологии, но четко фиксируются изменения социологии в условиях циф-

ровизации. Потенциал традиционных исследовательских методов в социологии в настоящее время практически исчерпан, поскольку не позволяет в полной мере обеспечивать репрезентативность, является чрезвычайно затратным с точки зрения временных, материальных и человеческих ресурсов. Цифровая трансформация поставила перед социологией целый ряд вызовов, связанных с необходимостью разрабатывать новую методологию познания социальной реальности, более релевантную природе цифрового общества [Щекотин Е.В., 2020]. В условиях стремительного развития технологий больших данных и алгоритмов переход от контактных методов исследований к бесконтактным становится очевидным следствием, поскольку именно они способны предоставлять объемные, надежные эмпирические данные эффективно и в короткие сроки [Мещерякова Н.Н., 2020].

Отечественные работы теоретико-методологического характера по цифровой социологии — пока довольно редкое явление. Предпринимаются попытки выявить и описать теоретические истоки и основания цифровой социологии [Ницевич В.Ф., 2018], ее проблемное поле и методологические возможности [Орлова И.Б., Фомин Е.В., 2020], обозначены задачи социальных наук в целом и цифровой социологии в частности в условиях цифровизации социума [Осипов Г.В., Климовицкий С.В., 2018]. Фиксируется тенденция к пересмотру онтологических, эпистемологических и методологических принципов социальных наук в связи с внедрением цифровых методов познания социальной реальности, когда изменяется понимание таких базовых категорий, как «вещь, агент, время, контекст, причинность» [Щекотин Е.В., 2020]. Кроме того, создаются теоретические модели цифрового общества в качестве аналитического инструментария для изучения актуальных социальных процессов [Смирнов А.В., 2021].

Все многообразие исследований, которые представлены сегодня в цифровой социологии, связано, во-первых, с социологическими исследованиями самого широкого круга вопросов о влиянии цифровых технологий на общество; во-вторых, с анализом специфики методологических разработок, применяемых в прикладных исследованиях, и относится к профессиональной

практике цифровых социологов. Необходимость пересмотра квалификационных требований при подготовке социологов в цифровом обществе является весьма актуальным, поскольку в настоящее время сами социологи не способны обеспечить цифровую трансформацию методологии социологических исследований [Мещерякова Н.Н., 2020]. Вопрос о перспективах профессиональной практики в цифровой социологии получает освещение в большинстве работ по цифровой социологии, а также находит практическую реализацию в ее институционализации как в России, так и за рубежом.

Первые исследования цифровой социологии были инициированы учеными из Великобритании и Австралии, где появляются и первые площадки для обсуждения перспектив ее развития. В 2012 г. создана исследовательская группа по цифровой социологии из числа членов Британской социологической ассоциации, а Лондонский университет Голдсмит первым предложил магистерскую программу по цифровой социологии. Первая конференция по цифровой социологии состоялась на базе Городского университета Нью-Йорка совместно с Восточным социологическим обществом в Нью-Йорке в 2015 г.

Сегодня в Университете Южной Калифорнии функционирует проект по изучению цифрового будущего. Саутгемптонский университет и Массачусетский технологический институт организовали совместную программу Web Science Trust, в рамках которой осуществляются междисциплинарные исследования Всемирной паутины. На базе Оксфордского университета был основан Институт исследования Интернета. В Гарвардском университете функционирует Центр Беркмана Кляйна для изучения Интернета и общества. В Италии работает центр изучения Интернета и общества NEXA, созданный на базе Туринского политехнического университета. В Германии функционирует Институт Интернета и общества им. Александра фон Гумбольдта. В 2020 г. на базе Международной социологической ассоциации была создана тематическая группа с целью развития и популяризации исследований теоретического, эмпирического, методологического и социально-этического характера в области цифровой социологии.

Существует ряд периодических изданий, в которых приоритет отдается публикациям исследований в области цифровых технологий в

целом и цифровой социологии в частности (к примеру, Internet Policy Review; First Monday; New Media & Society; Information, Communication & Society; Big Data & Society; Chinese Journal of Communication; Internet Histories и другие издания).

В ряде российских университетов открываются специализированные образовательные программы (например, магистерская программа «Социология цифрового общества» на базе факультета социальных наук в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского), кафедры (к примеру, кафедра цифровой социологии на базе Высшей школы современных социальных наук в МГУ им. М.В. Ломоносова) и лаборатории по проблемам цифровой социологии. С 2018 г. издается журнал «Цифровая социология», учредителем которого является Государственный университет управления. В журнале «Информационное общество», который издается Институтом развития информационного общества совместно с Российской инженерной академией, также освещаются вопросы влияния цифровых технологий на развитие общества, процессов цифровизации и цифровой трансформации. В 2020 г. в рамках X Грушинской социологической конференции было проведено две секции, посвященные вопросам цифровой социологии, — «Цифровая социология» и «От искусственного интеллекта к искусственной социальности: новые проблемы и задачи социологии».

Анализ влияния технологий в цифровой социологии

Цифровая социология охватывает большое число тем и проблем, которые связаны с осмыслением процессов цифровизации и влияния новейших цифровых технологий на все сферы жизнедеятельности цифрового общества. Цифровые технологии повлияли на индивида, его идентичность, сообщества в новом цифровом измерении. Именно цифровая социология «как наука и философия» способна выявить специфику этих коммуникаций [Neal R., 2010]. Для Д. Лаптон исследование влияния цифровых технологий на конструирование идентичности индивидов и специфику их социальных взаимодействий также является одним из ключевых. Речь идет и о том, какую роль играют цифровые

технологии в функционировании социальных институтов и социальных структур цифрового общества. Отдельное внимание уделяется вопросам структуры и агентности, ложного дуализма реального и виртуального, конструирования социального знания, а также особенностям интеракций в цифровой среде. Рассматриваются институциональные основания цифрового общества через исследование функционирования важнейших институтов — образования, медицины, СМИ и т.д. Не обходятся вниманием традиционные и новые формы проявления неравенства (расовое, гендерное, цифровое и др.). Поднимаются темы персональных данных, телесности, рассматриваются технологии селф-трекинга, а также делается акцент на проблемах расовой и гендерной дискриминации в Сети. Некоторые исследователи полагают правомерным говорить даже о «множестве цифровых социологий» по причине широкого диапазона тем и вопросов [Digital sociologies, 2017].

Для цифровых социологов является чрезвычайно важной критическая перспектива в анализе влияния технологий, в частности, при исследовании процессов алгоритмизации и датификации. Представители критической теории традиционно занимали критическую позицию в дискуссии о роли капитализма в процессе общественного развития, ставя в центр своих исследований проблему инструментальной рациональности и колонизации жизненного мира структурными компонентами экономических и политических систем. Критические исследования цифровой социологии направлены на изучение негативных последствий распространения цифровых технологий (например, алгоритмов [Gillespie T., 2014; Kitchin R., 2017] и больших данных [Kitchin R., 2014; Dijck J. van, 2014] в контексте парадокса приватности, защиты личных данных, этических проблем, связанных с их использованием, и т.п.), в том числе с опорой на традиционные для социологии темы — трансформация трудовой сферы, социальное неравенство, власть и социальный контроль.

Датификация как социальный процесс представляет собой преобразование повседневных практик и взаимодействий в цифровую форму, доступную для последующего автоматизированного анализа. Диапазон использования цифровых данных очень разнообразен. Возникают серьезные опасения по поводу того, насколько

справедливо использование данных корпорациями или государственными учреждениями. Н. Коулдри и У. Мехиас выделяют три подхода в критических исследованиях данных и датификации: политическая экономия, правовые исследования и деколониальная теория. В рамках первого подхода датификация рассматривается как социальный процесс, связанный с получением прибыли как через монетизацию данных и реализацию их в качестве ценного товара, так и через использование данных как средства производства. Все это связано с традиционными марксистскими категориями, такими как труд, эксплуатация, прибавочная стоимость и т.п. [Zuboff S., 2019; Scholz T., 2016; Marx in the age..., 2016]. Сюда же авторы относят и исследования датификации в контексте распространения платформ [Dijck J. van et al., 2018; Gillespie T., 2018]. Здесь же представлены исследования датификации как процесса «естественного» преобразования повседневной жизни в поток данных. Возникает новый социальный порядок, в основе которого лежит непрерывное отслеживание и наблюдение, что создает беспрецедентные возможности для дискриминации и влияния на поведение индивидов [Couldry N., Mejiias U.A., 2019a, 2019b].

В рамках второго подхода анализируется проблема приватности и конфиденциальности личных данных [Nissenbaum H., 2009], а также вопрос «парадокса приватности» [Barth S., Jong M.D.T. de, 2017; Пронкина Е.С., 2018]. Здесь отдельно рассматриваются исследования, связанные с анализом последствий передачи данных и их обработки с помощью технологий искусственного интеллекта (например, селф-трекинг и системы мониторинга на рабочем месте и т.п.). В этой перспективе критика датификации обусловлена тем, что индивид становится зависимым от различных измерений, которые влияют на то, как мы себя воспринимаем и представляем окружающим [Lupton D., 2017a, 2017b].

Третий подход рассматривает датификацию как процесс колонизации — «колониализм данных», когда данные, став важнейшим социальным ресурсом, извлекаются в интересах определенных акторов (преимущественно глобальных капиталистических игроков), оставляя на периферии тех, кто не обладает такими возможностями [Couldry N., Mejiias U.A., 2019a].

Интерес представляют критические исследования социальных последствий распространения алгоритмов. Так, Р. Китчин показывает, что алгоритмы способны «выходить из-под контроля», поскольку результаты их работы довольно сложно прогнозировать по причине их нелинейности, изменчивости и подвижности [Kitchin R., 2017]. Алгоритмы разрабатываются и внедряются в целях создания дополнительной ценности и увеличения капитала; для регулирования поведения индивидов и формирования их предпочтений; для определения, ранжирования и классификации индивидов по заданным критериям [Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е., 2021]. Речь идет о распространении так называемого алгоритмического управления, посредством которого формируется новая картина мира, так как с помощью алгоритмов реализуются новые властные и дисциплинарные возможности, создаются дополнительные механизмы принуждения и контроля [Kitchin R., Dodge M., 2011]. При этом механизмы работы алгоритмов и принятия решений не раскрываются, в связи с чем распространяется термин «общество черного ящика» [Pasquale F., 2015].

Можно выделить целый блок работ, в которых технологии рассматриваются не просто как средство или фактор, детерминирующий социальные изменения. Технологии вплетены в ткань социальной жизни, являются частью повседневных практик (к примеру, технологии Интернета вещей) и социальных взаимодействий (в условиях глубокой медиатизации), участвуют в процессах коммуникации (боты, голосовые помощники и др.). В результате в обществе происходят качественные изменения, которые находят свое отражение в концепциях медиатизированной реальности [Couldry N., Hepp A., 2017], метрического общества [Mau S., 2019] и метрической власти [Beer D., 2016], в концепциях общества платформ [Dijck J. van et al., 2018], капитализма данных [Couldry N., Mejias U.A., 2019a], капитализма надзора [Zuboff S., 2019] и др. В каждой из этих работ представлена целостная концептуальная схема, структура которой содержит набор базовых понятий, способных описать качественные характеристики цифрового общества.

Краткий обзор тем и проблем, поднимаемых в рамках анализа цифровых технологий и социальных последствий влияния их распростране-

ния, позволяет сделать вывод о серьезном исследовательском потенциале цифровой социологии, а также еще раз указать на междисциплинарный характер большего числа приводящихся сегодня исследований.

Заключение

Цифровая социология представляет собой направление в современной социологической науке, целью которого является изучение цифрового общества, технологическая инфраструктура которого представлена новейшими цифровыми технологиями (сети, большие данные, алгоритмы, платформы). Они определяют новые социальные практики, особенности идентичности, повседневный опыт жизни отдельного индивида и социума в целом. Цифровая социология призвана осуществить теоретическое осмысление процессов цифровизации, датификации, алгоритмизации и платформизации, выявив их положительные и негативные социальные последствия. Более того, цифровая социология предлагает целый комплекс методологических практик и методов, в основе которых лежат новейшие цифровые технологии (к примеру, технологии больших данных) для проведения количественных и качественных социологических исследований. Цифровая социология — это и профессиональная социологическая практика, которая включает в себя преподавание дисциплины, осуществление научных коммуникаций и распространение результатов научной деятельности широкой общественности и представителям научного сообщества.

Список литературы

- Волков В.В., Скугаревский Д.А., Титаев К.Д. Проблемы и перспективы исследований на основе Big Data (на примере социологии права) // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 48–58.
- Губа К. Большие данные в социологии: новые данные, новая социология? // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17, № 1. С. 213–236. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2018-1-213-236>
- Добреньков В.И., Полякова Н.Л. Методология анализа историко-социологического процесса. Критерии его периодизации // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 1. С. 27–43.
- Дудина В.И. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий

// Социологические исследования. 2015. № 6. С. 13–22.

Журавлева Е.Ю. Социология в сетевой среде: к цифровым социальным исследованиям // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 25–33.

Крыштановская О.В. Бесконтактная социология: новые формы исследований в цифровую эпоху // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2018-1-4-8>

Лавров И.А. Цифровая социология и современные методы изучения политической элиты // Вестник университета. 2019. № 6. С. 173–179. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-173-179>

Мартыненко Т.С., Добринская Д.Е. Социальное неравенство в эпоху искусственного интеллекта: от цифрового к алгоритмическому разрыву // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>

Мецзякова Н.Н. Методология познания цифрового общества // Цифровая социология. 2020. Т. 3, № 2. С. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2020-2-17-26>

Ницевич В.Ф. Цифровая социология: теоретико-методологические истоки и основания // Цифровая социология. 2018. Т. 1, № 1. С. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2018-1-18-28>

Одинцов А.В. Социология общественного мнения и вызовы Big Data // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 30–43. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.04>

Орлова И.Б., Фомин Е.В. Цифровая социология: возможности, риски, перспективы // Национальная безопасность / Nota bene. 2020. № 3. С. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.3.33274>

Осипов Г.В., Климовицкий С.В. Цифровизация общественной жизни и новые задачи социальных наук // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. Т. 7. С. 52–57.

Пронкина Е.С. Парадокс приватности: почему пользователи социальных медиа раскрывают персональную информацию в публичном пространстве // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2018. № 8. С. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-155-165>

Смирнов А.В. Цифровое общество: теоретическая модель и российская действительность // Мониторинг общественного мнения: экономические и

социальные перемены. 2021. № 1. С. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>

Толстова Ю.Н. Социология и компьютерные технологии // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 3–13.

Щекотин Е.В. Цифровые технологии в социальных науках: предмет и метод цифровой социологии // Социология и право. 2020. № 1. С. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-1-49-59>

Barth S., Jong M.D.T. de. The privacy paradox — Investigating discrepancies between expressed privacy concerns and actual online behavior — A systematic literature review // Telematics and Informatics. 2017. Vol. 34, iss. 7. P. 1038–1058. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.04.013>

Beer D. Metric Power. London: Palgrave Macmillan UK, 2016. 223 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-55649-3>

Carrigan M. An Agenda for Digital Sociology. 2014. URL: <https://markcarrigan.net/2014/11/30/an-agenda-for-digital-sociology/> (accessed: 19.10.2020).

Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge, UK: Polity Press, 2017. 290 p.

Couldry N., Mejias U.A. Data Colonialism: Rethinking Big Data's Relation to the Contemporary Subject // Television and New Media. 2019. Vol. 20, iss. 4. P. 336–349. DOI: <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>

Couldry N., Mejias U.A. The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism. Stanford, CA: Stanford University Press, 2019. 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781503609754>

Digital sociologies / ed. by J. Daniels, K. Gregory, T.M. Cottom. Bristol, UK: Policy Press, 2017. 528 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89cfr>

Gillespie T. Custodians Of The Internet. New Haven; London: Yale University Press, 2018. 304 p.

Gillespie T. The relevance of algorithms // Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society / ed. by T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K. Foot. Cambridge, MA: MIT Press, 2014. P. 167–194. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262525374.003.0009>

Kitchin R. The Data Revolution: Big Data, Open Data, Data Infrastructures and Their Consequences. London: Sage, 2014. 238 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473909472>

Kitchin R. Thinking critically about and researching algorithms // Information, Communication & Society. 2017. Vol. 20, iss. 1. P. 14–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2016.1154087>

Kitchin R., Dodge M. Code/space: Software and everyday life. Cambridge, MA: MIT Press, 2011. 290 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262042482.001.0001>

Lupton D. Digital health. Critical and cross-disciplinary perspectives. London; N.Y.: Routledge, 2017. 178 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315648835>

Lupton D. Digital sociology: An Introduction // SSRN Electronic Journal. 2012. August. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=273418 (accessed: 19.10.2020). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273418>

Lupton D. Digital sociology. N.Y.: Routledge, 2014. 236 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315776880>

Lupton D. Personal data practices in the age of lively data // Digital sociologies / ed. by J. Daniels, K. Gregory, T.M. Cottom. Bristol, UK: Policy Press, 2017. P. 339–354. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89cfr.27>

Marres N. Digital Sociology: The Reinvention of Social Research. Cambridge, UK: Polity Press, 2017. 232 p.

Marx in the Age of Digital Capitalism / ed. by C. Fuchs, V. Mosco. Leiden: Brill, 2016. 549 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004291393>

Mau S. The Metric Society On the Quantification of the Social. Cambridge, UK; Medford, MA: Polity Press, 2019. 200 p.

Neal R. Expanding Sentience: Introducing Digital Sociology for Moving Beyond Buzz Metrics in a World of Growing Online Socialization. Raleigh, NC: Lulu.com, 2010. 150 p.

Nissenbaum H. Privacy in Context Technology, Policy and the Integrity of Social Life. Redwood City, CA: Stanford University Press, 2009. 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780804772891>

Pasquale F. The Black Box Society. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674736061>

Scholz T. Platform Cooperativism. Challenging the Corporate Sharing Economy / Rosa-Luxemburg-Stiftung. N.Y., 2016. 30 p.

Selwyn N. What is Digital Sociology? Cambridge, UK: Polity Press, 2019. 152 p.

Van Dijck J. Datafication, dataism and dataveillance: Big data between scientific paradigm and ideology // Surveillance and Society. 2014. Vol. 12, no. 2. P. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>

Van Dijck J., Poell T., Waal M. de The Platform Society: Public Values in a Connective World.

Oxford: Oxford University Press, 2018. 240 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>

Wynn J.R. Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom // Sociological Forum. 2009. Vol. 24, iss. 2. P. 448–456. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01109.x>

Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. N.Y.: PublicAffairs, 2019. 704 p.

Получена: 23.03.2021. Доработана после рецензирования: 26.05.2021. Принята к публикации: 04.06.2021

References

Barth, S. and Jong, M.D.T. de (2017). The privacy paradox — Investigating discrepancies between expressed privacy concerns and actual online behavior — A systematic literature review. *Telematics and Informatics*. Vol. 34, iss. 7, pp. 1038–1058. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.tele.2017.04.013>

Beer, D. (2016). *Metric Power*. London: Palgrave Macmillan UK Publ., 223 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/978-1-137-55649-3>

Carrigan, M. (2014). *An agenda for digital sociology*. Available at: <https://markcarrigan.net/2014/11/30/an-agenda-for-digital-sociology/> (accessed 19.10.2020).

Couldry, N. and Hepp, A. (2017). *The mediated construction of reality*. Cambridge, UK: Polity Press, 290 p.

Couldry, N. and Mejias, U.A. (2019). Data colonialism: Rethinking Big Data's relation to the contemporary subject. *Television and New Media*. Vol. 20, iss. 4, pp. 336–349. DOI: <https://doi.org/10.1177/1527476418796632>

Couldry, N. and Mejias, U.A. (2019). *The costs of connection: how data is colonizing human life and appropriating it for capitalism*. Stanford, CA: Stanford University Publ., 352 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781503609754>

Daniels, J., Gregory, K. and Cottom, T.M. (eds.) (2017). *Digital sociologies*. Bristol, UK: Policy Press, 528 p. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89cfr>

Dobren'kov, V.I. and Polyakova, N.L. (2011). [Methodology of analysis of historical and sociological process. Criteria of its periodization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science]. No. 1, pp. 27–43.

Dudina, V.I. (2015). [Sociological knowledge in the context of information technologies development].

Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]. No. 6, pp. 13–22.

Fuchs, C. and Mosco, V. (eds.) (2016). *Marx in the age of digital capitalism*. Leiden: Brill Publ., 549 p. DOI: <https://doi.org/10.1163/9789004291393>

Gillespie, T. (2014). The relevance of algorithms. *Media Technologies: Essays on Communication, Materiality, and Society*, ed. by T. Gillespie, P.J. Boczkowski, K. Foot. Cambridge, MA: MIT Press, pp. 167–194. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262525374.003.0009>

Gillespie, T. (2018). *Custodians of the Internet*. New Haven, London: Yale University Press, 304 p.

Guba, K. (2018). [Big Data in sociology: new data, new sociology?]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Russian Sociological Review]. Vol. 17, no. 1, pp. 213–236. DOI: <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2018-1-213-236>

Kitchin, R. (2014). *The data revolution: Big Data, open data, data infrastructures and their consequences*. London: Sage Publ., 238 p. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473909472>

Kitchin, R. (2017). Thinking critically about and researching algorithms. *Information, Communication & Society*. Vol. 20, iss. 1, pp. 14–29. DOI: <https://doi.org/10.1080/1369118x.2016.1154087>

Kitchin, R. and Dodge, M. (2011). *Code/space: Software and everyday life*. Cambridge, MA: MIT Press, 290 p. DOI: <https://doi.org/10.7551/mitpress/9780262042482.001.0001>

Kryshtanovskaya, O.V. (2018). [Contactless sociology: new forms of research in a digital age]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology]. Vol. 1, no. 1, pp. 4–8. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2018-1-4-8>

Lavrov, I.A. (2019). [Digital sociology and modern methods of studying the political elite]. *Vestnik Universiteta*. No. 6, pp. 173–179. DOI: <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2019-6-173-179>

Lupton, D. (2012) Digital sociology: An introduction. *SSRN Electronic Journal*. August. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=273418 (accessed 19.10.2020). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.2273418>

Lupton, D. (2014). *Digital sociology*. New York: Routledge Publ., 236 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315776880>

Lupton, D. (2017). *Digital health. Critical and cross-disciplinary perspectives*. London, New York: Routledge Publ., 178 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315648835>

Lupton, D. (2017). Personal data practices in the age of lively data. *Digital sociologies*, ed. by

J. Daniels, K. Gregory, T.M. Cottom.. Bristol, UK: Policy Press, pp. 339–354. DOI: <https://doi.org/10.2307/j.ctt1t89cfr.27>

Marres, N. (2017). *Digital sociology: the reinvention of social research*. Cambridge, UK: Polity Press, 232 p.

Martynenko, T.S. and Dobrinskaya, D.E. (2021). [Social inequality in the age of algorithms: from digital to algorithmic divide]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1, pp. 171–192. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1807>

Mau, S. (2019). *The metric society on the quantification of the social*. Cambridge, UK; Medford Publ., MA: Polity Press, 200 p.

Meshcheryakova, N.N. (2020). [Methodology for cognition of digital society]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital sociology]. 2020. Vol. 3, no. 2, pp. 17–26. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2020-2-17-26>

Neal, R. (2010). *Expanding sentience: introducing digital sociology for moving beyond buzz metrics in a world of growing online socialization*. Raleigh, NC: Lulu.com Publ., 150 p.

Nissenbaum, H. (2009) *Privacy in context technology, policy and the integrity of social life*. Redwood City, CA: Stanford University Press, 304 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9780804772891>

Nitsevich, V.F. (2018). [Digital sociology: theoretical and methodological origins and bases]. *Tsifrovaya sotsiologiya* [Digital Sociology]. Vol. 1, no. 1, pp. 18–28. DOI: <https://doi.org/10.26425/2658-347x-2018-1-18-28>

Odintsov, A.V. (2017). [Sociology of public opinion and the Big Data challenge]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3, pp. 30–43. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.04>

Orlova, I.B. and Fomin, E.V. (2020). [Digital sociology: opportunities, risks, prospects]. *Natsional'naya bezopasnost' / Nota bene* [National Security / Nota Bene]. No. 3, pp. 48–63. DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0668.2020.3.33274>

Osipov, G.V. and Klimovitsky, S.V. (2020). [Digitalization of public life and new tasks of social sciences]. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki* [Humanities, Social-economic and Social Sciences]. Vol. 7, pp. 52–57.

Pasquale, F. (2015). *The black box society*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 320 p. DOI: <https://doi.org/10.4159/harvard.9780674736061>

Pronkina, E.S. (2018). [The privacy paradox: why users of social media disclose personal information in public space]. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie* [RSUH / RGGU Bulletin. Series History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies]. No. 8, pp. 155–165. DOI: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-8-155-165>

Schekotin, E.V. (2020). [Digital technologies in social sciences: subject and method of digital sociology]. *Sotsiologiya i pravo* [Sociology and Law]. No. 1, pp. 49–59. DOI: <https://doi.org/10.35854/2219-6242-2020-1-49-59>

Scholz, T. (2016). *Platform cooperativism. Challenging the corporate sharing economy*. New York: Rosa Luxemburg Stiftung Publ., 30 p.

Selwyn, N. (2019) *What is digital sociology?* Cambridge, UK: Polity Press, 152 p.

Smirnov, A.V. (2021). [Digital society: theoretical model and Russian reality]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 1, pp. 129–153. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.1.1790>

Tolstova, Yu.N. (2015). [Sociology and computer technologies]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8, pp. 3–13.

Van Dijck, J. (2014). Datafication, dataism and dataveillance: Big data between scientific paradigm and ideology. *Surveillance and Society*. No. 12, no. 2,

pp. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.24908/ss.v12i2.4776>

Van Dijck, J., Poell, T., and Waal, M. de (2018). *The platform society: public values in a connective world*. Oxford: Oxford University Press, 240 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>

Volkov, V.V., Skugarevskiy, D.A. and Titaev, K.D. (2016). [Problems and prospects for studies based on Big Data (the case of sociology of law)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 48–58.

Wynn, J.R. (2009). Digital sociology: Emergent technologies in the field and the classroom. *Sociological Forum*. Vol. 24, iss. 2, pp. 448–456. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2009.01109.x>

Zhuravleva, E.Yu. (2015). [Sociology in digital environment: towards digital social research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 8, pp. 25–33.

Zuboff, S. (2019). *The age of surveillance capitalism: the fight for a human future at the new frontier of power*. New York: PublicAffairs Publ., 704 p.

Received: 23.03.2021. Revised: 26.05.2021. Accepted: 04.06.2021

Об авторе

Добринская Дарья Егоровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры современной социологии

Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова,
119991, Москва, Ленинские горы, 1;
e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8691-9637>
ResearcherID: I-9212-2018

About the author

Daria E. Dobrinskaya

Ph.D. in Sociology, Associate Professor
of the Department of Modern Sociology

Lomonosov Moscow State University,
1, Leninskiye Gory, Moscow, 119991, Russia;
e-mail: darya.dobrinskaya@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8691-9637>
ResearcherID: I-9212-2018

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Добринская Д.Е. Цифровая социология для изучения цифрового общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 250–259. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-250-259

For citation:

Dobrinskaya D.E. [Digital sociology for exploring digital society]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 250–259 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-250-259

УДК 316:004

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-260-269

ЗНАЧЕНИЕ КЛАССИЧЕСКИХ И СОВРЕМЕННЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ФАКТОРОВ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

Костина Наталья Борисовна, Чижов Александр Алексеевич

*Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Екатеринбург)*

Исходя из концепции явного и скрытого потенциала историко-социологического наследия для изучения современных видов и форм проявления социального неравенства в статье рассматривается значимость идей и теорий, разработанных представителями социологической науки, для выявления сущности цифрового неравенства и детерминирующих его факторов. Обосновывается авторская позиция относительно того, что формирующиеся в современной социологии подходы к анализу цифрового неравенства опираются на теории и идеи, представленные в классическом и постклассическом социологическом наследии. Обращается внимание на применение основных идей формирования и воспроизводства социального неравенства О. Конта (идеи формирования категорий патрициата и пролетариата в обществе), К. Маркса (идея влияния экономических факторов на воспроизводство социального неравенства), Г. Зиммеля (феномен отчуждения в обществе), М. Вебера (идеи влияния социального статуса на социальное неравенство в обществе), Э. Дюркгейма (идея влияния демографических факторов на воспроизводство социального неравенства), П. Бурдьё (идея формирования совокупности капиталов индивида как фактора социального неравенства) и Э. Гидденса (идея влияния инноваций, в том числе информационных технологий, на формирование социального неравенства) в работах как зарубежных, так и отечественных исследователей, посвященных исследованию факторов, детерминирующих цифровое неравенство. Кроме того, приводится классификация рассмотренных концепций социального неравенства и структуризация представлений о факторах цифрового неравенства в соответствии с логикой этой классификации. В заключение авторы приходят к выводу, что социологическое наследие содержит как явный, так и скрытый потенциал для понимания феномена цифрового неравенства.

Ключевые слова: цифровое неравенство, явный и скрытый потенциал, информационные технологии, Интернет, социальное неравенство, концепции цифрового неравенства.

THE ROLE OF CLASSIC AND MODERN CONCEPTS FOR THE ANALYSIS OF THE DIGITAL DIVIDE FACTORS

Natalia B. Kostina, Alexander A. Chizhov

*Ural Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)*

Based on the concept of explicit and latent potential of historical and sociological heritage for the study of modern types and forms of social inequality manifestation, the article examines the importance of ideas and theories developed by sociologists to identify the essence of the digital divide and its determinants. The article substantiates the author's position that the approaches to the analysis of digital divide that are developing in modern sociology are based on theories and ideas presented in the classic and post-classic sociological heritage. The article provides the application of the main ideas of the formation and reproduction of social inequality by O. Comte (formation of categories of the patriciate and proletariat in society), K. Marx (influence of economic factors on reproduction of social inequality), G. Simmel (phenomenon of alienation in society), M. Weber (influence of social status on social inequality in society),

E. Durkheim (influence of demographic factors on reproduction of social inequality), P. Bourdieu (formation of an aggregate of an individual's capital as a factor of social inequality) and E. Giddens (influence of innovations, including information technologies, on the formation of social inequality) in the works of both foreign and Russian researchers devoted to the study of factors that determine the digital divide. In addition, the paper provides a classification of the considered concepts of social inequality and structuralizes ideas about the digital divide factors in accordance with the logic of this classification. The authors conclude that the sociological heritage contains both explicit and latent potential for understanding the phenomenon of digital divide.

Keywords: digital divide, explicit and latent potential, information technology, Internet, social inequality, concepts of digital divide.

Теории, сформулированные научными предшественниками, обладают значимым ресурсом для концептуального осмысления проблем современного общества. Однако ценность интеллектуальных ресурсов прошлого не столь очевидна, и задача современных исследователей заключается в том, чтобы выявить методологический потенциал социологического наследия для анализа современных процессов и ситуаций. Изучение предшествующего социологического наследия позволило установить два вида его потенциала — явный и скрытый. К первому можно отнести предвосхищение будущего, сделанное самим ученым (либо его последователями) на основании той или иной идеи. В этом случае сам социолог формирует образ изменений и процессов, которые будут происходить. Создается своего рода теоретическая модель социальных процессов и условий, ученый «переносит» себя в них и находит варианты решения проблем, которые в современном ему обществе реализовать невозможно. Социальная практика свидетельствует о том, что явный потенциал может быть как реальным, так и утопическим (идея Маркса о классовой борьбе как движущей силе истории, отмирании государства). Скрытый потенциал представляет собой возможность использовать теории, сформулированные научными предшественниками, как инструмент для анализа происходящих в современном нам обществе изменений. Очевидно, что использование интеллектуального социологического наследия возможно только с учетом произошедших изменений в социальных условиях. Применительно к анализу цифрового неравенства выявление скрытого потенциала социологических теорий обусловлено тем, что неравенство как форма социального присуще как прошлым, так и современным обществам. Скрытый потенциал теории содержит

как всеобщее, так и особенное содержание. Именно всеобщее этих теорий и сохраняет значение для современности, для изучения как известных, так и новых форм социального неравенства.

Обсуждение социальной структуры и дифференциации обществ на различных стадиях их существования, определение классовообразующих и группообразующих признаков, факторов социального неравенства являются предметным полем социологического знания со времени его возникновения. Как отмечал Т. Парсонс, проблема социальной структуры — это тот предмет социологии как науки, на которую не притягают другие науки [Parsons T., 1937]. По мнению одного из ведущих отечественных специалистов в сфере анализа социального неравенства В.И. Ильина, изучение социальных различий и иерархий, а также механизмов, поддерживающих их, составляет предмет социологии, а проблема социального неравенства является ключевой на всех этапах развития науки в открытой или закрытой формах. Существующее (в каждом конкретном обществе) социальное неравенство определяет структуру общества, поэтому оно не может быть искоренено полностью [Ильин В.И., 2000, с. 46].

Проблема социального неравенства является одной из первостепенных в трудах как классиков социологии, так и современных исследователей. Вместе с тем с учетом новых реалий общественной жизни необходима как модернизация классических, так и выработка новых подходов к изучению теоретических аспектов и проявлений новых форм социального неравенства в современном мире.

Так, одной из новейших форм социального неравенства является цифровое неравенство, предполагающее неравный доступ к благам — цифровым продуктам и услугам, которые люди

могут получить посредством интернет-технологий, и обусловленное этим углубление уже существующих видов неравенства, среди которых неравенство доходов, неравенство профессий, социальное неравенство, проявляющееся в неравном доступе к образовательным услугам и услугам здравоохранения, в данном случае — к телемедицинским консультациям.

Анализ хронологии исследования феномена социального неравенства позволяет сделать вывод о том, что социологические теории середины XIX — начала XX в. коррелировали с господствовавшими на тот момент идеологическими ценностями. Так, классик социологии О. Конт, живший в эпоху великих открытий в области естествознания и ставший свидетелем французской революции 1848 г., отмечал, что разделение труда, служащее фундаментом социального неравенства, является «естественным, самым главным условием нашей социальной жизни». Социальное равенство, по Конту, противоестественно, необходима социальная иерархия и субординация [Сен-Симон А., 2010, с. 46–48]. Для общества своего времени Конт обобщенно выделяет две категории индивидов — патрициат и пролетариат, которые, в свою очередь, внутри делятся на более мелкие группы по профессиональной принадлежности. Только во взаимодействии этих категорий (а также священников и женщин) может быть обеспечен порядок, прогресс и духовное развитие, в результате чего утвердится социократия. При социократии средний класс исчезнет: патриции как носители концентрированной силы и представители богатых слоев населения будут обязаны обеспечить «возможно лучшую участь» пролетариям [Яковенко В.И., 1894, с. 56]. Таким образом, по Конту, в обществе существует социальная дистанция между представителями социальных групп, относящихся к патрициям и пролетариям, при этом у каждой группы есть своя роль, свои социальные ожидания.

Выявляя явный потенциал идей Конта для изучения сущности и форм социального неравенства в современном обществе, в том числе цифрового, необходимо отметить обоснование им роли статусной и профессиональной принадлежности индивида как фактора формирования и воспроизводства неравенства. Согласно результатам глубинного интервью, проведен-

ного американскими исследователями (А. Чаудури и др.), высококвалифицированные специалисты, работники технических специальностей, ученые имеют более высокие возможности получения доступа к интернет-услугам и использования их в различных областях повседневной жизни, что объясняется высоким уровнем образования и готовностью решать сложные задачи [Chaudhuri A. et al., 2005, p. 744]. Кроме того, британский исследователь Х. Милнер отводит особую роль индивидам с высокой цифровой грамотностью в решении проблемы цифрового неравенства [Milner H., 2015, с. 224–226]. Эти граждане становятся «локомотивами» развития современного общества, выступая, таким образом, в качестве новых патрициев. Они, с одной стороны, способствуют обеспечению экономического развития общества, с другой — могут (и, по мнению Х. Милнера, должны) участвовать в повышении цифровой грамотности других слоев населения, обеспечивая, выражаясь языком Конта, «возможно лучшую участь» другим социальным группам, слоям, общностям, не владеющим необходимым для современной жизни цифровым арсеналом. Для понимания социального неравенства и конфликта значимы идеи К. Маркса, осуществившего анализ социальной структуры капиталистического общества, выделившего экономические факторы в качестве главных классовообразующих признаков. По мнению Р. Дарендорфа, Марксова теория классов и конфликтов между ними до сих пор актуальна вследствие того, что в ней «лежит ключ к пониманию современного социального конфликта» [Дарендорф Р., 2002, с. 14].

Особенно важным для понимания конфликтов и неравенства в современных обществах является, по нашему мнению, Марксов анализ феномена отчуждения, продолженный затем в работах Г. Зиммеля [Simmel G., 2004]. Капиталистическое общество, по Марксу, несправедливо, что вызвано феноменом отчуждения труда. Рабочий, производящий прибавочный продукт, воспроизводит капитал, который впоследствии выступает объективно противостоящей ему силой [Маркс К., 1974]. Г. Зиммель в своей «Философии денег» обосновывал всеобщность отчуждения в капиталистическом обществе, при этом фиксируя, что оно сопровождается ростом индивидуальной свободы.

Важна, по нашему мнению, для понимания неравенства в современных обществах, в том числе — цифрового, идея Зиммеля о том, что две главные формы обобществления при капитализме — интеллект и деньги — сопровождаются ростом свободы, но при этом — и индивидуализации людей. Как отмечает Э. Фромм, «Отчуждение ... означает, что человек в своем освоении мира не узнает самого себя как первоисточник, как творца, а мир (то есть природа, вещи, другие люди и сам он) кажется ему чужим, посторонним по отношению к нему» [Фромм Э., 1992, с. 389].

Повсеместное распространение цифровых технологий и, как следствие этого, развитие цифровой среды деперсонализирует человека. Сегодня в цифровой среде наибольшую значимость имеют метрики, среди которых количество друзей, подписчиков, сообщений, перепостов. Вместе с тем человек в Интернете зачастую меняет свое поведение, закрываясь и защищаясь от других людей, скрывая свою сущность. С данной точки зрения, на наш взгляд, повсеместное распространение цифровых технологий негативно сказывается на развитии общества и человека, создавая и воспроизводя так называемое «цифровое отчуждение», которое, в свою очередь, провоцирует и подкрепляет цифровое неравенство.

Нельзя не отметить и проявления феномена отчуждения труда в Интернете при использовании цифровых технологий. И даже с учетом юридической защиты авторского права созданный цифровой продукт, распространенный в Интернете, зачастую теряет авторство. Несмотря на общее падение рынка т.н. интернет-пиратства в 2020 г., интерес к нелегальному контенту среди пользователей только растет.

Цифровое неравенство как фактор и как проявление цифровой стратификации с точки зрения рассмотренного подхода основывается на неравном доступе к экономическим, социальным, культурным благам, который все в большей степени обеспечивается необходимым владением доступа в сеть Интернет и цифровыми навыками.

Кроме того, в контексте обсуждаемой темы необходимо обратить внимание на феномен отчуждения знаний, связанный с формирующимся цифровым неравенством. Так, британский философ П. Грэхэм, используя марксистскую

риторику, говорит о том, что цифровая эпоха и возникающее цифровое неравенство предполагают отчуждение знаний: «Возникновение глобальной экономики знаний предполагает, что самые сокровенные аспекты человеческой деятельности — мышление и язык — теперь технологически и юридически доступны для отчуждения на глобальной основе» [Graham P., 2001, p. 202]. Агентами формального отчуждения при этом являются законодатели: «Правовые структуры нынешнего века огромны, сложны и недоступны пониманию большинства, в этом и заключается неравенство в цифровом пространстве» [Graham P., 2001, с. 342].

Еще одна ключевая парадигма анализа сущности и факторов социального неравенства принадлежит М. Веберу. По мнению отечественного исследователя А.Н. Панарина, «веберовский дискурс о капитализме во всех существенных пунктах оказался противоположным марксистскому» [Панарин А.Н., 2002]. По Марксу, классы существовали везде и всегда, где есть частная собственность и эксплуатация, капитализм же — феномен современности, главный критерий формирования классов — собственность на средства производства и эксплуатация труда. Вебер связывал появление классов с появлением и развитием капитализма (элементы которого в неразвитой форме существовали и в Античности, и в Средневековье, и во весь период Нового времени), главный критерий формирования классов — собственность на средства производства и рынок.

Являясь сторонником идей капитализма, Вебер иначе относится к понятию «класс», по его мнению, это категория, которая описывает коллективные действия в той или иной ситуации. При этом между классами нет жестких границ, эти категории индивидов перетекают из одной в другую. Для него важнейшим фактором, детерминирующим социальное неравенство, является социальный статус, который выражается в поддержании определенного образа жизни индивида, совершении им социальных действий. Социальный статус определяет престиж, который, в свою очередь, влияет как на образ жизни, так и на экономическую деятельность. Так называемая статусная стратификация стабильна до тех пор, пока стабильна экономическая основа, система распределения благ. Технологические и экономические преоб-

разования выводят на передний план классовую стратификацию, однако впоследствии статусная стратификация снова становится определяющей [Weber M., 1994]. Класс как результат социальной стратификации определяется группой людей, имеющих схожие жизненные шансы. Индивиды или группы индивидов, которые относятся к одному классу, имеют «общие возможности потребления благ, достижения определенных социальных позиций, а также обретения внутренней удовлетворенности» [Weber M., 1978].

Важнейшим для понимания класса понятием Вебер считал понятие жизненных шансов, т.е. возможностей, которые может получить индивид для улучшения своей жизни. Скрытый потенциал веберовских идей, получивших в наши дни явное значение для анализа цифрового неравенства, заключается, по нашему мнению, в том, что жизненные шансы групп и общностей, обладающих более высоким уровнем цифровой грамотности, доступа к цифровым продуктам, умений и навыков их применения, предоставляют возможность получить большие блага посредством усилий и знаний, на которые высок спрос на рынках труда и услуг. Выравнивание жизненных шансов будет способствовать нивелированию некоторых аспектов цифрового неравенства в тех ситуациях, где его преодоление действительно оправдано.

Исследования последних лет свидетельствуют, что в качестве основного фактора, детерминирующего цифровое неравенство, выделяются мотивационные различия. По мнению Е.Л. Вартановой и А.А. Гладковой, новым детерминирующим цифровое неравенство и, как следствие, цифровую невключенность фактором стали различия в мотивации индивидов пользоваться сетью Интернет, цифровыми продуктами, получать необходимые для этого знания и навыки и также в их потребности в технологиях в зависимости от профессиональной принадлежности и социодемографических характеристик людей (возраст, уровень образования и доходов, регион проживания, этническая принадлежность) [Вартанова Е.Л., Гладкова А.А., 2021].

Таким образом, при одинаковом доступе к информационно-коммуникационным технологиям и схожести цифровых навыков эффективность использования ИКТ, а также социальные

преимущества, которые пользователи получают от этого использования, могут заметно различаться. Это также имеет значение как фактора, детерминирующего цифровое неравенство, прежде всего как между поколенческими, так и внутр поколенческими группами. В этом также просматривается скрытый потенциал идей М. Вебера о жизненных шансах как детерминантах классовой и внутриклассовой стратификации общества, получивших статус явного теоретического потенциала. Мотивация использования цифровых продуктов сегодня, по мнению Вартановой и Гладковой, является той возможностью, с помощью которой индивид может качественно улучшить свою жизнь.

Классик социологии Э. Дюркгейм в своей докторской диссертации «О разделении общественного труда» приходит к выводу, что социальная стратификация в различных обществах складывается исходя из приоритетности для этого общества соответствующих видов деятельности. Дюркгейм признает неравенство «стартовых жизненных позиций» — талантов индивидов, которые в результате обучения развиваются, образуя, таким образом, социальное неравенство [Дюркгейм Э., 1991, с. 226–229]. Развивая взгляды Э. Дюркгейма, американские социологи К. Дэвис и У. Мур заключают, что социальное неравенство полезно для общества, поскольку самые талантливые индивиды выполняют самые важные для общества виды деятельности. Задача общества — создать необходимые условия для привлечения к социально значимым видам деятельности наиболее талантливых людей. Следовательно, социальное неравенство является одним из факторов выживания общества [Дэвис К., Мур У., 1968, с. 198].

Различия в стартовых жизненных позициях по различным параметрам также фиксируются современными исследователями в качестве детерминант цифрового неравенства. Так, в исследовании К. Миддлтона с соавторами отмечается, что доминирующая в государстве раса имеет более полный доступ к цифровым продуктам [Middleton K., Chambers V., 2010]. Согласно исследованию М. Орвиски и Дж. Хадсона, мужчины чаще, чем женщины, получают доступ к цифровым продуктам и используют их, что обусловливается «неравен-

ством природных талантов» [Orviska M., Hudson J., 2009, p. 283].

Неотъемлемым фактом общественной жизни считал социальное неравенство П.А. Сорокин, утверждая, что «общество без расслоения, с реальным равенством их членов — миф» [Сорокин П.А., 1992, с. 304]. Кроме того, соглашаясь с идеями Дюркгейма, ученый полагает, что существующие различия между полами служат основой для установления множества социально-психических разнообразий между половыми группами [Сорокин П.А., 2012]. Вместе с тем для анализа цифрового неравенства особый интерес представляет, на наш взгляд, концепция П.А. Сорокина о ценностях, основным компонентом которых он считает носители (проводники) этих ценностей. Сорокин выделяет физические и символические проводники. Основное свойство проводников — усиливающееся влияние на сознание и поведение людей. Кроме того, важнейшей характеристикой проводников является возрастание их значимости для людей вплоть до фетиша. «Возникнув как проводники, — пишет Сорокин, — в процессе деятельности они оказывают мощное влияние на поступки людей и состояние их сознания, особенно когда проводники превращаются в самоценные значения, ценности или идолы» [Сорокин П.А., 1992, с. 79].

В современном обществе цифровые технологии уже стали проводниками ценностей. Цифровые технологии жизненно необходимы для современного человека, можно сказать, уже произошла фетишизация цифровых технологий. Кроме того, фетишизация цифровых технологий зачастую навязывается государством. Фетишизация цифровых технологий происходит вне зависимости от государственного строя и политического режима: с помощью цифровых технологий в коммунистической Китайской Народной Республике уже организована система социального рейтинга, на основе которой определяется возможность оказания государственных услуг гражданам, а в монолитной либеральной Японии сформулирована стратегия «Общество 5.0», согласно которой центральное место в развитии общества отводится не человеку, а цифровым технологиям.

Одной из центральных проблем научного исследования французского социолога П. Бурдьё являлась социальная стратификация

и ее влияние на восприятие и оценивание определенных ситуаций индивидами, принадлежащими к разным классам. Класс, по мнению П. Бурдьё, представляет собой совокупность агентов, которые занимают схожие позиции в социальном пространстве, складывающемся из социальных полей, образуемых различными видами капитала — политического, экономического, культурного (символического) и социального. Социальная позиция агента определяется совокупностью позиций в различных полях. Позиция агента в социальном поле формирует габитус — «системы устойчивых и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные функционировать...как принципы, порождающие и организующие практики и представления, которые...не предполагают осознанную направленность на нее и непереносимое овладение необходимыми операциями по ее достижению» [Бурдьё П., 2001, с. 102]. Именно схожие габитусы индивидов формируют социальные классы.

Габитус помогает индивиду успешно ориентироваться в привычной социальной среде, кроме того, обогащение габитуса (т.н. вторичный габитус) может помочь адаптироваться в новой среде [Бурдьё П., 2007].

На идеи П. Бурдьё опираются также исследователи современного общества при анализе процессов цифровизации в целом, цифрового неравенства в частности. По мнению американского исследователя М. Рагнелдды [Ragnedda M., 2017], цифровое неравенство складывается из неравного цифрового капитала индивида, который имеет тесную связь с другими видами капитала — социальным, культурным, политическим. Цифровой капитал, оставаясь отдельным видом капитала человека, является еще и совокупностью капиталов индивида, влияющей на уровни обладания другими нематериальными капиталами и на использование их. Как показывают современные исследования, другие виды капитала зависят от капитала цифрового. Это и социальный капитал, опирающийся на сети социальных связей, которые сами все больше формируются социальными медиа, и культурный капитал, накопление которого связано с навыками социализации — процессом, все более перемещающимся в виртуальную медиакommunikационную среду. На наш взгляд, современные исследователи, опи-

раясь на идеи П. Бурдье о социальных полях, складывающихся из различных видов человеческого капитала, развивают их применительно к цифровому капиталу, его влиянию на формирование капитала цифрового и его роли в социальных процессах. Исходя из терминологии Бурдье, можно предположить, что позиция агента в цифровом социальном пространстве определяется совокупностью диспозиций в различных социальных полях.

Для изучения специфики цифрового неравенства и детерминирующих его факторов явный потенциал содержит определение габитуса индивида. Индивиды вне зависимости от пола, расы, национальности, имеющие техническую возможность использования цифровых продуктов и услуг, могут не пользоваться Интернетом, что вызвано соображениями безопасности, боязнью инноваций, иными предрасположенностями, ставшими объективными в силу устойчивости. Такие устойчивые убеждения могли быть сформированы у людей как в раннем детстве — первичный габитус (например, боязнь чего-либо нового или боязнь поломки), так и в процессе получения жизненного опыта (например, нежелание пользоваться цифровыми технологиями из-за боязни обмана, вызванной ранним опытом).

Соглашается с тезисом о естественности социального неравенства современный британский социолог Э. Гидденс. Он считает, что социальная стратификация может быть определена как структурированные различия между группами людей, и различает 4 основные системы стратификации: рабство, касты, сословия и классы. Если первые три законодательно или религиозно закреплены, классовая принадлежность не зависит от врожденного социального статуса, она достигается индивидом. Таким образом, классы более динамичны, они связаны с различиями в экономическом положении групп людей, т.е. во владении материальными ресурсами и контроле над ними. Основываясь на богатстве в качестве основного фактора, детерминирующего социальное неравенство, Гидденс условно выделяет 3 класса — высший, средний и низший.

Классы, в свою очередь, также стратифицированы. Классы претерпевают внутренние изменения, что связано, по мнению Гидденса, с развитием информационных технологий и, как

следствие, с исчезновением многих профессий, а также с феминизацией: «...растет число женщин, соревнующихся с мужчинами за право занять ограниченное число таких рабочих мест... “Пустые места” скорее всего заполнят те, кто преуспел, получая образование» [Гидденс Э., 1999, с. 77]. Кроме того, как отмечает Гидденс, появление новых типов общественных отношений провоцирует новые формы проявлений социального неравенства. Это значит, что появление цифрового взаимодействия как новой формы социального взаимодействия влечет новый вид социального неравенства — цифрового.

В заключение приведем классификацию рассмотренных концепций социального неравенства в зависимости от факторов, его детерминирующих, и структурируем представления о факторах цифрового неравенства в соответствии с логикой этой классификации. Так, в соответствии с идеями Конта, определяющим фактором воспроизводства социального неравенства являются статусная и профессиональная принадлежности индивида. Кроме того, М. Вебер обозначал социальный статус важнейшим фактором для формирования социального неравенства. В ракурсе формирования цифрового неравенства социальный статус и профессиональную принадлежность в качестве основных факторов выделяют А. Чаудури, Х. Милнер. К. Маркс в качестве основных классовообразующих факторов выделял экономические факторы, важнейшим феноменом для формирования социального неравенства у Маркса выступает отчуждение труда. Испытавший влияние идей Маркса Г. Зиммель констатирует, что появление денег ознаменовало наступление нового исторического периода общества — периода отчуждения. Феномен отчуждения знаний в цифровом обществе и его влияние на формирование цифрового неравенства рассматривается в работах П. Грэхэма. Демографические факторы как источник воспроизводства социального неравенства отмечаются в работах Э. Дюркгейма, П.А. Сорокина. В качестве детерминант цифрового неравенства демографические факторы обозначаются К. Миддлтоном, М. Орвиской и др. П. Бурдье считает неравенство позиций в различных социальных полях и складывающийся социальный капитал источником соци-

ального неравенства. На основе идей Бурдье М. Рагнедда вводит понятие цифрового капитала, который тесно связан с другими видами капитала — социальным, культурным, политическим.

Таким образом, цифровое неравенство как новая форма социального неравенства — явление, обусловленное рядом возможных вариаций технологических, социально-экономических, демографических и психологических факторов пользования интернет-ресурсами. Несмотря на то что все больше людей имеют техническую возможность выхода в Интернет, цели пользования им различны. Основные теории возникновения и развития цифрового неравенства опираются на теории и идеи, представленные в классическом и пост-классическом социологическом наследии, которое содержит как явный, так и скрытый потенциал для понимания рассматриваемого феномена.

Список литературы

- Бурдье П. Практический смысл / под ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
- Бурдье П. Социология социального пространства / под ред. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
- Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. Вып. 1. С. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>
- Гидденс Э. Социология / под общ. ред. Л.С. Гурьевой. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 703 с.
- Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. с нем. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН, 2002. 284 с.
- Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации // Информационный бюллетень ССА. Серия «Переводы и рефераты». 1968. № 6. С. 194–212.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / под ред. А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1991. 575 с.
- Ильин В.И. Социальное неравенство. М.: Изд-во института социологии РАН, 2000. 280 с.
- Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
- Панарин А.Н. Макс Вебер против Карла Маркса // Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. URL: <https://fil.wikireading.ru/35772> (дата обращения: 01.04.2021).
- Сен-Симон А. Катехизис промышленников, или Система позитивной политики / пер. с фр. И.А. Ивановой. М.: Кн. дом «Либроком», 2010. 173 с.
- Сорокин П.А. Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии // Питирим Сорокин: Новые материалы к научной биографии: сб. науч. тр. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 12–81. URL: http://inion.ru/site/assets/files/3747/2012_pitirim_sorokin.pdf (дата обращения: 01.04.2021).
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество / под общ. ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. 543 с.
- Фромм Э. Марксова концепция человека / пер. с англ. Э.М. Телятниковой // Фромм Э. Душа человека. М.: Республика, 1992. С. 375–414.
- Яковенко В.И. Огюст Конт, его жизнь и философская деятельность: биографический очерк. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1894. 110 с.
- Chaudhuri A., Flamm K.S., Horrigan J. An analysis of the determinants of Internet access // Telecommunications Policy. 2005. Vol. 29, iss. 9–10. P. 731–755. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2005.07.001>
- Graham P. The digital dark ages: The knowledge economy as alienation // The Fibreculture Reader: Politics of a digital present. Melbourne, AU, 2001. URL: <https://eprints.qut.edu.au/12058/1/12058.pdf> (accessed: 07.04.2021).
- Middleton K., Chambers V. Approaching Digital Equity: is wifi the new leveler? // Information Technology and People. 2010. Vol. 23, iss. 1. P. 4–22. DOI: <https://doi.org/10.1108/09593841011022528>
- Milner H. Local + Digital + Scale: A Mass Movement for Digital Inclusion // Digital divides. The New Challenges and Opportunities of e-Inclusion. Boca Raton, FL: CRC Press, 2015. P. 217–246.
- Orviska M., Hudson J. Dividing or uniting Europe? Internet usage in the EU // Information Economics and Policy. 2009. Vol. 21, iss. 4. P. 279–290. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2009.06.002>
- Parsons T. The Structure of Social Action. N.Y.: The Free Press of Glencoe, 1937. 830 p.
- Ragnedda M. The third digital divide: A weberian approach to digital inequalities. N.Y.: Routledge, 2017. 136 p.

Simmel G. The Philosophy of money. London: Routledge, 2004. 616 p.

Weber M. Class, Status, Party // Social Stratification: Class, Race, and Gender in Sociological Perspective / ed. by D.B. Grusky. Boulder, CO: Westview Press, 1994. 750 p.

Weber M. Economy and society: An Outline of Interpretive Sociology: in 2 vols / ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley, CA: University of California Press, 1978. 1469 p.

Получена: 27.04.2021. Доработана после рецензирования: 07.06.2021. Принята к публикации: 09.06.2021

References

Bourdieu, P. (2001). *Prakticheskiy smysl* [Practical meaning]. Saint Petersburg: Aletya Publ., 562 p.

Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of social space]. Saint Petersburg: Aletya Publ., 288 p.

Chaudhuri, A., Flamm, K.S. and Horrigan J. (2005). An analysis of the determinants of Internet access. *Telekommunikatsionnaya politika* [Telecommunications Policy]. Vol. 29, iss. 9–10, pp. 731–755. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.telpol.2005.07.001>

Darendorf, R. (2002). *Sovremennyy sotsial'nyy konflikt. Ocherk politiki svobody* [The modern social conflict. Essay on the politics of freedom]. Moscow: ROSSPEN Publ., 284 p.

Davies, K. and Moore, W. (1968). Some principles of stratification. *Informatsionnyy byulleten' SSA. Seriya «Perevody i referaty»* [SSA Newsletter. Series «Translations and Abstracts»]. No. 6, pp. 194–212.

Durkheim, E. (1991). *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labour in Society]. Moscow: Nauka Publ., 575 p.

Fromm, E. (1992). [Marx's concept of man]. *Fromm E. Dusha cheloveka* [Fromm E. The Heart of Man]. Moscow: Respublika Publ., pp. 375–414.

Giddens, E. (1999). *Sotsiologiya* [Sociology]. Moscow: Editorial URSS Publ., 703 p.

Graham, P. (2001). The digital dark ages: The knowledge economy as alienation. *The Fibreculture Reader: Politics of a digital present*. Melbourne, AU. Available at: <https://eprints.qut.edu.au/12058/1/12058.pdf> (accessed 07.04.2021).

Il'in, V.I. (2000). *Sotsial'noe neravenstvo* [Social inequality]. Moscow: IS RAS Publ., 280 p.

Marx, K. (1974). [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya: v 50 t.* [Marx K., Engels F. Works: in 50 vols]. Moscow: Politizdat Publ., vol. 42, pp. 41–174.

Middleton, K. and Chambers, V. (2010). Approaching digital equity: is wifi the new leveler? *Informatsionnye tekhnologii i lyudi* [Information Technology & People]. Vol. 23, iss. 1, pp. 4–22. DOI: <https://doi.org/10.1108/09593841011022528>

Milner, H. (2015). Local + Digital + Scale: a mass movement for digital inclusion. *Digital Divides. The New Challenges and Opportunities of e-Inclusion*. Boca Raton, FL: CRC Press, pp. 217–246.

Orviska, M. and Hudson, J. (2009). Dividing or uniting Europe? Internet usage in the EU. *Information Economics and Policy*. Vol. 21, iss. 4, pp. 279–290. DOI:

<https://doi.org/10.1016/j.infoecopol.2009.06.002>

Panarin, A.N. (2002). [Max Weber vs Karl Marx]. *Iskusheniye globalizmom* [Temptation by globalism]. Moscow: Eksmo-press Publ., Available at: <https://fil.wikireading.ru/35772> (accessed 01.04.2021).

Parsons, T. (1937). *The structure of social action*. New York: The Free Press of Glencoe, 830 p.

Ragnedda, M. (2017). *The third digital divide: A weberian approach to digital inequalities*. New York: Routledge, 136 p.

Saint-Simon, H. (2010). *Katekhizis promyshlennikov, ili Sistema pozitivnoy politiki* [Catechism of industrialists]. Moscow: Librokom Publ., 173 p.

Simmel, G. (2004). *The Philosophy of money*. London: Routledge, 616 p.

Sorokin, P.A. (1992). *Chelovek. Tsivilizatsiya. Obschestvo* [Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat Publ., 543 p.

Sorokin, P.A. (2012). [Society, culture and personality: their structure and dynamics. General sociology system] *Pitirim Sorokin: Novyye materialy k nauchnoy biografii: sb. nauch. tr.* [Pitirim Sorokin: New materials for a scientific biography: coll. of scientific works]. Moscow: ISSS RAS Publ., pp. 12–81. Available at: http://inion.ru/site/assets/files/3747/2012_pitirim_sorokin.pdf (accessed 01.04.2021).

Vartanova, E.L. and Gladkova, A.A. (2021). [Digital divide, digital capital, digital inclusion: dynamics of theoretical approaches and political decisions]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistsika*. Iss. 1, pp. 3–29. DOI: <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.1.2021.329>

Weber, M. (1978). *Economy and society: An Outline of Interpretive Sociology: in 2 vols*, ed. by G. Roth, C. Wittich. Berkeley, CA: University of California Press, 1469 p.

Weber, M. (1994). *Class, status, party. Social stratification: class, race, and gender in sociological*

perspective, ed by D.B. Grusky, Boulder, CO: Westview Press, 750 p.

Yakovenko, V.I. (1894). *Ogyust Kont, ego zhizn' i filosofskaya deyatel'nost': biograficheskiy ocherk* [Auguste Comte, his life and philosophical activity: a

biographical sketch]. Saint Petersburg: Tovarishestvo «Obschestvennaya pol'za» Publ., 110 p.

Received: 27.04.2021. Revised: 07.06.2021. Accepted: 09.06.2021

Об авторах

Костина Наталия Борисовна

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры теории и социологии
управления

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: kostinanb30@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7188-0496>
ResearcherID: AAM-9239-2021

Чижов Александр Алексеевич

аспирант кафедры теории и социологии
управления

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
620144, Екатеринбург, ул. 8 Марта, 66;
e-mail: a.chizhov@egov66.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4928-2160>
ResearcherID: AAM-8206-2021

About the authors

Natalia B. Kostina

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of the Department of Theory and Sociology
of Management

Ural Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta st., Ekaterinburg, 620144, Russia;
e-mail: kostinanb30@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7188-0496>
ResearcherID: AAM-9239-2021

Alexander A. Chizhov

Ph.D. Student of the Department of Theory
and Sociology of Management

Ural Institute of Management (Branch) of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
66, 8 Marta st., Ekaterinburg, 620144, Russia;
e-mail: a.chizhov@egov66.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4928-2160>
ResearcherID: AAM-8206-2021

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Костина Н.Б., Чижов А.А. Значение классических и современных социологических концепций для анализа факторов цифрового неравенства // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 260–269. DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-260-269

For citation:

Kostina N.B., Chizhov A.A. [The role of classic and modern concepts for the analysis of the digital divide factors]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 260–269 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-260-269

УДК 316.334–056.24

DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-270-281

РЕАБИЛИТАЦИОННАЯ СРЕДА ИНВАЛИДА: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОНЯТИЯ В СОЦИОЛОГИИ

Григорьева Милана Игоревна

Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)

Рассматриваются подходы исследователей в области социологии и научные представления авторов других областей научного знания к проблеме инвалидов и к пониманию сути реабилитационной среды для них. Гуманизация современного общества, его ориентация на развитие и активизацию слабозащищенных социальных групп, традиционно считающихся дискриминируемыми, требует в этой связи переосмысления научных подходов к проблеме инвалидов и созданию соответствующих жизненных условий для их полноценного функционирования, включая возможность своевременного получения социальных услуг и реабилитационных технологий в рамках реабилитационной среды. Отсутствие в современной социологической науке понятия «реабилитационная среда инвалида» обуславливает необходимость провести соответствующий анализ и обосновать сущность данного понятия, основываясь на структурно-функциональном, институциональном, системном, конструктивистском, феноменологическом и иных подходах. В результате проведенного анализа автор статьи попытался представить уровни и структуру реабилитационной среды инвалидов, сформулировать ее основные функции и принципы конструирования, а также определить внутренние и внешние факторы, оказывающие влияние на ее функционирование. В итоге сделан вывод о том, что реабилитационная среда инвалида — это взаимодействие различных форм социально-реабилитационных отношений, в основу которых заложено наличие особых условий и ресурсов для осуществления жизненных потребностей и запросов на реабилитацию, ориентированных на актуализацию реабилитационного потенциала, обеспечение достойного качества жизни. Основными элементами реабилитационной среды являются организации реабилитационного профиля на разных уровнях управления (макро-, мезо-, микроуровня) с четко выраженными функциями субъектно-объектного регулирования и др.

Ключевые слова: инвалиды, реабилитация инвалидов, система комплексной реабилитации инвалидов, реабилитационная среда инвалидов, реабилитационный институт.

REHABILITATION ENVIRONMENT FOR THE DISABLED: CONCEPTUALIZATION OF THE CONCEPT IN SOCIOLOGY

Milana I. Grigoreva

Perm State University (Perm)

The article discusses the research approaches applied in sociology and the ideas of authors from other fields of scientific knowledge with regard to the problem of people with disabilities and understanding of the essence of the rehabilitation environment for them. The humanization of modern society, its orientation towards the development and activation of weakly protected social groups, traditionally considered discriminated, requires, in this regard, a rethinking of scientific approaches to the problem of the disabled and the creation of full-fledged living conditions for their functioning, including the possibility of timely reception of social services and rehabilitation technologies within the framework of rehabilitation environment. The practical absence of the concept of «rehabilitation environment for a disabled person» in modern sociological science enables us to conduct an appropriate analysis and substantiate the essence of this category based on the structural-functional, institutional, systemic, constructivist, phenomenological, and other approaches. Following the results of this analysis, we present the levels and structure of the rehabilitation environment

for people with disabilities, formulate its main functions and principles, and also determine the internal and external factors that influence its functioning. We conclude that the rehabilitation environment for a disabled person is the interaction of various forms of social and rehabilitation relations based on the presence of special conditions and resources for the implementation of vital needs and rehabilitation requests focused on the actualization of the rehabilitation potential, on a decent quality of life. The main elements of the rehabilitation environment are rehabilitation institutions at different levels of management (macro-, meso-, microlevel) with clearly expressed functions of subject-object regulation, etc.

Keywords: disabled, persons with disabilities, rehabilitation of persons with disabilities, system of comprehensive rehabilitation of persons with disabilities, rehabilitation environment of persons with disabilities, rehabilitation institute.

Введение

По данным Всемирной организации здравоохранения, инвалиды составляют в настоящее время около 10 % населения любой страны вне зависимости от уровня ее социально-экономического развития; усложняется внутренняя структура данной социальной группы, формируется ее самоидентичность. Начиная с середины XX в. на международном уровне принимаются нормативно-правовые акты как по защите их общих прав (например, Декларация о правах инвалидов 1975 г., Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов 1993 г.), так и прав отдельных категорий людей с инвалидностью (Декларация прав умственно отсталых лиц 1971 г.). Важнейшим шагом стало принятие в 2006 г. Конвенции о правах инвалидов Организации Объединенных Наций, документа, который предусматривает социальный подход к инвалидности, гарантирует соблюдение прав инвалидов во всех сферах жизнедеятельности общества, а также обязывает страны, ратифицировавшие его, обеспечить формирование и развитие соответствующей социальной и реабилитационной (абилитационной) среды для лиц с инвалидностью.

Для Российской Федерации в целом характерно снижение уровня инвалидизации населения (под инвалидизацией понимается нарастание доли людей с инвалидностью в составе населения, обусловленное распространением инвалидизирующих патологий и внешними воздействиями, приводящими к инвалидности [Напун Л.Н., 2019]) за последние пять лет с 9,92 % (доля инвалидов в общей численности населения) до 9,26 %, при этом за аналогичный период наблюдается рост доли детей-инвалидов с 2,11 до 2,37 %. Разный уровень инвалидизации характерен для федеральных округов; так, например, наибольший уровень инвалидизации насе-

ления, 12,69 %, в 2021 г. отмечается в Северо-Кавказском федеральном округе, наименьший — 7,33 % — в Уральском. Пермский край занимает 8-е место среди регионов Приволжского федерального округа по доле людей с инвалидностью в общей численности населения: в Пермском крае удельный вес инвалидов составляет 9,4 %, что выше среднего показателя по Приволжскому федеральному округу (8,87 %) и соответствует среднему показателю по России [Федеральный реестр инвалидов, 2021].

Вопросы реабилитации и абилитации инвалидов регулируются Федеральным законом «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который был принят в 1995 г. Согласно закону под реабилитацией инвалидов понимается система и процесс полного или частичного восстановления способностей инвалидов к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности, под абилитацией — система и процесс формирования отсутствовавших у инвалидов способностей к бытовой, общественной, профессиональной и иной деятельности [Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ]. В рамках социологии реабилитация инвалидов рассматривается как восстановление нарушенного в результате болезни равновесия (соответствия) человека (личности) и социальной среды [Кирилюк О.М., 2007].

В настоящее время Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации и его структурными научными подразделениями совместно с российскими регионами, представителями некоммерческих организаций инвалидов и родителей детей-инвалидов проводится активная работа по формированию пакета документов по внесению изменений и дополнений в действующее законодательство в части формирования и развития системы комплексной реабилитации, обеспечения доступности и комфортности реабилитационной среды инвалидов.

Трансформация представлений о людях с инвалидностью в современном обществе детерминирована их переосмыслением на уровне самого общества: наблюдаемый нами переход от традиционной патерналистской, медицинской модели инвалидности к социальной, инновационной, предполагающей активное вовлечение инвалидов во все сферы жизни общества, требует анализа возможностей и готовности самого общества к их принятию и созданию возможностей для их жизнедеятельности [Калашникова И.В., Тринадцатко А.А., 2017; Котова О.В., 2010; Ярская-Смирнова Е.Р., 1997]. Нельзя не отметить, что реабилитационная среда для инвалидов в настоящее время приобретает более доступный характер: увеличивается число приспособлений, облегчающих им жизнь в обществе, реализуются потребности в труде и отдыхе, общении, самореализации. В то же время данные объекты не всегда отвечают интересам и потребностям людей с инвалидностью. Логично возникает ряд вопросов: каким образом формируется реабилитационная среда для инвалидов, в чем ее специфика, какова ее структура и функции.

На данный момент в социологической науке отсутствует понятийное обоснование сущности реабилитационной среды, она рассматривается фрагментарно, через категориальный подход (например, реабилитационная среда лиц с различными видами нарушений: детей с аутизмом, лиц с нарушениями зрения, слуха, опорно-двигательного аппарата [Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В., 2021]) или институциональный (анализ реабилитационной среды отдельных социальных институтов: образовательных или реабилитационных учреждений, психоневрологических интернатов [Бакшиханова С.С., Дашинажилова В.Н., 2015; Мясников И.Р. и др., 2018; Санникова С.С., Гапоненок Ю.В., 2018]). При этом зачастую современные исследования посвящены анализу средовых барьеров, т.е. факторов, препятствующих полноценному функционированию лиц с инвалидностью [Наберушкина Э.К., 2013; Афонькина Ю.А., Жигунова О.В., 2018], а не тех возможностей, которые имеются или могут быть созданы в окружающей среде.

Этим и обусловлена необходимость сформулировать цель данного исследования — проведение анализа имеющихся представлений в социологии, в контексте которых можно концептуализировать понятие «реабилитационная среда для инвалидов».

Понятие «реабилитационная среда инвалида»

«Реабилитационная среда» — это дефиниция и термин, называющий соответствующее понятие, которое, на наш взгляд, может рассматриваться в широком и узком смысле. В широком смысле понятие «реабилитационная среда» представляет собой систему социального окружения человека с инвалидностью, в процессе взаимодействия с которой он осуществляет свою жизнедеятельность. В данном случае понятие «реабилитационная среда» тождественно понятиям «социальная среда», «жизненная среда», «жизненный мир» и охватывает широкий средовый континуум. В узком смысле «реабилитационная среда» может быть представлена как элемент системы социального, включая семейное, окружения инвалида, основной функцией которого является содействие в реабилитации и абилитации (восстановление или формирование нарушенных или отсутствующих функций, связей, отношений).

Попробуем представить нашу точку зрения на понятие «реабилитационная среда» в контексте теоретико-методологических подходов в социологии (табл. 1).

Ш.К. Ханнанов предлагает рассматривать концепцию социальной среды в современных социально-гуманитарных науках в рамках двух направлений: антропоцентрического, т.е. как среду качества фактора, влияющего на становление и развитие человека, и эгоцентрического, где человек есть активный социальный агент формирования и развития социальной среды [Ханнанов Ш.К., 2011, с. 72]. Разделяя мнение автора, сделаем предположение о возможности адаптации данной концепции к понятию «реабилитационная среда инвалида». К эгоцентрическому направлению отнесем такие социологические подходы, как системный, конструктивистский и феноменологический, к антропоцентрическому — структурно-функциональный и институциональный подходы, а также символический интеракционизм.

Попытка описать системные взаимосвязи понятия «реабилитационная среда» была сделана А.Б. Чистовой. По ее мнению, реабилитационная среда является функциональной основой понятия «реабилитационная система». Кроме того, она использует и понятие «реабилитационное пространство», которое транслируется как орга-

низационно-институциональный вектор развития. В качестве системообразующих элементов реабилитационной среды А.Б. Чистова называет социально-психологический климат, социально-психологическую атмосферу и реабилитационные технологии, при этом комплекс социальных институтов, служб и учреждений, а также механизмы их взаимодействия автор относит к категории «реабилитационное пространство». Дан-

ная точка зрения представляется несколько противоречивой. На наш взгляд, реабилитационная среда инвалида является частью системы, основными элементами которой являются, как мы упоминали выше, организации реабилитационного профиля на разных уровнях управления (макро-, мезо-, микроуровня) с четко выраженными функциями субъектно-объектного регулирования и др. (табл. 2).

Таблица 1. Теоретико-методологические подходы к определению понятия «реабилитационная среда инвалида»

Table 1. Theoretical and methodological approaches towards the definition of «rehabilitation environment for a disabled person» concept

Тип теоретико-методологических подходов	Специфика подхода к определению понятия «реабилитационная среда инвалида»
Системный (Т. Парсонс, Н. Луман)	Холистический подход к реабилитационной среде, ее содержанию, месту в реабилитационной системе, структурным элементам и взаимосвязям между ними.
Структурно-функциональный (Т. Парсонс, Р. Мертон)	Структура и функции реабилитационной среды, процесс ее организации (формирования).
Конструктивистский (П. Бергер, Н. Луман)	Принципы формирования реабилитационной среды, роль методов и технологий реабилитации в формировании реабилитационной среды.
Институциональный (Я. Щепаньский)	Влияние социальной политики государства на реабилитационную среду инвалида, реабилитационные организации и институты.
Феноменологический (А. Щюц)	«Субкультура» инвалида, его жизненный мир (самоидентичность). Интерпретация категорий инвалидности и реабилитации субъектами социальной политики.
Интеракционистский (Дж. Мид)	Взаимодействие людей с инвалидностью и обществом, безбарьерная информационно-коммуникационная среда как элемент реабилитационной среды.

Таблица 2. Системный подход к понятию «реабилитационная среда инвалида»

Table 2. Systemic approach towards of «rehabilitation environment for a disabled person» concept

Состав понятия	Характеристика
Теоретико-методологические подходы к понятию «реабилитационная среда инвалида»	- категориальный - институциональный - «реабилитационная среда» в широком смысле - «реабилитационная среда» в узком смысле
Направления исследования	- антропоцентрическое - экоцентрическое
Уровни реабилитационной среды	- (над)уровень - макроуровень - мезоуровень - микроуровень
Системные взаимосвязи	Реабилитационная среда инвалида как система в структуре общественных отношений
Структурные элементы	-реабилитационные организации (государственные, негосударственные)
Функции	- восстанавливающая - развивающая - формирующая - интегрирующая - адаптационная
Принципы	-объективности -перспективы -включенности -оптимальности -комплексность, системность -личностно-ориентированность -процессуальность -векторность

Системный подход позволяет рассмотреть реабилитационную среду инвалида как систему взаимосвязанных элементов. Теория Т. Парсонса о системе как комплексе взаимозависимостей между частями, компонентами и процессами, который включает в себе вычленимые регулярные связи, так и аналогичный тип взаимозависимости между конкретным комплексом и его внешней средой позволяет нам раскрыть понятие «реабилитационной среды» не только через ее подсистемы, но и уровни реабилитационной среды, которые можно подразделить:

- на индивидуальный — т.е. уровень, самого инвалида как человека, имеющего определенные нарушения функций организма, ограничения жизнедеятельности;
- уровень социальной системы, т.е. непосредственное окружение инвалида, взаимодействие между инвалидом и его ближайшим окружением (семья, друзья, соседи);
- уровень культурной подсистемы, т.е. реабилитационные организации, с которыми у инвалида есть или отсутствуют коммуникации (вертикальные взаимосвязи), а также коммуникации в рамках данной подсистемы (горизонтальные взаимосвязи);
- уровень ценностно-смысловой системы (назовем ее так), т.е. уровень объектно-субъектной трансформации инвалида, когда в процессе реабилитации, адаптации и интеграции инвалид становится субъектом реабилитационной деятельности и формирования реабилитационной среды.

Н. Луман в рамках своей системной теории разделяет понятия «система» и «среда», отмечая, что система есть последовательность операций, сцепление операций, тогда как среда — это то, что остается снаружи [Луман Н., 2007, с. 79]. Особенность системы Н. Луман видит в ее способности к самовоспроизводству, саморазвитию, тому, что он называет аутопойесис. Между тем особенность реабилитационной среды как раз и заключается в ее способности к развитию. Реабилитационная среда не может быть вне проблем инвалида и его ближайшего окружения. Она, на наш взгляд, включает сеть реабилитационных организаций, технологий, с одной стороны, с другой стороны, предполагает общественные отношения, динамика которых

приводит к изменениям реабилитационной среды. Так, например, в настоящее время в Пермском крае, где формируется реабилитационная среда на уровне муниципальных округов, в четырех пилотных территориях реализуется технология «коммунальной реабилитации» (см.: [Бронников В.А., Григорьева М.И., 2020]).

С точки зрения структурно-функционального анализа реабилитационная среда характеризуется не только наличием взаимосвязанных элементов, но и важными изменениями как самого инвалида, так и окружающей действительности. Данный подход демонстрирует и Л.С. Шпилея, понимая под формированием реабилитационной среды инвалида совокупность объективных факторов, включая факторы организационного характера (реабилитационный центр, социальная служба, некоммерческая организация) и функционального значения (медицинские, трудовые, психолого-психотерапевтические, образовательные, воспитательные, микросредовые, семейные и др.), объединенных программой реабилитации и влияющих на восстановление или формирование социально приемлемых личностных и поведенческих качеств человека, способствующих его реадaptации и ресоциализации [Шпилея Л.С., 2011]. С данной точкой зрения согласны С.С. Бакшиханова и В.Н. Дашинамжилова, представляя реабилитационную среду инвалида как комплекс мероприятий медицинского, психологического, социального и педагогического характера, а также предметную среду, включающую библиотеку, игровой и спортивный уголок, детскую площадку [Бакшиханова С.С., Дашинамжилова В.Н., 2015, с. 71], по сути, они определяют реабилитационную среду через функциональное направление.

Идея эндогенных и экзогенных источников изменений системы [Парсонс Т., 1994, с. 469] нашла отражение в интерпретации понятия реабилитационной среды инвалида у Н.В. Шолуха. Он представляет данное понятие как систему определенных, тесно взаимосвязанных составляющих, способных видоизменяться и эволюционировать во времени под воздействием внутренних и внешних факторов [Шолух Н.В., 2008, с. 320]. Внутренними факторами, оказывающими влияние на реабилитационную среду, по его мнению, будут являться

потребности инвалидов в мероприятиях по комплексной реабилитации, которые оцениваются при проведении медико-социальной экспертизы и отражаются в индивидуальной программе реабилитации и абилитации инвалидов (детей-инвалидов). Внешние факторы — это содержание и актуальные направления федеральной и региональной социальной политики, развитость социальной и реабилитационной инфраструктуры, активность гражданского общества, отношение общества к людям с инвалидностью в целом. Г.Н. Пономаренко и О.Н. Владимирова, исходя из современного биопсихосоциального подхода к инвалидности и реабилитации, выделяют два уровня факторов: уровень индивидуума, который проявляется в непосредственном окружении индивида, охватывающем домашнюю обстановку, место работы, школу, и оценивается с помощью анализа разработанных для инвалида индивидуальных программ реабилитации и абилитации, индивидуальных программ оказания социальных услуг, социального сопровождения и т.д., и уровень общества, куда входят формальные и неформальные социальные структуры, службы, общие установки и системы в сообществе или сфере культуры, которые оказывают влияние на людей [Пономаренко Г.Н., Владимирова О.Н., 2019, с. 10].

Анализ влияния внутренних и внешних факторов на формирование реабилитационной среды инвалида позволяет нам обратиться и к конструктивистскому подходу в социологии. Безусловно, реабилитационная среда — это продукт конструирования данной реальности ее субъектами (профессионалами в области реабилитации, управленцами в сфере социальной и реабилитационной политики) и объектами (самими инвалидами, их ближайшим окружением, общественными объединениями); причем вторая группа агентов производства социальной реальности (по П. Бергеру и Т. Лукману) не менее важна, чем первая, с целью трансформации объект-субъектных отношений в реабилитационной среде инвалидов. В качестве аргумента в пользу данного тезиса можно привести такой факт: с 2018 г. в каждом субъекте Российской Федерации проводится оценка комплексной реабилитации инвалидов, детей-инвалидов по определенным параметрам, отражающим как раз процедуру конструирования реабилита-

ционной среды с участием реабилитационных организаций и привлечением механизмов реабилитации. Наличие у субъектов управления социальной сферой региона информации (знаний — П. Бергеру и Т. Лукману) о степени сформированности системы позволяет им формировать, конструировать региональную реабилитационную среду, в том числе и с учетом мнения самих инвалидов.

Разделяем точку зрения И.В. Пестовской, которая также рассматривает понятие реабилитационной среды инвалида с позиций конструктивистского подхода, включая в ее содержание единое социокультурное пространство, специально моделируемое участниками реабилитационного процесса с целью максимальной реализации индивидуального реабилитационного потенциала [Пестовская И.В., 2013, с. 94]. Автор выделяет следующие факторы (или условия), влияющие на формирование (конструирование) реабилитационной среды: физические, т.е. оснащенность и оборудованность процесса реабилитации, функциональный дизайн; профессиональные, или профессиональные условия реабилитационной среды, под которыми понимается программно-методическая оснащенность профессиональной деятельности, профессионализм в организации и обеспечении процесса, качество квалификации сотрудников; коммуникативные факторы, под которыми исследователь понимает качество коммуникации внутри реабилитационной организации. И.В. Пестовской сформулированы принципы формирования (конструирования) реабилитационной среды: объективности (учет всех фактов и обстоятельств в процессе реабилитации); перспективы (принцип развития); включенности (активности объекта реабилитации, активизации его собственных ресурсов); оптимальности (соответствующего распределения ресурсов). Разделяя данную точку зрения, добавим и свое представление о принципах формирования реабилитационной среды инвалида, включив дополнительно такие, например, как комплексность, системность (всесторонность и мультидисциплинарность); личностноориентированность (персональный, индивидуальный подход к каждому человеку с инвалидностью); процессуальность (преемственность и непрерывность реабилитационных мероприятий, наличие для этого условий в

рамках реабилитационной среды); векторность (разнонаправленность и разноуровневость реабилитационных мероприятий в рамках личного реабилитационного пространства инвалида).

Институциональный подход позволяет рассмотреть реабилитационную среду для людей с инвалидностью как систему социальных и реабилитационных институтов. Так, Я. Щепаньский разводит понятия «социальный» и «общественный» институт, понимая под общественными все виды институтов, называя их «главными»: экономические, политические, воспитательные или культурные, социальные институты в узком смысле и религиозные. Социальными же институтами Я. Щепаньский отмечает те, которые организуются добровольным объединением людей (местные общества, клубы), т.е. регулируемые людьми в их повседневной жизни [Щепаньский Я., 1969, с. 100], отличая от них понятие организации, которую он определяет через процесс функционирования (сотрудничества) общностей, упорядоченных на основе действующих законов и обычаев, выполняющих общественно необходимые функции для удовлетворения потребностей [Щепаньский Я., 1969, с. 111]. З.П. Замараева, развивая концепцию социального института, поддерживает мнение Дж. Фейблмана, различая понятия «институт» и «организация» в понимании организации как «сердца социального института» [Замараева З.П., 2007, с. 21]; причем, если Я. Щепаньский организацию определяет через процесс функционирования, то З.П. Замараева приоритет отдает его предметному пониманию. На основе определения социального института, представленного З.П. Замараевой, предлагаем сформулировать понятие реабилитационного института как ценностно-нормативной системы, включающей в себя совокупность принципов, норм, стандартов, статусов и ролей, регулирующей сферу реабилитации людей с инвалидностью, реализующей потребность общества в интеграции людей с инвалидностью и реализации их прав.

В рамках институционального подхода процесс формирования реабилитационной среды для людей с инвалидностью обосновывают Г.Г. Саитгалиева и Л.Д. Матвеева, отмечая, что в имеющейся социальной среде для людей с инвалидностью существуют дефекты, поэтому государство должно содействовать их устране-

нию и создавать социальные институты, способствующие их компенсации [Саитгалиева Г.Г., Матвеева Л.Д., 2016, с. 141], соответственно, по Я. Щепаньскому, это должны быть как формальные институты (которыми являются государственные реабилитационные центры), так и неформальные (некоммерческие организации и объединения инвалидов).

Символический интеракционизм как социологическая парадигма, рассматривающая взаимодействие людей через общение, основывающееся на определенных социальных символах (языке, жестах и иных символах), также очень важен для формирования и раскрытия понятия «реабилитационная среда инвалидов». Считаем необходимым обратить внимание на понятие доступности среды для инвалидов, под которой следует понимать непосредственное и опосредованное окружение инвалидов, отсутствие (или только максимально минимизированы) физических, административных, коммуникативных и информационных барьеров. Ю.А. Афонькина и Г.В. Жигунова с позиции символического интеракционизма справедливо выделяют символические социокультурные признаки социальной среды инвалида [Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В., 2018, с. 7]. Действительно, реабилитационная среда для инвалида должна быть доступной с точки зрения возможности включения в нее людей с различными формами инвалидности. И, обращаясь к теории Дж. Мида, отметим, что взаимодействие людей возможно, если символы, с помощью которых это взаимодействие осуществляется, воспринимаются и разделяются другими людьми, способными их интерпретировать через принятие соответствующих ролей. Следовательно, процесс формирования (конструирования) реабилитационной среды для инвалида также должен включать в себя данные требования и позиции.

Показательны, в данном аспекте, результаты опроса ВЦИОМ, проведенного в 2018 г.: люди, не являющиеся инвалидами и не имеющие знакомых инвалидов, например, говорят об улучшении отношения общества к инвалидам, тогда как сами инвалиды положительных изменений не наблюдают. Сопоставительно и о проблемах, наиболее актуальных для инвалидов: люди, не являющиеся инвалидами (41 % лиц относительно числа опрошенных, не являющихся ин-

валидами и не имеющих инвалидов в ближайшем окружении) считают, что особые трудности для инвалидов представляют барьеры при передвижении по городу (недоступная физическая среда), тогда как сами инвалиды (43 % опрошенных) особо выделяют недостаточное лекарственное обеспечение [Инвалиды в России..., 2018].

Не менее важна, на наш взгляд, для описания и анализа понятия «реабилитационная среда инвалида» феноменологическая парадигма, позволяющая рассмотреть процесс конструирования реабилитационной среды через призму взаимодействия субъектов и объектов данного процесса. И здесь актуальными являются две позиции: интерпретация реабилитационной среды ее субъектами, в частности, законодателями, разработчиками соответствующих региональных программ, представителями органов государственной власти в сфере социальной защиты населения субъектов Российской Федерации и др.), и объектами (инвалидами с точки зрения их индивидуальной и коллективной идентичности, по Е.Р. Ярской-Смирновой и П.В. Романову).

Кроме того, целесообразно отметить, что формирование и конструирование реабилитационной среды инвалида зависит от того — какая модель инвалидности является определяющей при ее формировании: медицинская, направленная на компенсацию у инвалидов нарушенных или утраченных функций для того, чтобы они могли быть интегрированы в общество на условиях общества, а если нет — то изолированы от него, или социальная модель, предполагающая изменение общественного устройства, снятие барьеров и развитие инклюзивных практик по отношению к людям с инвалидностью на их собственных условиях [Ярская-Смирнова Е.Р., 1997; Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р., 2006]. К сожалению, несмотря на то, что в последнее время о социальных инклюзивных подходах и практиках в России много пишут, все активнее привлекают сообщество инвалидов к разработке нормативных актов по вопросам реабилитации, роль данной общественности в формировании реабилитационной среды тем не менее недостаточна.

Заключение

Реабилитационная среда инвалида, рассмотренная нами через призму классических и современных социологических подходов, представляет собой сложный динамичный конструкт, в центре которого находится человек с инвалидностью, его потребности и реабилитационные возможности. При этом система взаимоотношений инвалида и реабилитационной среды характеризуется их взаимовлиянием. По нашему мнению, реабилитационная среда инвалидов имеет (над)уровень, формируется на макро-, мезо- и микроуровне, отдельно выделяется внутренняя реабилитационная среда инвалида. Структуру реабилитационной среды составляют реабилитационные организации, их взаимосвязи, взаимоотношения. Функциями реабилитационной среды инвалидов, как мы уточнили, могут быть такие, как восстановительно-формирующая, компенсаторно-замещающая, развивающая, активизирующая, жизнеобеспечительная, а также функции социализации, социальной адаптации и интеграции.

Нами названы и принципы функционирования реабилитационной среды.

Существенным является уточнение факторов, оказывающих влияние на формирование реабилитационной среды инвалида. Отмечены прежде всего эндогенные и экзогенные факторы, к первым отнесены потребности инвалидов и их актуализация, ко вторым — общественные и социальные, в том числе реабилитационные, организации.

В результате проведенного анализа предлагаем *реабилитационную среду инвалидов представить как систему, в рамках которой происходит взаимодействие различных форм социально-реабилитационных отношений, где в основе наличествуют особые условия и ресурсы для осуществления жизненных потребностей и запросов на реабилитацию, ориентированные на актуализацию реабилитационного потенциала, обеспечение достойного качества жизни. Основными элементами реабилитационной среды являются организации реабилитационного профиля на разных уровнях управления (макро-, мезо-, микроуровня) с четко выраженными функциями субъектно-объектного регулирования и др.*

Список литературы

Афонькина Ю.А., Жигунова Г.В. Анализ социальных сред в контексте обеспечения независимой жизни людей с инвалидностью // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. Вып. № 69. С. 445–462.

Бакишханова С.С., Дашинамжилова В.Н. Проблема разработки и реализации реабилитационной среды в условиях детского отделения психоневрологического диспансера // Евразийский союз ученых. 2015. № 3–7(12). С. 70–71.

Бронников В.А., Григорьева М.И. О перспективах внедрения модели организации реабилитации по месту жительства инвалида в территориях Пермского края // Реабилитация – XXI век: традиции и инновации: материалы III Национального Конгресса с международным участием. Санкт-Петербург, 25–26 ноября 2020 г. СПб., 2020. С. 35–40.

Замараева З.П. Институционализация социальной защиты населения в условиях современной России: дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007. 305 с.

Инвалиды в России: без барьеров и ограничений: аналитический обзор / ВЦИОМ. 2018. 16 авг. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-v-rossii-bez-barerov-i-ogranichenij> (дата обращения: 10.05.2021).

Калашникова И.В., Тринадцатко А.А. Эволюция социальных моделей инвалидности // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2017. № 3(46). С. 277–288.

Кирилук О.М. Система реабилитации инвалидов в Санкт-Петербурге: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. СПб., 2007. 22 с.

Котова О.В. Современные модели интеграции инвалидов в социум // Социальная политика и социология. 2010. № 1(55). С. 209–218.

Луман Н. Введение в системную теорию / под ред. Д. Беккера; пер. с нем. К. Тимофеевой. М.: Логос, 2007. 360 с.

Мухарямова Л.М., Савельева Ж.В. Социальная среда для людей с аутизмом в России: проблема доступности в оценках экспертов // Экология человека. 2021. № 1. С. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-1-45-50>

Мясников И.Р., Старобина Е.М., Карасаева Л.А. Комплексный подход в организации доступной образовательной среды для инвалидов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 23, № 176. С. 29–38.

DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-176-29-38>

Наберушкина Э.К. Мобильное гражданство инвалидов в социальном пространстве города: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2013. 40 с.

Нацун Л.Н. Инвалидизация населения стран Европы как индикатор результативности их политики в сфере здравоохранения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 4. С. 200–219. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.13>

Парсонс Т. Функциональная теория изменения // Американская социологическая мысль: тексты / под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 464–480.

Пестовская И.В. Реабилитационная среда. Новое видение мира // Образование личности. 2013. № 4. С. 94–99.

Пономаренко Г.Н., Владимирова О.Н. Комплексная реабилитация и абилитация инвалидов в Российской Федерации // Физическая и реабилитационная медицина. 2019. Т. 1, № 1. С. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15>

Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. Саратов: Научная книга, 2006. 260 с.

Саитгалиева Г.Г., Матвеева Л.Д. Формирование социальной среды для реализации индивидуальной жизненной траектории людей с инвалидностью в современном обществе // Журнал научных статей «Здоровье и образование в XXI веке». 2016. Т. 18, № 3. С. 140–143.

Санникова С.С., Гапоненок Ю.В. Реабилитационное пространство и терапевтическая среда в Витебском доме-интернате для престарелых и инвалидов // Улица без конца: строим инклюзивный город: электрон. сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. к 50-летию Полоцкого государственного университета и 60-летию г. Новополоцка. Новополоцк, 3 мая 2018 г. / отв. за выпуск Е.Н. Борун. Новополоцк: Учреждение образования «Полоцкий государственный университет»=Установа адукацыі «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт», 2018. С. 20–25. URL: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/22942> (дата обращения: 10.05.2021).

Федеральный закон от 24.11.1995 N 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 10.05.2021).

Ханнанов Ш.К. Средовой подход в социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2011. № 1. С. 72–76.

Численность инвалидов по полу в разрезе субъектов РФ / Федеральный реестр инвалидов. URL: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-po-polu?territory=undefined> (дата обращения: 10.05.2021).

Шолух Н.В. Реабилитационная среда как объект системного анализа: выбор оптимальной модели // Сучасні проблеми архітектури та містобудування. 2008. Вип. 19. С. 320–332. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Spam_2008_19_52 (дата обращения: 10.05.2021).

Шпиленя Л.С. Проблемы организации в Санкт-Петербурге реабилитационной среды для лиц, нелегально употребляющих наркотические средства // Аддиктивное поведение: профилактика и реабилитация: материалы конференции. Москва, 22–23 апреля 2011 г. / Моск. гос. психолого-педагогический ун-т. М., 2011. URL: https://psyjournals.ru/addictive_behavior/issue/46131.shtml (дата обращения: 10.05.2021).

Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии / общ. ред. и послесл. акад. А.М. Румянцева; пер. с пол. М.М. Гуренко. М.: Прогресс, 1969. 239 с.

Ярская-Смирнова Е.Р. Социокультурный анализ нетипичности. Саратов: СГТУ, 1997. 270 с.

Получена: 01.05.2021. Доработана после рецензирования: 03.06.2021. Принята к публикации: 07.06.2021

References

Afon'kina, Yu.A. and Zhigunova, G.V. (2018). [Analysis of the social environment structure for ensuring independent life for people with disability]. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik* [E-journal. Public Administration]. Iss. 69, pp. 445–462.

Bakshikhanova, S.S. and Dashinamzhilova, V.N. (2015). [The problem of developing and implementing a rehabilitation environment in the children's section of a psycho-neurological clinic]. *Evraziyskiy soyuz uchenykh* [Eurasian Union of Scientists]. No. 3–7(12), pp. 70–71.

Bronnikov, V.A. and Grigor'eva, M.I. (2020). [Prospects for the introduction of a model of community-based rehabilitation in the territories of Perm Krai]. *Reabilitatsiya – 21 vek: traditsii i innovatsii. Materialy III natsional'nogo Kongressa s mezhdunarodnym uchastiem. Sankt-Peterburg, 25–26 noyabrya 2020 g.* [Rehabilitation – 21st Century: Tradition

tions and Innovations: Proceedings of 3rd National Congress with international participation. St. Petersburg, 25–26 November 2020]. Saint Petersburg, pp. 35–40.

Chislennost' invalidov po polu v razreze sub'yektov RF [The number of persons with disabilities by sex in the context of the constituent entities of the Russian Federation]. Federal register of people with disabilities. Available at: <https://sfri.ru/analitika/chislennost/chislennost-po-polu?territory=undefined> (accessed 10.05.2021).

Federal'nyy zakon ot 24.11.1995 N 181-FZ «O sotsial'noy zashchite invalidov v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of 24.11.1995 N 181-FZ "On Social Protection of Disabled People in the Russian Federation" dated]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (accessed 10.05.2021).

Invalidy v Rossii: bez bar'erov i ogranicheniy: analiticheskiy obzor (2018) [Persons with disabilities in Russia: free from barriers and restrictions: an analytical overview]. Russian Public Opinion Research Center, Aug. 16. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/invalidy-v-rossii-bez-barerov-i-ogranichenij> (accessed 10.05.2021).

Kalashnikova, I.V. and Trinadtsatko, A.A. (2017). [Evolution of social models of disability]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University]. No. 3(46), pp. 277–288.

Khannanov, Sh.K. (2011). [Environmental approach in sociology]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences]. No. 1, pp. 72–76.

Kirilyuk, O.M. (2007). *Sistema reabilitatsii invalidov v Sankt-Peterburge: sotsiologicheskii analiz: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Rehabilitation system for the disabled in Saint Petersburg: sociological analysis: Abstract of PhD. dissertation]. Saint Petersburg, 22 p.

Kotova, O.V. (2010). [Current models for the integration of persons with disabilities in society]. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology]. No. 1(55), pp. 209–218.

Luman, N. (2007). *Vvedenie v sistemnyuyu teoriyu* [Introduction to system theory]. Moscow: Logos Publ., 360 p.

Mukharyamova, L.M. and Savel'eva, Zh.V. (2021). [Social environment for people with autism in Russia: expert assessment of the accessibility issue]. *Ekologiya cheloveka* [Human Ecology]. No. 1,

pp. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.33396/1728-0869-2021-1-45-50>

Myasnikov, I.R., Starobina, E.M. and Karasheva, L.A. (2018). [An integrated approach to the organization of accessible educational environment for people with disabilities]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities]. Vol. 23, no. 176, pp. 29–38. DOI: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2018-23-176-29-38>

Naberushkina, E.K. (2013). *Mobil'noe grazhdanstvo invalidov v sotsial'nom prostranstve goroda: avtoref. dis. ... kand. sots. nauk* [Mobile citizenship of disabled persons in the social space of the city: Abstract of PhD. dissertation]. Saratov, 40 p.

Natsun, L.N. (2019). [The increase in the number of disabled population in European countries as an indicator of the effectiveness of their health policies]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. Vol. 12, no. 4, pp. 200–219. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2019.4.64.13>

Parsons, T. (1994). [Functional theory of change]. *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty, pod red. V.I. Dobren'kova* [American sociological thought: texts, ed. by V.I. Dobrenkov]. Moscow: MSU Publ., pp. 464–480.

Pestovskaya, I.V. (2013). [Rehabilitation environment. A new vision of the world]. *Obrazovanie lichnosti* [Personality Formation]. No. 4, pp. 94–99.

Ponomarenko, G.N. and Vladimirova, O.N. (2019). [Comprehensive rehabilitation and habilitation of persons with disabilities in the Russian Federation]. *Fizicheskaya i reabilitatsionnaya meditsina* [Physical and Rehabilitation Medicine]. Vol. 1, no. 1, pp. 9–15. DOI: <https://doi.org/10.26211/2658-4522-2019-1-1-9-15>

Romanov, P.V. and Yarskaya-Smirnova, E.R. (2006). *Politika invalidnosti: Sotsial'noe grazhdanstvo invalidov v sovremennoy Rossii* [Disability policy: Social citizenship of persons with disabilities in modern Russia]. Saratov: Nauchnaya Kniga Publ., 260 p.

Saitgalieva, G.G. and Matveeva, L.D. (2016). [Formation of the social environment for realization of the individual vital trajectory of people with disabilities in modern society]. *Zhurnal nauchnykh statey «Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke»* [The Journal of Scientific Articles Health and Education Millennium]. Vol. 18, no. 3, pp. 140–143.

Sannikova, S.S. and Gaponenok, Yu.V. (2018). [Rehabilitation space and therapeutic environment in the Vitebsk residential home for the elderly and disabled]. *Ulitsa bez kontsa: stroim inklyuzivnyy gorod: Elektronnyy sbornik materialov Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii k 50-letiyu Polotskogo gosudarstvennogo universiteta i 60-letiyu g. Novopolotska, Novopolotsk, 3 maya 2018 g.* [Endless Street: Building an Inclusive City: Electronic Collection of Proceedings of the International Scientific and Practical Conference for the 50th Anniversary of Polotsk State University and 60th Anniversary of Novopolotsk, Novopolotsk, May 3, 2018. Novopolotsk: PSU Publ., pp. 20–25. Available at: <http://elib.psu.by:8080/handle/123456789/22942> (accessed 10.05.2021).

Schepan'skiy, Ya. (1969). *Elementarnye ponyatiya sotsiologii* [Elementary concepts of sociology]. Moscow: Progress Publ., 239 p.

Sholukh, N.V. (2008). [The rehabilitation environment as the object of system analysis: choosing the optimal model]. *Repozitariy Kievskogo natsional'nogo universiteta stroitel'stva i kul'tury* [Current problems of architecture and urban planning]. Iss. 19, pp. 320–332. Available at: http://nbuv.gov.ua/UJRN/Spam_2008_19_52 (accessed 10.05.2021).

Shpilena, L.S. (2011). [Problems of organizing a rehabilitation environment in Saint Petersburg for illegal drug users]. *Additivnoe povedenie: profilaktika i reabilitatsiya: materialy konferentsii. Moskva, 22–23 aprelya 2011 g.* [Addictive Behaviour: Prevention and Rehabilitation: conference materials. Moscow, April 22–23, 2011]. Moscow. Available at: https://psyjournals.ru/addictive_behavior/issue/46131.shtml (accessed 10.05.2021).

Yarskaya-Smirnova, E.R. (1997). *Sotsiokul'turnyy analiz netipichnosti* [Sociocultural analysis of atypies]. Saratov: SSTU Publ., 270 p.

Zamaraeva, Z.P. (2007). *Institutsionalizatsiya sotsial'noy zashchity naseleniya v usloviyakh sovremennoy Rossii: dis. ... d-ra sots. nauk* [Institutionalization of social protection in modern Russia: dissertation]. Moscow, 305 p.

Received: 01.05.2021. Revised: 03.06.2021. Accepted: 07.06.2021

Об авторе

Григорьева Милана Игоревна

старший преподаватель кафедры социальной работы и конфликтологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: milanagrekhova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5717-4667>
ResearcherID: M-2112-2017

About the author

Milana I. Grigoreva

Senior Lecturer of the Department of Social Work and Conflict Studies

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm, 614990, Russia;
e-mail: milanagrekhova@list.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5717-4667>
ResearcherID: M-2112-2017

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Григорьева М.И. Реабилитационная среда инвалида: концептуализация понятия в социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2021. Вып. 2. С. 270–281.
DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-270-281

For citation:

Grigoreva M.I. [Rehabilitation environment for the disabled: conceptualization of the concept in sociology]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2021, issue 2, pp. 270–281 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-2-270-281

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России**.

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

09.00.00 Философские науки (рубрика «Философия»)

09.00.01 Онтология и теория познания

09.00.11 Социальная философия

09.00.03 История философии

09.00.13 Философская антропология, философия культуры

19.00.00 Психологические науки (рубрика «Психология»)

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

22.00.00 Социологические науки (рубрика «Социология»)

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.08 Социология управления

22.00.01 Теория, методология и история социологии

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на **разделы**:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу **не допускаются**. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел Выражение признательности на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов должен состоять как минимум из 15–20 источников; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.1-2003 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.1.-2003 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «<» и «>». Знаки «<», «>», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ъ ы ь э ю я
a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastroyki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi», «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*. Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных книг** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennye sposoby aktivizatsii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). **Для англоязычных источников** приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskii analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторах автора в виде активных гиперссылок: ORCID и ResearchID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <http://orcid.org/> и <https://publons.com/account/login/>);
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакционную правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf/89-nauka/282-litsenzionnyj-dogovor-s-avtorami>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется (кроме аспирантов и соискателей). Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтингуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для аспирантов бесплатные.

Редакционная коллегия информирует, что публикации и для остальных авторов в 2021 году будут бесплатными.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2021 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 01 февраля	31 марта
в № 2 — до 01 мая	30 июня
в № 3 — до 01 августа	24 сентября
в № 4 — до 01 ноября	24 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

09.00.00 Philosophy

09.00.01 Ontology and Epistemology

09.00.11 Social Philosophy

09.00.03 History of Philosophy

09.00.13 Philosophical Anthropology, Philosophy of Culture

19.00.00 Psychology

19.00.01 General Psychology, Personality Psychology, History of Psychology

22.00.00 Sociology

22.00.04 Social Structure, Social Institutions and Processes

22.00.08 Sociology of Management

22.00.01 Theory, methodology and History of Sociology

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...»...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

Reference list should include from 15 to 20 citations as minimum, and should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For resources in other languages (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please **do not use footnotes**. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship** or **foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (ORCID and Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald**: fsf-vestnik@yandex.ru. The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript of PhD students is **free**.

The Editorial Board informs that the publication of manuscripts is free for all authors in 2021.

Submission deadlines in 2020

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	March 31
No 2 May 1	June 30
No 3 August 1	September 24
No 4 November 1	December 24

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2021
Выпуск 2

Редактор *Л.А. Богданова*
Корректор *Л.И. Семицветова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 25.06.2021
Дата выхода в свет 30.06.2021
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 16,74
Тираж 500 экз. Заказ 1060/2021

Адрес учредителя и издателя:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д.15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:

614990, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского политехнического университета.

614990, г. Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113. Тел. (342) 219-80-33

Распространяется бесплатно и по подписке